

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДОМ ПЛЕХАНОВА

VII ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ВСТУПЛЕНИЕ
В ЭПОХУ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

30 мая – 1 июня 2005 г.

Материалы к конференции

Санкт-Петербург
2005

2006-3
3476

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДОМ ПЛЕХАНОВА

VII ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ВСТУПЛЕНИЕ
В ЭПОХУ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

30 мая – 1 июня 2005 г.

Материалы к конференции

Санкт-Петербург
2005

Научный редактор – Т.И.Филимонова, канд. ист. наук
Научные рецензенты – М.А.Абрамов, докт. филос. наук,
В.В.Соколов, докт. ист. наук.

Сборник содержит краткие и полные тексты докладов участников VI Плехановских чтений, посвященных истории России начала XX века. Авторы анализируют широкий круг проблем отечественной истории, включенных в тему конференции. Представленные материалы отражают различные подходы и взгляды специалистов в области истории, философии, политологии, социологии и экономики на обсуждавшиеся вопросы и ориентированы на научных работников и преподавателей, аспирантов и студентов, всех интересующихся актуальными проблемами общественных наук.

Подписано к печати 25.05.05. Формат 60x84/16. Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,0. Уч. изд. л. 8,0. Тираж 150 экз. Заказ № 54.

Издательство Российской национальной библиотеки, ОП.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.

ISBN 5-8192-0238-0

© Российская национальная библиотека
2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Косолапов Н.А. Человек в исторических преобразованиях XX века опыт и вклад России	7
Борозняк А.И. Макс Вебер о социально-политической трансформации России в начале XX века	11
Милов Л.В. Особенности исторического процесса в России	13
Калашников В. В. Общественно-политическое сознание российского крестьянства начала XX века в новейшей историографии	21
Мионов Б.Н. Обнищание крестьянства в пореформенной России: взгляд непредубежденного человека	28
Куреньшев А.А. Община и другие крестьянские организации и реформы, революции в России	33
Пушкарёва И.М. Протестное рабочее движение в России накануне революции 1905 - 1907 гг. в цифрах	42
Шатохин И. Т. Проявления кризиса в местном управлении Российской империи в начале XX века	45
Чернышева Е.В. Земское самоуправление в системе конституционных воззрений Д.И. Шаховского	48
Волков В.С. Моральные мотивы участия студенческой молодежи в антиправительственном движении (конец XIX – начало XX вв.)	50
Казарова Н.А. Либеральная и социалистическая интеллигенция Дона в начале XX века: опыт взаимодействия	54
Валилин Е.Г. Комиссия сенатора Н.П. Гарина в борьбе с финансовыми злоупотреблениями в снабжении русской армии в начале XX века	56
Тютюкин С.В. К 100-летию первой российской революции (некоторые вопросы историографии проблемы)	59
Чернобаев А.А. М.Н.Покровский накануне и в годы Первой революции в России	61
Свалов А.Н. Первая революция в России и международное социалистическое движение (некоторые аспекты темы)	64
Кащавцева О.С. Н.С. Русанов о задачах и формах деятельности революционной партии в России (1901 - 1915 гг.)	67
Любин В.П. Италия и русская революция 1905-1907 гг. (по материалам отечественных архивов)	72
Филиппов В.Р. С.М. Широкогоров – наше все	76
Элез А.И. Теория нации и российская социал-демократия: к истории вопроса	87
Хабенская Е.О. Национально-культурная автономия: "классическая" концепция и современное воплощение	97
Смирнова Т.М. Национальный состав населения Петербурга: начало XX и XXI вв.	99
Кнорринг В.В. "Нужен синтез!": идеи С. М. Дубнова о национально-культурной автономии и школьная деятельность Общества для распространения просвещения между евреями в России	102
Вашкау Н.Э., Розина Е.К. Столыпинская реформа как шанс европейского развития России: вклад немецких колонистов	106
Кравчук В.Р. Право на свободу совести и вероисповеданий военнослужащих русской армии в период думской монархии	108

Peter H.R. "So genannte Russen": Veränderungen im Typus und Selbstverständnis russischer Studenten in Deutschland nach der Revolution 1905	112
Петренко Е.Л. О неизданной биобиблиографии трудов Г.В. Плеханова	121
Hedeler W. Plechanov und die Berichterstattung über Russland in der "Neuen Zeit" von 1904-1908	125
Ŗakamoto H. О становлении исторических взглядов Г.В. Плеханова	129
Пронина М.В. К истории создания труда Г.В. Плеханова "История русской общественной мысли"	129
Латышева В. А. Россия в начале XX века (попытка синергетического видения)	132
Волгирева Г.П. Проблемы аграрных отношений начала XX века по материалам "Пермских губернских ведомостей"	135
Папулов К.Л. Борьба за политические свободы на примере ситуации в российской столице в период с августа 1904г. по январь 1906г. (по материалам петербургских газет)	141
Быков В.В., Коначев М.Б. Некоторые методологические и теоретические аспекты обновления марксизма: постановка проблемы	145
Цалиева О.К. О возможностях либеральной альтернативы модернизации России в начале XX века в свете некоторых итогов трансформации современной российской экономики	149
Козлов Е.А. 100-летие демократической революции в России: возможное будущее через призму прошлого	154
Список докладчиков	158

ПРЕДИСЛОВИЕ

"...у истории нет обратного хода. Но оглянуться назад необходимо, ибо только в прошлом заключен ответ, какое будущее ожидает Россию. Ответьте себе, что в прошлом вы цените больше всего, в чем видите позитивный результат, от чего в своей истории не отречетесь ни при каких обстоятельствах — и вы обретете ключ к будущему".

В.М. Межуев

Темой VII Плехановских чтений "**Россия в начале XX века: вступление в эпоху исторических преобразований**" Дом Плеханова открывает цикл конференций, в ходе которых планируется рассмотреть причины и сущность радикальных трансформаций, в том числе революционного характера, через которые пришлось пройти российскому обществу в течение последнего столетия. Существенной особенностью коренных преобразований в начале и конце прошлого века явилась их различная социальная направленность. Так, если целью пришедшей к власти в 1917 году партии большевиков стала организация условий для качественного скачка и поступательного движения страны при сохранении типа культуры¹, то предпринятые в середине 80-х гг. и продолжающиеся ныне реформы сопровождаются глубочайшим социальное-экономическим, политическим и культурным, т.е., **системным кризисом**, результатом чего может явиться изменение типа цивилизационного развития.

Представленные к рассмотрению доклады позволили выявить ряд характеристик, касающихся природно-климатических условий и особенностей российского исторического процесса и обусловивших специфику становления и развития нации и производительных сил страны. Они же обусловили особые черты национальной экономики, повлияли на социальную структуру государства, государственное устройство России, взаимоотношения в нем классов и сословий — по сути, определили **вектор исторического развития** российской общественной системы.

Так, в одном из докладов подчеркивается, что отличительной особенностью российской государственной системы являлось, по сравнению с западными, необычайно сильное **развитие ее хозяйственно-экономической функции**. Помимо изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, государство было вынуждено форсировать процесс общественного разделения труда, прежде всего, отделение промышленности от земледелия. Следствием сложившейся ситуации стала активность государства в области создания "всеобщих условий производства": строительство огромных оборонительных сооружений, организация крупных металлургических производств, строительство водных каналов, сухопутных трактов, возведение фабрик и заводов, верфей, портовых сооружений... В работе отмечается, что **без принудительного труда** сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без постоянных своего рода «депортаций» в те или иные районы страны целых бригад мастеров — металлургов, оружейников, каменотесов, плотников, купцов, наконец, **без обширного государственного сектора экономики** создать все перечисленное, т.е., состояться России в качестве независимого государства, было бы невозможно.

Оценивая итоги развития России к началу XX века, Плеханов писал: "В этом заключается весьма достойная нашего внимания относительная особенность нашего исторического процесса... [при сравнении] общественно-политического строя Московского государства со строем западноевропейских стран, у нас получится следующий итог: государство это отличалось от западных тем, что закрепило себе не только низший, земледельческий, но и высший, служилый класс, а от восточных, на которые оно очень походило с этой стороны, — тем, что вынуждено было наложить гораздо более тяжелое иго на свое закрепощенное население"². В этом, по мнению Плеханова, и следовало искать причины Первой русской революции: несоответствие существующего строя условиям времени и веками накоп-

вавшиеся противоречия превратили практически все слои общества в оппозиционные по отношению к самодержавию.

Включенные в сборник материалы составляют несколько тематических блоков, в рамках которых рассматриваются вопросы методологии познания, в том числе общественной психологии и этногенеза; историографии; аграрной истории, общественного самоуправления, рабочего движения России; национальные проблемы, вопросы сотрудничества и взаимодействия политических партий и течений накануне и в ходе I русской революции; причины поражения и значение ее побед для дальнейшего развития нашей страны; осмысление уроков революции 1905-1907 гг. современным обществом...

Споры о значимости и необходимости событий начала XX века для российской истории не утихают и поныне... Одни участники дискуссий видят в русских революциях триумф разума и воли, торжество исторической справедливости, другие оценивают их как национальные катастрофы и гибель...

При всей разности оценок и мнений практическую значимость представляет вывод о том, что в тех случаях, когда государство проявляет нежелание или неспособность к проведению адекватных времени и уровню общественного развития реформ при том, что народ лишен возможности отстаивать свои права иным способом, кроме как на пути прямого противостояния власти, такое противостояние рано или поздно становится реальностью...

И еще несколько слов в заключение. Дом Плеханова выражает искреннюю признательность и благодарность Фонду развития социал-демократических идей имени Г.В.Плеханова и Санкт-петербургскому отделению Социал-демократической партии России за помощь в организации и проведении VII Плехановских чтений.

*Т.И.Филимонова, канд. ист. наук,
зав. сектором Дом Плеханова*

1 Вот как характеризует его К.М.Кантор: "В типе российской культуры, основанной на приоритете личности, таятся богатые возможности, позволяющие без копирования, творчески усвоить общечеловеческие ценности культуры Запада, избежав воздействия постмодернистских деструктивных черт.

Необычайная парадоксальность советского общества состояла в том, что оно было одновременно воплощением «казарменного коммунизма» и единственным массовым носителем и хранителем марксовых идеалов коммунизма. По этой причине Советский Союз, оставаясь в «обозе» истории, был в то же время ее авангардом. В старый сосуд, вопреки предостережению Христа, влили вино Будущего. Сосуд разбили, вино разлилось. Кризис «социалистической общественно-экономической формации» вызвал кризис доминирующего типа русской культуры, а тот и другой совместно затронули парадигмальный проект истории, ее духовную основу" // Полис – 1996. - №3.

2 Г.В.Плеханов. Указ. соч. – Т.XX. – С.88.

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ XX ВЕКА: ОПЫТ И ВКЛАД РОССИИ

1. Г.В. Плеханов сделал неизмеримо большее, чем просто ввел марксизм в интеллектуальную жизнь и политику России: *посредством марксизма он привил российскому обществу начала рационалистического мышления о природе и движущих силах социальных процессов*. Ретроспективно это видится главным и необратимым итогом его революционного и научного творчества. В этом смысле риску сравнить историко-когнитивную роль Г.В. Плеханова с ролью Лютера в эволюции европейской мысли. В обоих случаях важен первый импульс, первый сдвиг от абсолютного господства эмоционально-этических восприятия и оценок, нормативности ("как должно быть") к мышлению рационально-аналитическому: "что есть на самом деле, почему оно таково и что из желаемого реально в границах человеческого знания, понимания, возможностей". Такой же процесс в Европе начался раньше, через рационализацию религиозного миропонимания. В Россию он пришел благодаря Г.В. Плеханову; с марксизмом; и развивался через рационализацию общественного сознания в целом. Обращаясь к идеям Г.В. Плеханова, мы должны особо отметить эту сторону его духовного наследия.

2. Исторические преобразования – не только зримые перемены, которыми оказался урожаен XX в. Это прежде всего изменение самого человека под их влиянием. Изменение не только и даже не столько содержания сознания – оно легко фиксируется, – сколько структуры психики и мышления. Тема выступления – *человек как творец, жертва и продукт исторических преобразований XX в.*; при этом под "человеком" в данном случае понимаются исторические уровень и качество развития его психики. Проблема безбрежная; задачу свою вижу в ее постановке и попытке подхода к ее анализу. Разделяю мысль Т.И. Филимоновой, высказанную на Плехановских чтениях 1999 г.: нельзя приравнивать историю к модернизации. Исторический процесс включает развитие производительных сил и развитие самого человека; главное – второе (конец цитаты по памяти).

Сегодня есть термин для обозначения исторической эволюции психики и сознания – *виртуализм*. Это процессы информационной природы, что отличает их от фантазийного, нетто-идеалистического. Границу между виртуализмом и фантазиями можно обозначить методом "от противного": фантазии (утопии, гипотезы) суть *продукт* сознания, тогда как виртуализм – *средство*: все то, что насыщает психику символами, смыслами и делает возможным оперирование ими, разделение психики на *эмоцию* и *рацию*, становление и развитие сознания.

3. XX в. начинался под знаком господства рационалистической мысли Европы в двух ее главных ипостасях – позитивистском и марксистском. Первое сочетало уклонение от до сих пор неразрешимого спора между верующими и атеистами, и упор на познание тех явных сторон жизни, которые поддавались объективным оценкам и не требовали для их объяснения гипотез, проверка коих выходила бы за пределы продолжительности жизни современников и текущих возможностей науки. Марксизм, напротив, опирался на атеизм и формулировал гипотезы макроисторического и макросоциального содержания. Ретроспективно два подхода удачно дополняли друг друга; но в начале XX в. политические противоречия между их сторонниками затмевали этот факт.

Позитивизм "наследовал" (1) христианское представление о греховности человека, трансформированное им в идеи природного несовершенства личности – откуда делался вывод о необходимости общественного контроля над самим человеком и особенно над создаваемыми им институтами; и (2) возрожденные в XVIII в. идеи "субъективного" (*subjectus*) как наиважнейшего фактора в истории и в жизни общества. Это сочетание позволило неопозитивизму добиться в XX в. успехов в развитии социальных наук, но в конце XIX – начале XX вв. давало основания для обвинений позитивистского мышления в идеализме.

Марксизм, исходя из гипотез "объективных закономерностей истории", примата материальных условий бытия над сознанием, общественных интересов над личными, сосредоточился на этих идеях, полагая, что изменение условий бытия на началах социальной

справедливости делает жизнь общества — а тем самым и жизнь человека, и самого человека — достойными, справедливыми, во всех отношениях позитивными. В дальнейшей практике в условиях СССР эти изначальные представления трансформировались в поразительный гибрид все еще во многом религиозного (на базе православия) типа психики и сознания с воинствующим атеизмом, породив идеологию марксизма-ленинизма.

4. К началу XX в. человечество подошло с множеством виртуалий, почти каждая из которых выполняла какие-то зримые функции и служила средством социальной компенсации для ее авторов, адептов и общества в целом. Факт этот затенялся самоочевидной функцией конкретной виртуалии. Хотя психология как наука ведет свою историю с середины XIX в. и к началу века XX имела серьезные достижения, природа виртуалий, историческая эволюция самих устройства и работы (не только содержания) психики стали осознаваться в конце XX в., а интегрироваться в единое целое лишь в последние годы. Одновременно сегодня пришлось понимать, что мифы и религии, утопии и идеологии — не только компенсации, но и макро-социальные, макроисторические гипотезы, а значит, со временем обречены на корректировку, возможно, на опровержение. Виртуалия, уязвимость которой доказана, сильно теряет в ее компенсаторном потенциале (оставаясь при этом дееспособной в других ее функциях и отношениях).

5. Наиболее очевидное преобразование XX в. в сфере виртуалий — не имеющий равных в истории прорыв в области научного знания, образования, в последние 30 лет — накопления и обработки огромных массивов информации и, как следствие, в способности *систематизировать, осмысливать социальный опыт в почти неограниченных масштабах и на десятки поколений в прошлое или в будущее*. Россия внесла в начале XX в. значительный вклад в науку; в СССР получило распространение массовое образование; но СССР/неоРоссия начисто проиграла этап зарождения информационных технологий (ИТ). Процесс трансформации в России 1990-х оплачен гигантским, пока продолжающимся обесцениванием человеческого капитала, накопленного в предыдущую эпоху.

6. Прорыв в мышлении стал возможен благодаря *нараставшему отходу сознания XX в. от религиозных мировоззрения и миропонимания*. Начало этого отхода приходится на гораздо более ранний период. XX в. добавил здесь не столько научные аргументы, сколько феномен отступления веры как источника информации о внешнем мире далеко на задний план под давлением иных, более современных ее источников.

Россия под влиянием воспринятого марксизма возглавила атеистическое направление; но под воздействием теории и практики марксизма-ленинизма и борьбы с буржуазной идеологией (вобравшей неопозитивистский взгляд на мир) в итоге развернулась назад — к духовной реакции, православию и мракобесию, к становлению своего рода нео-язычества. При историческом взгляде на вещи это качание маятника от радикального атеизма к радикально-фундаменталистскому клерикализму закономерно и по-своему естественно. Но оно показывает: путь от религиозного мировоззрения к научному в социально-исторических масштабе и времени гораздо сложнее, противоречивей и длиннее, чем когда-то казалось. Распространение научного сознания не сопровождается уходом религиозного, но лишь теснит его, разделяя с ним социальные и духовные функции.

7. XX в. создал массовое общество, потребление, культуру и т.п. В начале века эти процессы в Европе и России были не более чем заметны; к концу века они стали господствующей реальностью и вызвали к жизни серьезные сдвиги в психологии: возникли все более расходящиеся *"ножницы"* между социальными и индивидуальными, официальными и фактическими моралью и этикой.

Россия внесла и продолжает вносить колоссальный вклад в становление этих *"ножниц"* всей своей историей — с гражданской войны до приватизации и госсфеодализма 2000-х. Думать одно, говорить другое, поступать по-третьему; придерживаться разной морали в отношениях с близкими, чужими людьми и с оргструктурами (включая государство); безболезненно и мгновенно менять идеи по мере конъюнктурной необходимости стало нормой. Скорее всего, процесс усложнения этической сферы шел бы в любом случае; но в России он был мощно ускорен всеми перипетиями отечественной истории XX в.

Нравственные итоги этого процесса, видимо, необратимы. Наряду со многими очевидными *"минусами"* в таком положении есть и *"плюсы"*. Сняв былые табу и лицемерные

ограничения, научившись видеть власть и общество в реальном свете, россияне объективно лучше многих подготовлены к прорыву в науках об обществе и человеке. *Общество, представшее в расцвете всех его несовершенств, извращений и преступлений, переставшее их стесняться и даже бравирующее ими – готовый анатомический театр, которого нет в благополучных странах;* предпосылка появления новых гипотез и теорий.

8. К концу XX в. неотъемлемой и важнейшей частью жизни, главным фактором ее дальнейшего развития стали виртуальные пространства. Они – результат соединения пространства как формы организации с возможностями ИТ. *Виртуальные пространства глубоко меняют организационные формы жизни, главное, материализуют общественное сознание в реальном времени:* если раньше оно “жило” в головах людей и в книгах, то теперь еще в базах данных и в связывающих их сетях, доступное “сейчас и сегодня”.

Использование ИТ и виртуальных пространств усиливает радио- начала в психике человека. Сочетание таких пространств с новым менталитетом России может дать совершенно неожиданные эффекты для содержания сознания. Но в современной РФ масса сильных социальных интересов препятствуют созданию виртуальных пространств социального значения.

9. Виртуальные пространства реализуют одно из главных преобразований в сфере сознания: *поворот от “жизни в прошлом” к “жизни будущим”.* Прошлое – это опыт, традиции, табу; авторитет старших и самодовление привычного в быту, культуре, политике. Будущее – это потребность экономики и политики в прогнозировании и проектировании, задачи макросоциального регулирования, управления посредством прогнозов, неизбежность прихода к осознанному построению всей общественной жизни. Замечу: “осознанному” не тождественно “благолепному”, как полагали в конце XIX в.: осознанным и научным по методам его построения и управления им может быть и глобальный тоталитаризм, в эпоху ИТ все более доступный.

Россия первой вступила на этот путь, избрав в качестве ориентира, как сейчас понятно, социальную макрогипотезу, верификация которой требовала не менее 150-200 лет, считая от момента ее выдвижения. Характер движущей идеи развития сделал неизбежным радикализм средств и методов – что потребовало радикальных же средств реформирования и привело к возврату не просто к капитализму, но (вспоминая о дискуссии начала прошлого века), к развитию российского капитализма “в прусской форме по американскому пути”.

Уйти от “жизни в будущем” уже невозможно. Шакалы, делящие добычу и живущие только настоящим, лишают страну и прошлого, и будущего. Если мы не сможем в самое ближайшее время принять для себя долговременную линию на будущее, за Россию и для России это сделают другие. *Неспособность “жить в будущем”* – реакция на то прошлое, через которое прошла Россия в XX в. и раньше и которое только сейчас, на базе ИТ, начинает осознаться нами во всей полноте и как единое целое.

10. Самая большая и подлинно историческая переменная XX в., сплоная доставшаяся России – это возникшая на его протяжении непостижимо огромная концентрация *человеческих горя и трагедий.* Десятки миллионов погибших – у каждого из них были родители и дети, любимые, близкие и друзья. Еще большее число искалеченных, поруганных, непрерывно срываемых из привычной жизни – предреволюционной, предвоенной, предпрестрочной; бросаемых черт-те во что и куда – в гражданскую, Великую Отечественную или в Афган и Чечню; в эмиграцию, на Магнитку и целину, в рынок и демократию. Все это обрушивалось градом родительских психозов на психику детей, передавалось от поколения к поколению. В последние пятнадцать лет процесс этот не только не остановлен, но обрел новое качество: социопсихологический эффект реалий подкрепляется коммерческими виртуальными – телевидением, компьютерными играми и т.п.

Человек начала XXI в. утратил ту детскую непосредственность психики и особенно сознания, что так поражает в литературе, общественно-политических работах, мемуарах людей начала прошлого века. Хорошо это или плохо, но мы расстались с прежней социальной и исторической наивностью и не обзавелись пока такими новыми чувствами, идеями и побуждениями, которые реально могли бы претендовать на их признание наивностью в будущем. По итогам XX в. мы (особенно те, кому пока не больше 35-40 лет) – общество и

индивиды без иллюзий и почти без каких-либо табу. Я вижу в этом не только "минусы".

У российского общества уже не остается необходимых по мощи средств новой психологической компенсации. Личность может уходить куда угодно — от вуду до наркотиков. Но на социальном уровне нет альтернативы, кроме как *начать называть вещи своими именами*; говорить открыто обо всем, в том числе о том, что пока не принято, не политкорректно; *и вершить в себя, а не в сверхестественные силы и спасительные социальные учения*. Нет ни таких сил, ни волшебных рецептов. Ни в России, ни в природе. "Отмороженность" россиян, раскованность в обсуждении любых тем (от постели до "нормальности" связей власти и криминала) есть огромный шаг вперед в развитии психики, сознания, а тем самым, наряду с прочим — идеологии и научной мысли.

11. Один из парадоксов российской истории XX в. заключается в том, что в прошлое столетие лучшие люди России вступали с мыслями о свободе, счастье, социальной справедливости, о возможности "царства небесного" на земле. В XXI в. мы вступили с реалиями, делающими как никогда вероятным появление подлинного тоталитаризма, общества максимальной несвободы.

Новое экономическое закабаление человека, ИТ на службе всех форм сыска и контроля над личностью, виртуальные пространства управления через посредство коррупции, компромата, неформальных отношений — все это может создать принципиально новую систему угнетения человека. Не просто более сильную, изощренную, эффективную, но принципиально иную, в которой человек может чувствовать себя по-своему комфортно и даже свободным.

12. Центральное последствие преобразований XX в. для общества и индивида — первое крупномасштабное соприкосновение вековых идей и идеалов с практикой. Человек впервые попытался осознанно строить свою общественную жизнь. Не только в рамках социалистического эксперимента, но и на Западе, в ряде развивающихся стран (Индия, Мексика). Неполнота удачи — *не удача!* — дала закономерный откат в реакцию, мистицизм, религию, другие исторически более ранние формы сознания, его содержания и связей сознания с практикой. В историческом смысле задача не снимается. Вернуться к ней придется не только "вообще", но очень быстро: потребует экологическая угроза, не говоря об иных проблемах. Идеология устойчивого развития — "второй подход" к идее и практике осознанного строительства жизни на макроуровне. Сочетание провалов и достижений в осуществлении идеалов и грез прошлого "по большому счету" ставит проблему не только меры реалистичности мечтаний начала XX в. (ясно, что они были продуктами не знаний, а индивидуальной и социальной компенсаторики), но и *проблему взаимодействия идеи и реальности*.

А. Фергюсон¹ в 1960 г. сформулировал принципы такого взаимодействия, первый из них гласит: *идея не реальность, она живет и развивается лишь потому и до тех пор, пока остается оторвана от реальности и исчезает, едва начав с ней смыкаться*. Религии устойчивы, ибо райская жизнь обещана человеку на том свете. *Социальные учения* стремятся создать достойную жизнь здесь, а значит, *при первых признаках их успеха обречены на идейно-политические кризисы*.

Из этих кризисов в принципе мыслимы три выхода: разочарование в идее, ее отбрасывание, возвращение назад и новое начало с высокой вероятностью выхода на ту же самую идею спустя поколения (как социализм вышел по сути на идеи и идеалы первохристиан); интеллектуальное преодоление данного кризиса, анализ опыта и его результатов и продвижение идеи вперед, в том числе, при необходимости путем ее глубокой трансформации; в перспективе — понимание таких кризисов как необходимых предпосылок к новой ступени развития (так понимает роль кризисов в экономике современная экономическая теория; и это понимание — еще одно важное преобразование виртуалий в XX веке).

ВЫВОД: как ни трудно сейчас в это поверить, но социалистический опыт — включая эксперимент России — не потерпел исторического провала. Немалой ценой, но этот опыт принес значительные успехи, и по причине последних идея социализма вошла в состояние *кризиса изначального ее варианта*. Этот кризис может закрепиться как кризис отката на поколения назад. Но может стать и кризисом развития, радикального продвижения идеи на базе современного опыта и науки. Морально, эмоционально и интеллектуально есть все

необходимые для научно-политического рывка предпосылки.

Они разбросаны в мире виртуалий. Не берусь судить, насколько готово воспринять их оттуда западное политическое сознание. В России же происходит замена прежнего основного населения, выработавшего свой ресурс за 300 лет, начиная с Петра I и до Ельцина, на какое-то новое. Подобные "сбросы" населения в истории страны случались уже не раз. Результаты этой замены будут очевидны примерно к 2025-2030 г. Пока совершенно неясно, какими политическими, социальными и этическими категориями оперирует элита нового, еще только складывающегося российского (по гражданству) социума; мыслит ли она вообще в этом направлении, или ее умы заняты иными проблемами. Но в прошлом (в том числе, отечественном) глубокое обновление этноса нередко сопровождалось становлением новых методологии, типа, стиля мышления и, как следствие, нового содержания сознания, этики и науки.

1 А.Б. Фергюсон. Золотая осень английской рыцарственности. Исследование упадка и трансформации рыцарского идеализма / Пер. с англ. – СПб: 2004. С. 9 и др.

А.И.Борозняк

МАКС ВЕБЕР О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В творческом наследии классика социологии Макса Вебера особое место занимают его публикации, посвященные первой русской революции, содержащие глубоко выверенный научный анализ событий в России, продуманные и заставляющие задуматься предостережения ученого, прогноз – тревожный и в высшей степени актуальный для сегодняшнего и завтрашнего дня нашей родины.

Еще до начала революционных событий в Петербурге Вебер, опираясь на контакты с русскими исследователями и политиками, находившимися в Гейдельберге (там с 60-х годов действовала Тургеневская библиотека), начал изучение русского языка, русской научной и публицистической литературы. Марианна Вебер вспоминала впоследствии: "в течение месяцев, затаив дыхание, он с напряжением следил за русской драмой", "он полностью погрузился в изучение души и культуры русского народа".

В 1906 г. в издаваемом Вебером (совместно с В.Зомбартом и Э.Яффе) журнале "Архив социальной науки и социальной политики" были опубликованы две чрезвычайно объемные статьи: "К положению буржуазной демократии в России" и "Переход России к мнимому конституционализму". Внешне статьи представляли хроники событий в России, но на деле это были глубочайшие теоретические трактаты, сыгравшие (не в последнюю очередь благодаря диалогу с русскими коллегами) весьма значительную роль в разработке и обогащении сформулированных позднее ключевых концептуальных установок Вебера.

Обращение Макса Вебера к глубокому изучению русской истории, философии и культуры, его контакты с русскими учеными и политическими деятелями либерального направления носили далеко не случайный характер. Он видел в русской революции модель перехода традиционного общества к фазе модернизации и, соответственно, реакции на этот процесс со стороны различных социальных сил.

Вебер дал принципиально новую трактовку дебатов славянофилов и западников (сведения об этом были почерпнуты из диссертации Ф.А.Степуна о Вл.С.Соловьеве, выполненной в Гейдельберге под руководством В.Виндельбанда). Ученый рассматривал вековые споры двух ветвей русской общественной мысли как проявление раскола традиционного общества в ходе его модернизации на два непримиримых течения: сторонников консервативного национализма и приверженцев рационализации по западному образцу. В воззрениях славянофилов (а также Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского) он видел столь важную для него антитезу западной дегуманизации общества.

В противоположность большинству западных политиков и ученых либерального толка, Вебер указывал на обреченность русского либерализма, на отсутствие у либерального проекта социальной опоры. Коренную, непреодолимую слабость либерализма в России он связывал с неразвитостью городского среднего сословия, с отсутствием корней самоуправления, с доминирующими у крестьян представлениями патриархального коммунистического традиционализма.

Вебер с полным основанием полагал: говорить о победе демократии даже в случае успеха революции невозможно. Утвердится не подлинный конституционализм, но мнимый или ложный конституционализм, а подлинные шаги в направлении либерализации окажутся невозможными и равнозначными саморазрушению системы.

Проведенный Вебером классический анализ результатов выборов в I Государственную думу показал, что кажущиеся успехи либеральных группировок представляют собой ловушку или тупик. Создание буржуазного уклада в русской деревне, указывал ученый, неизбежно приведет к экономическому упадку, способному растянуться на несколько десятилетий, и к росту политического радикализма, а идеи архаического аграрного коммунизма могут получить самое широкое распространение. Государственный социализм русских революционеров прямо ведет к авторитарному режиму.

"Страна, которая по своим убеждениям едва ли более столетия назад сильно напоминала монархию Диоклетиана, не может в действительности осуществить какую-либо исторически обоснованную и при этом все же жизнеспособную реформу" — этот предостерегающий прогноз Вебера оказался точным, и не только для начала XX века. (Установки Вебера не оставляют камня на камне от сегодняшних расхожих версий о том, будто бы в начале прошлого века Россия шла к гражданскому обществу, но ей помешали зловредные и неразумные силы.)

Сходный пессимистический политический прогноз был дан Вебером — уже относительно Германии — в 1918 г в лекции "Политика как призвание и профессия": "Не цветение лета предстоит нам, но сначала полярная ночь ледяной иглы и суровости, какая бы по внешней видимости группа ни победила... Когда понемногу начнет отступать эта ночь, кто еще будет жив тогда из тех, чья весна, по видимости, расцвела сейчас так пышно?"

В обществах переходного типа, был убежден Вебер, невозможна быстрая реализация программы западного конституционализма, необходима длительная работа по внедрению в общественное сознание принципов индивидуализма, личных прав и экономической независимости. Рационализация — это отнюдь не линейный процесс. Существует и антитеза рационализации, вызванная состоянием общества, при котором действия, направленные на рационализацию оказываются не только малозффективными, но и прямо ведут к разрушительным последствиям.

Веберовский анализ метаморфоз политической власти переходного периода неопровержимо показывает, в нашей стране ответ на вызовы XIX века оказался отложенным на сто лет. Реализация этого вызова в наши дни осложняется необходимостью нашего ответа на вызовы XX и начала XXI веков.

Предостережения Вебера не противоречили его твердому убеждению в конечном торжестве демократических начал в России. В открытом письме в редакцию "Русских ведомостей" (опубликованном 17 марта 1909 г.) говорится: "Я держусь того взгляда, что демократическое обновление России, прежде всего, на некоторое время заставит Россию отделиться исключительно решению чрезвычайных задач своего внутреннего преобразования, но, что затем новая Россия представит неизмеримо большую моральную силу, чья современная, только ежедневными казнями поддерживаемая машина, которая именно потому, что она слаба, пользуется известной популярностью в господствующих реакционных классах Германии". И далее: "Я держусь далее того мнения, что обновление России придет и что поэтому в интересах Германии, чтобы это обновление наступило как можно скорее, чтобы мы как можно скорее имели возможность непосредственным участием обоих народов разрешить вопросы, нас разделяющие. Поэтому не только ввиду общих высоких культурных интересов, но и в силу непосредственно немецких интересов уже с давних пор все мои симпатии принадлежат русскому освободительному движению".

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ¹

Проблема изучения особенностей исторического процесса в России многопланова. В данном сообщении будет уделено внимание одному из важнейших моментов, определивших специфику исторического процесса в России, становления ее общества и государственности. Речь пойдет о роли природно-климатического фактора, о которой в общем плане еще в XIX в. писал СМ. Соловьев. Моя цель - выявить механизм влияния этого фактора на развитие общества.

Констатируя господство на территории Восточной Европы преимущественно умеренного континентального климата, следует подчеркнуть, что на итоги земледельческой деятельности населения исторического ядра России в течение многих столетий губительнейшим образом влияли весенние и осенние заморозки (чего нет, в частности, в Скандинавии). В дополнение к этому нужно отметить и переменчивый характер летней погоды (то жара и засуха, то холодно-дождливое ненастье), влекущий за собой неурожай. В более южных районах постоянной угрозой была и остается поныне жестокая засуха (за исключением, быть может, западной части Предкавказья).

Главным же и весьма неблагоприятным следствием нашего климата является короткий рабочий сезон земледельческого производства. Так называемый беспашенный период, когда в поле нельзя вести никакие работы, длится в средней полосе России семь месяцев. Побывавший в Москве в 1568-1569 гг. секретарь английского посольства Джордж Турбервилль писал: «Семь месяцев в году здесь холод так велик, что только в мае свой надел идет пахать мужики» (перевод В.С. Давиденковой-Голубевой). В южных районах эта пора немного короче (6 месяцев).

Данное обстоятельство означает, что столетиями русский крестьянин для выполнения земледельческих работ (с учетом запрета на труд по воскресеньям) располагал примерно 130 сутками в год. Из них около 30 суток уходило на сенокос. В итоге одנותягловый хозяин с семьей из четырех человек имел для всех видов работ на пашне (исключая обмолот снопов) лишь около 100 суток. В расчете на десятину (около 1 га) обычного крестьянского надела это составляло 22-23 рабочих дня (а если он выполнял полевую барщину, то, например, в ХУШ в. - почти вдвое меньше).

Для более четкого уяснения данной ситуации замечу, что в таких европейских странах, как Англия и Франция, «беспашенный» период охватывал всего два месяца (декабрь и январь). Известный русский агроном И.И. Комов, живший в XVIII столетии, подчеркивал: «У нас ... лето короткое бывает и вся работа в поле летом отправляется ... В южных странах Европы, например, в Англии под ярь и зимою пахать могут, а озимь осенью, в октябре, в ноябре сеять... Поэтому у нас еще больше, нежели в других местах, работою спешить должно»². Налицо колоссальное различие с Западом. Возможность интенсификации земледелия и сам размер обрабатываемой пашни на Западе были неизмеримо больше, чем в России. Это и 4-6-кратная пахота, и многократное боронование, и длительные «перепарки», что позволяло обеспечить чистоту всходов от сорняков, достигать почти идеальной рыхлости почвы и т.д. Больше того, в силу этих обстоятельств крестьянин на Западе мог вести размеренный образ жизни, успевая, помимо полевых работ, производить множество других трудовых и бытовых операций.

На Западе Европы данное обстоятельство обусловило еще на заре цивилизации интенсивный процесс трансформации общины как формы производственного сотрудничества коллектива индивидов в общину как социальную организацию мелких собственников-земледельцев. Раннее упрочение индивидуального крестьянского хозяйства стимулировало возникновение частной собственности на землю, а затем концентрацию земельной собственности и формирование слоя крупных феодальных землевладельцев. Конечным итогом подобной эволюции явилось становление своеобразного типа государственности, которому практически не были свойственны хозяйственно-экономические функции по созданию и поддержанию всеобщих условий производства либо они были сведены к минимуму. При таком варианте развития центр тяжести всегда оказывался «внизу»: в

крестьянском хозяйстве, в хозяйстве горожанина-ремесленника и купца. Феодалная сенhoria и городская коммуна были максимально активны в реализации своих административных, социальных и социокультурных функций.

Отсюда проистекало удивительное богатство и разнообразие форм индивидуальной деятельности, бурное развитие культуры, искусства, раннее становление науки. Нет необходимости упоминать о фундаментальном основании этих процессов - быстром и широком развитии ремесла и торговли, раннем формировании капитализма.

В России складывался кардинально иной уклад жизни, больше того, иной тип государственности. Поскольку рабочий сезон в земледелии был вдвое короче, чем в основных странах Западной Европы, то о возможностях Запада не могли мечтать даже крупные землевладельцы. В середине ХУШв. только монастырское хозяйство достигло затрат труда на обработку земли, равных 39-41 человеко-дню в расчете на десятину в двух полях (яровом и озимом). Причем общие затраты труда составляли примерно 70 человеко-дней на десятину³. Достигалось это путем концентрации большого количества рабочих рук на сравнительно неферменных монастырских пашнях, что было не по силам большинству дворянских поместий. Благодаря этому монастыри по затратам труда в какой-то мере не уступали Западу. Знакомство с данными по семи северным регионам Франции примерно того же времени показывает, что, в частности, в Парижском регионе в крупных хозяйствах затраты труда на десятину поля под пшеницу составляли также около 70 человеко-дней. Из них непосредственно на обработку земли уходило, как и в русских монастырях примерно 40 человеко-дней⁴. Разница состояла в том, что во Франции работать с землей можно было в два раза дольше, чем в России, а это подразумевало и разный уровень агрикультуры, и разную интенсивность труда.

Что касается обычного крестьянского хозяйства, то в условиях российского Нечерноземья земледелец, как уже говорилось, мог затратить на обработку земли в расчете на десятину всего 22-23 дня (а барщинный крестьянин - вдвое меньше). Значит, если он стремился получить урожай на уровне господского, то должен был выполнить за 22-23 дня объем работ, равный 40 человеко-дням, что было невозможно даже путем чрезвычайного напряжения сил всей семьи, включая стариков и детей. Ведь чтобы вспахать сохой десятину, нужно потратить даже на нетяжелой почве в среднем четыре дня. Причем это будет легкая вспашка с заглублением на вершок (4.5 см) при желательной глубине в 15-20 см. Если вспахать десятину дважды, то придется пройти по полю с лошастью и сохой около 100 км. Если же пашню «троить», то потребуются проделать путь примерно в 160 км, то есть предпринять огромный и тяжкий труд в условиях постоянного дефицита времени. В период уборки урожая темпы работ также должны были быть предельно высоки.

Конечно, редко кому удавалось выдерживать такой напряженный труд в течение многих лет подряд, поэтому в реальности большинство обеспечивало относительно качественную обработку полей за счет сокращения возделываемой пашни. По обобщенным данным статистического описания России второй половины XVIII в. (так называемые «Экономические примечания к Генеральному межеванию»), обеспеченность пашней в историческом центре России в пересчете на мужскую (ревизскую) душу достигала всего 3-3.5 десятины в трех полях, а на тягло (то есть на две души мужского пола) - около 7 десятин. Когда же мы обращаемся к сведениям о размерах посевов из губернаторских отчетов, то выясняется, что посевы составляли в среднем на мужскую душу около 1.25 десятины в яровом и озимом поле, то есть на крестьянскую семью из четырех человек около 2.5 десятины⁵.

Таким образом, весьма суровые объективные обстоятельства, прежде всего, чрезвычайно сжатый во времени рабочий сезон, давали возможность обработать с соблюдением минимальных норм агрикультуры лишь очень небольшой надел земли. Увеличение надела в XIX столетии не привело к принципиальному изменению ситуации; существенное же расширение посевов в южных районах, на черноземах сопровождалось резким падением качества обработки почв.

Учитывая вышеизложенное, не покажется удивительным, что в течение многих веков урожаи в России были очень низкими. Сведения, касающиеся отдаленных времен, скудны и фрагментарны. Однако встречаются весь-

ма впечатляющие факты. Так, в Пространной редакции Русской Правды - юридическом памятнике начала XII в., в списках, имеющих дополнения, относящиеся, по некоторым оценкам, к XIII-XIV вв., есть своего рода математические прогнозы относительно того, как вырастет некое хозяйство в течение 12 лет, если ничего из получаемого не трать, а только копить. В литературе эти расчеты известны, сколько-нибудь серьезного интереса они не вызывают (в них много грубых ошибок, а логику подсчета нарастающей численности приплода скота уловить довольно трудно). Однако в указанных статьях встречаются важные сведения о типичной урожайности основных культур (ржи, овса, полбы, ячменя). Средняя за 12 лет исходная для расчета цифра урожайности этих культур ошеломляюще низка: всего сам-1.5. К сожалению, мы не имеем данных о плотности высева в XII-XIV вв., но в реалиях XVIII-XIX вв. такая урожайность при средней плотности высева в 12 пудов на десятину (192 кг) составит по ржи 288 кг валового сбора, а чистый сбор - всего 96 кг с десятины.

В России на протяжении веков в сельской местности на пропитание взрослого едока в год требовалось 24 пуда зерновых. Значит, сам-1.5 с десятины, если весь посев на тягло (4 человека обоего пола) занимал 2.5 десятины, - всего около 18 пудов чистого сбора, чего даже на одного едока не хватит. По-видимому, в реальности XII-XIV вв. посев должен был быть сильно увеличен, а обработка поля максимально упрощена.

Единичные данные по новгородским «волосткам» [административно-территориальные единицы, входившие в состав волости - авт.] можно получить, анализируя сведения новгородских писцовых книг конца XV-начала XVI в.: урожайность зерновых культур колебалась в пределах сам-1.5, сам-2.2, сам-2.7⁰. Чуть более утешительные, хотя и отрывочные, сведения относятся к концу XVI-началу XVII вв. (1592-1604 гг.). Это данные по селам Иосифо-Волоколамского монастыря во Владимирском, Суздальском, Тверском, Старицком, Волоцком и Дмитровском уездах за отдельные годы. Урожайность ряда составляла от сам-2.4 до сам-3.3, овса - от сам-1.8 до сам-2.56, пшеницы - от сам-1.6 до сам-2.0. При средней плотности высева в 12 пудов на десятину урожай сам-2.4 означает чистый сбор около 29 пудов или 4.6 ц.

В конце XVII в. на основной территории России преобладали очень низкие урожаи. В Ярославском уезде рожь давала от сам-1.0 до сам-2.2, овес - от сам-1.0 до сам-2.7. В Костромском уезде урожайность ржи колебалась от сам-1.0 до сам-2.5. В северо-западных уездах урожайность ржи была выше - от сам-2.4 до сам-5.3. В районе Кирилло-Белозерского монастыря, где почвы отличались плодородностью, в 70-80-х годах XVII в. урожаи иногда были очень высоки: рожь - сам-10.0; овес - сам-5.0⁷. К сожалению, мы располагаем только отрывочными данными, так сказать, «точечного» характера.

Более надежные сведения об урожайности имеются по отдельным годам конца XVIII в.: это сводные по губерниям показатели. В Московской губернии в 1788, 1789, 1793 гг. средняя по всем культурам урожайность составляла сам-2.4; в Костромской (1788, 1796) - сам-2.2; в Тверской (1788-1792) средняя по ржи - сам-2.1; в Новгородской - сам-2.8; в Калужской средняя по ржи за девять лет в интервале 1782-1796 - сам-3.3; в Рязанской в интервале 1786-1790 - сам-2.5; в Тульской средняя по ржи (1781-1789) - сам-2.5, а в 90-е годы сам-4.9; в Тамбовской в интервале 1782-1796 - сам-2.8; в Орловской за семь лет в интервале 1782-1796 средняя по ржи - сам-3.7; в Курской в интервале 1782-1797 общая средняя - сам-4.2; наконец, в Воронежской (1785-1792) средняя урожайность ржи - сам-4.3⁸.

Составление ориентировочных данных по размеру посева на тягло, урожайности в «самах» и по величине чистого сбора на душу населения за те же годы позволяет, хотя бы в первом приближении, оценить эффективность мер по увеличению посева на фоне действия природно-климатических факторов. Так, в Нижегородской губернии в 1795 г. при высеве в расчете на тягло 5.6 четверти (около 7 ц) в условиях сильного неурожая (сам-2.5, то есть всего 17.9 ц с 2.5 десятины пашни) чистый сбор был очень мал: 2 четверти на душу населения, или 16.4 пуда (норма питания - 24 пуда). В следующем, 1796 г. при том же высеве урожай был обильным (сам-3.3), и чистый сбор оказался благополучным - 3.2 четверти на душу (25.6 пуда). В Рязанской губернии в 1781 г. при посеве в 5.7 четверти на тягло (7.3 ц) и приличном урожае в сам-3.7 (27 ц) чистый сбор составил 3.8 четверти на душу населения (30.4 пуда). В 1782 г. при том же посеве (5.4 четверти) и более высоком урожае (сам-4.3)

чистый сбор оказался заметно больше (36 пудов)⁹.

Конец 90-х годов XVIII в. был отмечен сильными неурожаями, но резко увеличились размеры посевов. В 1794 г. посев в среднем по губернии вырос до 9 четвертей на тягло (11 ц), однако урожай был скудным - всего сам-2.8 (30.8 ц). В итоге чистый сбор, несмотря на огромные усилия по расширению поля, составил только 32 пуда. То же произошло и в 1796 г. Посев достиг 10 четвертей на тягло (около 13 ц), а урожай - лишь сам-2.7 (около 35 ц), чистый сбор - 4.1 четверти (около 33 пудов). Можно предположить, что рост посевной площади шел за счет резкого ухудшения качества обработки почв. Подобная ситуация просматривается и в Тамбовской губернии. В 1781 г. при явно малом посеве 4.6 четверти на тягло (около 6 ц) и «средственном» урожае в сам-3.0 (около 18 ц) чистый сбор был очень скудным (около 18 пудов на душу населения). В 1794 г. посевы резко увеличились (7 четвертей на тягло, то есть около 9 ц), но год оказался неурожайным (сам-2.5, или на тягло 22.5 ц), чистый сбор не превысил 18.4 пуда на тягло (4 чел.). Напрашивается единственный вывод: резкое расширение посевов приводило к крайне примитивной обработке земли, что усугубляло неурожай. В 1795 г. история повторилась в ухудшенном варианте: посев 6.6 четверти (8.5 ц), урожай сам-2.0 (17 ц), чистый сбор катастрофичен - около 13 пудов. Думается, что динамика взаимосвязи приведенных здесь показателей довольно четко свидетельствует о трагическом тупике российского земледелия.

В первой половине XIX в. мало что изменилось. Расчетная потребность страны в продовольственном зерне, по официальным данным, достигала 138 млн. четвертей (15456 тыс. т); реальный сбор зерновых в среднем за 10 лет составил 141 млн. четвертей (15792 тыс. т). Казалось бы, налицо четкое соответствие сборов и продовольственной потребности. Однако заложенная в этих расчетах норма потребления зерна и круп явно занижена (около 17.4 пуда на едока, или 278.4 кг)¹⁰. Скажем, в Древнем Риме, по свидетельству Катона Старшего (II в. до н. э.), рабу при тяжелых физических работах давали в день 1.6 кг хлеба. Даже если считать, что припек составлял 50%, то в зерне норма будет равна почти 1 кг. В нашем случае суточная норма зерна - 762 г, а суммарная калорийность хлеба и круп чуть более 2 тыс. ккал. Кроме того, в приведенном расчете не учтен прикомр скота, а также необходимость продажи части зерна с целью получения денег на уплату налогов и податей, покупку одежды, покрытие хозяйственных нужд. Не учтены расходы зерна на винокурение, на экспорт.

Во второй половине XIX в., после реформы 1861 г., душевой сбор в Нечерноземье существенно вырос (с 17 пудов до 20.4 пуда). Однако рост был достигнут главным образом за счет расширения посадок картофеля. Зерновой сбор увеличился лишь до 18 пудов на душу населения. В целом же для населения России чистый душевой сбор составил к концу ХХ в. около 21.5 пуда (с учетом картофеля)¹¹.

В первые полтора десятилетия XX в. в силу серии необычайно высоких (не только в России) урожаев существенно улучшилось положение европейской части страны. Однако в рамках империи в целом ситуация была не столь благополучной. В период 1911-1915 гг. валовой сбор составлял ежегодно 4725 млн. пудов, а чистый сбор 4537 млн. пудов. С учетом картофеля эта цифра возрастает до 5105 млн. пудов. Используя данные о численности населения России в 1914 г. (около 179 млн. чел.), можно рассчитать величину чистого сбора на душу населения. Она равна 27.1 пуда. Если же вычесть долю ежегодного экспорта (в 1909-1915 гг. он составлял в среднем за год около 728 млн. пудов), то в конечном счете чистый сбор зерновых с учетом картофеля на душу населения составлял примерно 24.4 пуда, а без картофеля 21.2 пуда¹².

В 80-х годах XVIII в. князь М.М. Щербатов впервые составил хлебный баланс России и вывел примерную величину чистого сбора на душу населения в 28 пудов. Фиксируя излишек в 4 пуда сверх нормы питания в 24 пуда на человека в год (а ведь это экспортные пуды в 1911-1915 гг.), князь заметил: «В случае хотя бы незначительного недорода должен наступить голод»¹³. События конца XIX-первой трети XX в. неоднократно подтверждали этот вывод. Таков парадоксальный итог многовекового и многострадального труда великорусского и в целом российского крестьянства.

Может возникнуть закономерный вопрос: почему за долгие столетия крестьянство не выработало более или менее эффективных методов интенсификации земледелия? Не-

ужали элементарным удабриванием пашни нельзя было добиться хороших урожаев хотя бы в благоприятные по погоде годы?

Отвечая на подобные вопросы, необходимо хотя бы вкратце коснуться особенностей развития скотоводства в историческом ядре России, в ее Нечерноземье. Начнем с того, что по нормам XIX в., для ежегодного удобрения парового клена нужно было иметь 6 голов крупного скота на десятину пара¹⁴. Поскольку стойловое содержание скота на основной территории России было необычайно долгим (198-212 суток), то, по данным XVIII-XIX вв., запас сена должен был составлять на лошадь - 160 пудов, на корову - около 108 пудов, на овцу - около 54 пудов¹⁵. При пашенном наделе в 3-3,5 десятины на мужскую душу однопашенный крестьянин располагал наделом в 6-7 десятин пашни, а ежегодный пар составлял 2-2,3 десятины. Имея 12 голов крупного скота (точнее, в пересчете на крупный скот), он мог бы вносить на каждую десятину пашни один раз в три года по 24 т навоза. При благоприятной погоде именно это сулило высокие урожаи.

Однако заготовить за 20-30 суток сенокоса 1244 пуда сена для однопашенного крестьянина - пустая фантазия. Выше уже говорилось, что, имея семью из четырех человек, земледelec был в состоянии обработать пашню размером в 3,75 десятины в трех полях; пар в таком случае был равен 1,25 десятины, норма скота - 7,5 головы. За 30 суток косец с помощниками мог заготовить примерно 300 пудов сена. Этого едва хватало на одну лошадь, одну корову и одну овцу, что, конечно, не обеспечивало пар «наземом», ибо на десятину пара приходилось 1,8 головы крупного скота. Но такое поголовье означало гибель хозяйства. «Средственный» крестьянин должен был иметь минимум 2 лошади, 2 коровы и 3-4 овцы, не считая свиней. Как же при 300 пудах сена прокормить скот?

Факты свидетельствуют, что крестьянская лошадь в сезон стойлового содержания получала около 75 пудов сена, корова, наравне с овцой, - 38 пудов. Таким образом, вместо 13 кг в сутки лошади давали 6 кг, корове вместо 8 или 9 кг - 3 кг и столько же овце. А чтобы скот не сдох, его кормили соломой. При такой кормежке удобрений получалось мало, да и скот часто болел и издыхал. В итоге в лучших, в частности монастырских, хозяйствах земля удобрялась раз в 6 лет, в крестьянских хозяйствах - раз в 9 лет («Добрая земля назем раз путем примет - до 9 лет помнит», - гласит пословица). В XIX в. в Тульской губернии пашня удобрялась раз в 15 лет, в Орловском уезде Вятской губернии пар унавоживали раз в 12 лет, а всю землю - в 3 раза реже.

Следует иметь в виду, что воспроизводство скота в Нечерноземье в определенной мере обеспечивалось за счет южнорусских регионов, поставлявших, кроме того, мясное поголовье на рынки центра страны. Распадка плодородных степей ликвидировала этот ресурс. В начале XX в. А.В. Чаянов, характеризующий современную ему деревню, писал: «В большинстве русских губерний мы встречаемся с... наличием кормового голода, когда абсолютно необходимое количество скота, требуемое иногда только для тяги и навозного удобрения, не может быть обеспечено кормовыми ресурсами»¹⁶.

Общий итог данного обзора можно сформулировать так: практически на всем протяжении своей истории земледельческая Россия была социумом с минимальным совокупным прибавочным продуктом. Поэтому если бы Россия придерживалась так называемого эволюционного пути развития, она никогда не состоялась бы как великая держава.

Целесообразно вычленив важнейшие особенности российского социума и хотя бы некоторые специфические моменты развития нашей государственности.

Начнем с того, что в суровых природно-климатических условиях Восточно-Европейской равнины индивидуальное крестьянское хозяйство так и не смогло порвать с общиной. Его крайняя слабость компенсировалась благодаря помощи крестьянской общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Многие столетия великорусский пахарь мог сводить концы с концами, только прибегая время от времени к восполнению быстро нарастающей «выпаханности» полей путем разного рода лесных рощистей, сжигая срубленный лес и эпизодически получая высокие урожаи. Необходимость постоянного сведения лесов и осуществления целого ряда других хозяйственных функций укрепляла потенциал традиционной общинной организации. В свою очередь, сохранение общины повлияло - отчасти непосредственно, а отчасти и опосредованно - на характер русского этноса и российской государственности.

Касаясь наиболее раннего периода отечественной истории, важно подчеркнуть, что сложившийся на этапе древнерусской государственности механизм изъятия и концентрации княжеской властью совокупного прибавочного продукта возник не в силу необходимости баланса и сдерживания противоречий общества, расколотого на бедных и богатых. Наоборот, ведущими силами этого процесса были потребности политической самоорганизации множества общинных микромиров. В таком обществе еще не было социально и политически значимой верхушки крупных землевладельцев. «Великое переселение народов» приводило к ослаблению, а иногда даже к исчезновению местной знати, к резкому усилению военных вождей и дружины. Военно-дружинные элементы социумов, осваивающих или ищущих новые жизненные пространства, исторически были призваны форсировать устройство неких структур, необходимых для обеспечения жизни и быта военно-политической верхушки.

В новейшей литературе появилась логически целостная и довольно аргументированная концепция существования на раннем этапе развития государственности так называемых «служебных организаций» (Польша, Чехия, Венгрия). Речь идет о создании властной элитой целой сети поселений, в каждом из которых жители из поколения в поколение специализировались на каком-либо определенном виде ремесла. Поселенцы такого рода имели особый статус, вовлекаясь в эту сферу как по принуждению, так и добровольно.

«Служебные организации» подобного типа как бы обгоняли эволюционное развитие и компенсировали недостаточность развития производительных сил социума, позволяя удовлетворять нужды господствующего класса. Есть вполне очевидные свидетельства существования подобной структуры и в Древней Руси. Примером могут служить люди, содержавшие станы для обезда князем своей территории и заготавливавшие «корм» и припасы для лошадей, а также обширная сеть поселений бортников, бобровников, сокольников, рыболовов. Есть основание полагать, что подобные структуры функционировали у нас долгие столетия и сохранялись вплоть до XVII в., когда получили новый мощный импульс развития.

Своеобразным вариантом развития структур подобного типа было функционирование государственной власти как «власти-собственности», уходящей корнями в порядки и способы материально-бытового и военного обеспечения дружинной среды. Особую, хотя и неоднозначную, роль этот институт играл в статусном обеспечении наследников-княжичей, получавших «власть-собственность» в виде «удела-государства». Наследник становился главой «государства» с правом сбора ренты-налога и пользования им (совместно с дружиной) и иными имущественными правами, ибо других путей восполнения материальных ресурсов наследников великого князя еще не было.

Следствием указанных особенностей стал слишком рано начавшийся процесс так называемой феодальной раздробленности. В качестве некоей «тяги к единению» при невозможности создания полноценных суверенных княжеств можно расценить сохранение особого статуса Киевского великого княжения, наличие общего для всех законодательства и своеобразной иерархии княжеских столов в рамках единой династии Рюриковичей. Действительная раздробленность наступила значительно позже, сыграв зловещую роль - приведя древнерусский этнос в зависимость от Золотой Орды. Для социума с минимальным совокупным прибавочным продуктом ордынское иго было тягчайшим бременем в социально-экономическом плане. Кроме того, оно явилось тормозом становления государственности. К моменту падения иго в 1480 г. управление территорией Руси все еще совершалось, как в раннефеодальную эпоху, с помощью архаичного механизма личных временных поручений (в частности, института наместников). Только в середине XVI столетия наконец оформляются постоянные центральные органы управления.

Формирование единого Московского государства шло в рамках резкого усиления государственной власти. Объективное содержание этого процесса состоит в реакции социума на реальную опасность разделить судьбу примитивных земледельческих обществ и быть раздавленным любой внешней силой. Выстраданный опыт золотоордынского иго стимулировал энергию социума к выживанию путем оптимизации объема совокупного прибавочного продукта за счет формирования мощной государственной машины, способной преодолеть локальное сопротивление общинных микромиров при изъятии налогов и ренты.

Задолго до установления крепостного права великие и удельные князья активно использовали для государственных и даже домашних нужд особый вид трудовой повинности населения "посошную" службу. Периодически великие князья «велели сохами своими», то есть по поземельной разрядке, производить в государстве самые разнообразные работы в объемах, существенным образом превышавших обычные государственные повинности. Посредством «посохи» к работам привлекались не только посадские (городские) и черные (волостные) люди, но нередко и крестьяне из боярских селений, поместий, а также из селений церковных иерархов и монастырей. Из числа посадских людей и волостных крестьян выбирали целовальников «к нашему (княжескому) делу», «к денежным сборам». Эта система получила дальнейшее развитие в XVI-XVIII вв., когда на государеву службу в финансовые органы и для торговли «казенными» товарами стали брать людей купеческого звания («гостей»), членов «гостиной и суконной» сотни, гильдейского купечества).

Становление светского землевладения в Северо-Восточной Руси с неизбежностью привело к необходимости увеличения ренты продуктами и особенно отработочной ренты. Тем самым была вызвана к жизни тенденция к ликвидации общины как средства защиты и локального сопротивления крестьянства. Стихийный нажим на общину шел одновременно разными путями, некоторые из которых оказались исторически бесперспективными.

В конечном итоге нейтрализация влияния общины была осуществлена путем ограничения в рамках всей страны права перехода крестьян из селения в селение с последующим навечным прикреплением их к земле (а значит, и к владельцам земли). Решающую роль здесь сыграло государственное законодательство и создание грубых и жестоких механизмов изъятия налогов и ренты. Период XV-XVII вв. был временем становления крепостничества как наиболее реальной в условиях Восточной Европы формы функционирования феодальной собственности на землю, порожденного не только ситуативными моментами (хозяйственное разорение, борьба за рабочие руки и т.п.), но и фундаментальным фактором природно-климатических условий. При крайне сжатом рабочем периоде иного способа заставить крестьянина увеличить земледельческое производство до уровня, необходимого для более или менее оптимального развития социума, не было. В свою очередь, режим крепостничества стал возможен в России лишь при развитии деспотической формы государственной власти - российской самодержавия, имеющего глубокие исторические корни.

Экстенсивный характер земледелия обуславливал не только постоянное поглощение людских ресурсов агрофермой, но с неизбежностью выдвигал проблему освоения все новых и новых территорий для увеличения валового продукта земледелия. Острая нужда общества в хлебе стимулировала этот процесс. К тому же основная территория России, видимо, уже не выдерживала чрезмерного увеличения плотности населения. Пути миграции русских, а отчасти и украинцев, были исторически определены: юг, юго-восток и восток Евразийского континента, куда волны переселенцев двигались из века в век, плавно обходя, а иногда и вторгаясь на территории иных этносов. Миграционные процессы шли бок о бок с усилением самодержавного государства, способного контролировать и защищать огромные просторы страны. Длительное сосуществование и выживание многих народов в рамках единой российской государственности в немалой степени объясняется тем, что практически все они принадлежали к единому типу социумов с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Характерной особенностью российской государственности является необычайно сильное развитие ее хозяйственно-экономической функции. Ведь помимо изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, государственная машина была вынуждена форсировать процесс общественного разделения труда, прежде всего отделение промышленности от земледелия.

Отсюда необычайная активность государства в области создания так называемых всеобщих условий производства. Это строительство огромных оборонительных сооружений в виде засечных полос, рвов, валов, пограничных городков-крепостей, а несколько позднее - организация крупных металлургических производств, строительство водных каналов, сухопутных трактов, возведение фабрик и заводов, верфей, портовых сооружений и т. д. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крес-

тян, без постоянных своего рода «депортаций» в те или иные районы страны целых бригад мастеров - металлургов, оружейников, каменотесов, плотников, купцов, наконец, без обширного государственного сектора экономики создать все перечисленное было бы просто невозможно.

Осуществление указанных хозяйственных функций в земледельческой стране с ничтожной долей городского населения (а в 20-х годах XVIII в. число городов с населением более 4 тыс. вовек не превышало трех десятков) феноменально само по себе, ибо чрезвычайно малый объем совокупного прибавочного продукта объективно создавал крайне неблагоприятные условия для формирования так называемой надстройки над элементами базисного характера. Господствующий класс и неподатное сословие в целом на протяжении всего XVIII столетия составляли не более 6-7% населения страны (к 1861 г. - около 12%). Основная часть данной группы являлась своего рода несущей конструкцией структуры самоорганизации общества, которая неизбежно носила упрощенный характер. Именно в силу этой упрощенности из публичных функций государства, помимо организационно-экономических, в начале XVIII в. и в более ранние эпохи, резко всего проявлял себя военная, карательно-охранительная и религиозная. В государственном управлении в качестве рычагов широко использовались многочисленные структуры общинного самоуправления города и деревни.

Выполнение управленческой функции укрепляло крестьянскую общину как господствовавшую форму землепользования, что сильно тормозило развитие частнособственнических отношений на селе. Другим не менее сильным тормозом были крайне неблагоприятные природно-климатические условия, одним из опосредованных конечных следствий которых явилось господство в земледелии полурабского труда: не земля, а количество крепостных душ, «крещеной собственности», было главным мерилем богатства феодалов. В итоге сложный и длительный процесс становления и укрепления феодальной собственности так и не завершился утверждением земельного владения дворянина в качестве полноценной частной собственности.

Напротив, участие государства в создании промышленности в стране способствовало гигантскому скачку в развитии производительных сил, хотя заимствование архаическим социумом в XVII-XVIII вв. «западных технологий» имело чудовищный социальный эффект: появилась масса рабочих, навсегда прикрепленных к фабрикам и заводам (так называемые «вечно отданные»), и это стимулировало сползание общества к рабству.

Шедший параллельно эволюционный процесс отделения промышленности от земледелия в российских природно-климатических условиях долгое время не способствовал развитию так называемых неадекватных форм капитала с присущим им сезонным характером производства, относительно высоким уровнем оплаты труда, господством поденной и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления. Однако в XVII - начале XVIII в. роль неадекватных форм капитала существенно возросла. Поэтому на протяжении длительного исторического периода промышленная прибыль уступала по размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего, купцами. Только резкая активизация оптовой торговли, ставшей реальностью благодаря строительству системы каналов, а также ликвидация при Екатерине II монополий города на ремесленное и промышленное производство кардинально расширили участие крестьян в этом секторе хозяйства и удешевили за счет отхода крестьян на заработки рынок наемного труда. Результатом стало развитие в XVIII-XIX вв. уже вполне адекватных форм капитала в виде мануфактурного производства.

Когда же во второй половине XIX в. при активнейшем содействии государства в России стал быстро (по сравнению с прошлым) развиваться капитализм, мелкое производство так и не получило широкого распространения. В силу высокой стоимости инфраструктуры более эффективным оказывалось крупное капиталистическое производство, и к началу XX в. оно охватывало более 70% всех предприятий, более того, в экономике быстро начали нарастать процессы монополизации. Думается, что природно-географический фактор, в первую очередь необъятное пространство России, сыграл в данном случае далеко не последнюю роль.

И в новейший период своей истории, в эпоху механизации и химизации сельского

хозяйства, внедрения современных агротехнологий и достижений генной инженерии, в области аграрного производства Россия остается в крайне невыгодной ситуации именно из-за краткости рабочего периода на полях. По той же причине российский крестьянин лишен свободы маневра, компенсировать которую может только мощная концентрация техники и рабочей силы, что, однако, с необходимостью ведет к удорожанию продукции.

В заключение следует подчеркнуть, что вследствие различных природно-климатических условий на западе и востоке Европы на протяжении тысяч лет одно и то же количество труда удовлетворяло не одинаковый объем естественных потребностей индивида. В Восточной Европе в силу более сурового климата совокупность базовых потребностей была существенно большей, чем на Западе, а условия их удовлетворения - гораздо менее благоприятными. Стало быть, меньшим оказывался и тот избыток труда, который мог идти на удовлетворение потребностей других индивидов, по сравнению с массой труда, необходимым для покрытия собственных потребностей. Следовательно, объем совокупного прибавочного продукта в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания существенно труднее, чем в большинстве западноевропейских стран. В значительной мере такое положение сохраняется и поныне. Это объективная закономерность, которую человечество пока не в состоянии преодолеть.

1 С незначительными изменениями статья опубликована в "Вестнике Российской Академии наук" (2003. Т. 73. № 9. С. 771-778).

2 Комов И. О земледелии. - М., 1788. С. 1 - 2.

3 Милов Л.В. О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. (по материалам монастырской барщины) // Исторические записки. 1970. Т. 85.

4 Grantham G. The Growth of Labor Production of Wheat in the «Cing Grosses Fermiers» of France. 1750-1929 / Bruce M., Campbell S. and Orierton M. Land, Labor and Livestock. Manchester: Manchester U. Press, 1991.

5 Рубинштейн Н.П. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). М., 1957. С. 202.

6 Горская НА., Милов Л.В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2. С. 75, 76.

7 Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 38, 39.

8 Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 1998. С. 395-397.

9 Там же.

10 Там же. С. 410.

11 Нифантов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 143.

12 Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й. Пг., 1917. - С. 66-83, 330-331.

13 Щербатов М.М. Неизданные сочинения. - ОГИЗ, 1935. С. 5-7.

14 Вильсон И. Примечание к сельскохозяйственному Атласу Европейской России. СПб., 1869. С. 78.

15 Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 388.

16 Чалянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М 1925. С. 116 - 117.

В.В. Капашников

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НАЧАЛА XX В. В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. Изучению крестьянства в советской историографии уделялось значительно меньше внимания, чем изучению рабочего класса. В новейшей — постсоветской — историографии этот недостаток быстро восполняется, и изучение крестьянства дает весьма важные результаты для понимания и объективной интерпретации истории революции 1917 г. — важнейшего события в истории России XX века. В данной статье рассматриваются те

результаты, которые получены при изучении общественно-политического сознания российского, прежде всего русского, крестьянства в начале XX века.

2. *Крестьянские наказания и приговоры.* Одним из важнейших способов выявления социально-политических взглядов и устремлений крестьянских масс является изучение наказов и приговоров, с которыми обращались крестьяне к правящим кругам и политическим элитам России.

Активная кампания подачи наказов и приговоров крестьянских обществ началась после появления указа Николая II от 18 февраля 1905 г. Этим указом царь разрешил своим «верноподданным» подавать на высочайшее имя «виды и предположения... по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния»¹.

Затем, в ходе избирательной кампании и работы Государственной Думы первого и второго созывов тысячи крестьянских наказов были переданы депутатам. И, наконец, в 1917 г. крестьяне писали тысячи наказов, обращаясь к съездам Советов, партиями и т.п.

И в дореволюционной и советской историографии эти наказания и приговоры выявлялись и изучались, хотя выявленный круг источников был далеко не полным².

В постсоветской историографии этой проблеме уделено существенное внимание. В 1994 г. вышла в свет монография Л.Т. Сенчаковой «Приговоры и наказания российского крестьянства 1905-1907 гг. По материалам центральных губерний», а в 1996 г. - монография О.Г. Буховца «Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты», в которой на большом фактическом материале проанализировано крестьянское приговорное движение в Воронежской и Самарской губерниях в 1905-1907 гг., а также крестьянские выступления в Белоруссии в 1907-1914 г. Оба автора показывают важность приговоров для выявления менталитета крестьян, хотя и расходятся по вопросу о степени участия интеллигенции в написании документов этого типа. Буховец считает эту роль высокой, но, тем не менее, делает вывод о «совершенно бесспорном «почвенном» характере приговоров и наказов»³.

Важным событием стала публикация сборника документов, содержащего приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905-1907 гг. В сборник вошли 300 наиболее важных и типичных документов из 660 выявленных редактором-составителем Л. Т. Сенчаковой по этому региону.

В обстоятельном предисловии она отмечает: «Правописание и слог многих приговоров ясно указывают, что они были составлены без всякой посторонней помощи и подсказки. Об этом говорит и сугубая конкретность в изложении фактов крестьянских бедствий, бытовая лексика, разговорные обороты, степень грамотности, почерк, оформление документов. Многие из них весьма индивидуальны. На части приговоров чувствуется влияние местной демократической интеллигенции (в их составлении активное участие принимали сельские учителя, врачи, земские служащие), агитаторов различных политических партий и общественных организаций (в т.ч. сознательных рабочих, прибывавших на побывку в родные края)... Никакой агитатор не мог заставить крестьян подписать приговор, если он не соответствовал их настроениям и предположениям»⁴.

Что показывает анализ приговоров эпохи первой русской революции?

Материалы, изученные Л. Т. Сенчаковой, практически подтверждают выводы, сделанные в советской историографии, в частности, Е.И. Кирихиной, которая отмечала, что уже к концу 1905 г. в 80% приговоров, изученных, прямо формулируется требование уничтожения частной собственности на землю, а примерно в 60% - требование выборности всех властей снизу доверху⁵. Они подтверждают и вывод А. И. Нильве о том, что в период работы Государственной Думы первого созыва наказания становятся еще более радикальными, а после ее разгона - более умеренными. Так, в период работы Думы второго созыва вместо требования отмены частной собственности на землю и передачи всей земли в руки крестьян, вадущим (более 70%) становится, по подсчетам, требование дополнительного наделения землей «в потребном количестве». Однако эти подсчеты сделаны на относительно небольшом количестве источников, взятых из разных регионов страны.

О.Г. Буховец пошел по другому пути и выявил 200 приговоров эпохи первой русской революции только по Воронежской и Самарской губерниям. В этом исследовании «плот-

ности» источников много выше, чем у предшественников. Анализ этих приговоров показывает преобладание радикальных аграрных требований крестьян, высказанных в разных формах на всех этапах революции 1905-1907 гг.:

- земля не должна быть в частной собственности - в 48 приговорах;
- земля должна принадлежать тем, кто ее сам обрабатывает - в 25;
- уравнильное землепользование при общественном землепользовании - в 12;
- отчуждение помещичьих и других земель - в 52;
- требование земли в форме лозунга «Земля и воля» - в 55 приговорах⁶.

Характерно, что требование передачи наделной земли в частную собственность крестьянам содержалось только в одном приговоре.

Иными словами, крестьяне не были сторонниками частной собственности на землю и считали, что пользоваться землей должны те, кто ее обрабатывает.

Анализ крестьянских наказов и приговоров в период революции 1917 г. проведен в монографии Т.В. Осиповой «Российское крестьянство в революции и гражданской войне», изданной в 2001 г.

Особый интерес представляют самые первые постфевральские крестьянские земельные постановления, которые принимались сельскими и волостными сходами, уездными и губернскими крестьянскими съездами. За март-май 1917 г. автор выявила 229 земельных постановлений и отметила «единодушное требование конфискации казенных, удельных, церковных, монастырских и помещичьих земель без выкупа». Что касается купчих земель мелких и средних собственников, то лишь на 4 из 29 губернских съездах и на 20% волостных и сельских сходов было принято решение о выкупе таких земель. Постановления 80% сходов «отстаивали общинный принцип пользования землей и безвозмездное отчуждение всех земель, в том числе и купчих крестьянских».⁷

Следует отметить, что знаменитый сводный наказ о земле, опубликованный эсерами 19 и 20 августа в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов» был составлен на основе 242 крестьянских наказов, представленных в мае 1917 г. делегатами, прибывшими на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

Результаты изучения крестьянских наказов показывают очевидную близость крестьянской позиции, изложенной в наказах эпохи 1905 г. и эпохи 1917 г.

В своей основе аграрные требования крестьян включали конфискацию помещичьих и иных частных земель, ликвидацию частной собственности на землю и раздел земли между теми, кто ее обрабатывает.

Вполне очевидно, что эти требования по своей социально-экономической сущности были несовместимы с капиталистическим способом производства и носили стихийно социалистический характер.

Понятно, что представления о социализме у большинства крестьян были очень смутными. Тем не менее, упомянутый выше ряд базовых позиций позволяет определять политическое сознание крестьян как социалистическое в важнейших аспектах общественных отношений. Нет сомнений в том, что своими аграрными требованиями крестьяне стремились создать строй, где все члены общества добывали себе пропитание своим собственным трудом, и никто не жил бы за счет результатов труда другого.

3. Констатация наличия стихийно социалистического сознания у русского, прежде всего русского, крестьянства ставит вопрос о корнях и причинах этого явления. В постсоветский период этот вопрос не раз привлекал внимание историков.

Первые итоги постсоветских исследований сознания российского крестьянства эпохи революции были подведены на конференции «Менталитет и аграрное развитие России в XIX-XX вв.», которая состоялась в Москве в июне 1994 г. с участием более 70 российских и иностранных ученых и во многом задала программу дальнейшей работы историков в этой области⁸.

На конференции в докладе академика Л. В. Милова был сформулирован ключ к пониманию менталитета российского крестьянства. Этот ключ - отношение крестьян к земле. Милов справедливо отметил, что земля являлась главной социально-нравственной ценностью крестьянского мира, и отношение к земле, к аграрному вопросу определяло всю социальную психологию и политическую идеологию крестьян.

Это положение специально развил на конференции А.В. Гордон в докладе «Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия».⁹

В дальнейшем данный тезис был всесторонне обоснован и весомо подкреплен в монографии Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», которая стала событием в отечественной исторической науке. В книге показана исключительно высокая роль природно-климатического фактора в определении характера и темпов развития русского общества, и, в частности, в сохранении крестьянской общины. Община являлась необходимым для выживания институтом, осуществлявшим «социальные и производственные функции посредством перераспределения надельной земли и удержания хозяйственно – бытового распорядка жизни».¹⁰

Конечно, можно сказать, что ключевая роль общины в истории России была давно известна. Однако только сейчас, во многом благодаря работе Л.В.Милова, историки приобрели глубокое понимание причин существования и функций крестьянской общины.

Вековая традиция использование земли на общинных началах привела к тому, что ведущей характеристикой крестьянской ментальности стала именно общинная ментальность, антикапиталистическая в своей основе.

Это положение было раскрыто на упомянутой конференции в докладе Л.В. Даниловой и В. П. Данилова «Крестьянская ментальность и община». Авторы доклада пришли к выводу о том, что изучение проявлений общинного начала в менталитете народа является важнейшей составляющей для понимания прошлого и настоящего России. Характеризуя общинную ментальность, авторы отмечают, что ей присущи «коллективизм, демократизм, взаимопомощь, социальная справедливость, равенство» и полагают, что «эти высокие нравственные начала, выработанные общинными микромирами, должны быть перенесены на макро-общество и человечество в целом и сохранены современной цивилизацией».¹¹

Степень прочности общинной ментальности показывает судьба реформ П. Столыпина, которые в европейских русских губерниях России не привели к ликвидации общины. Этот вывод хорошо подтвержден в монографии А.М. Анфимова «П.А. Столыпин и российское крестьянство», написанной ныне покойным автором около 10 лет назад, однако изданной только в 2002 г. Это итог многолетней работы видного ученого-аграрника.

Опираясь на глубокий анализ статистических данных, автор показал целый ряд причин экономического, социального и психологического характера, в силу которых правительство не смогло разрушить общину в центре Европейской России, где ему хотелось это сделать прежде всего. Пожалуй, впервые в отечественной историографии Анфимов столь убедительно показал и продолжающуюся связь многих крестьян, вышедших из общины с общинными формами землепользования.¹²

Автор вскрыл и очень жесткую систему эксплуатации крестьян помещиками, которые, используя нарастающую нехватку земли у крестьян, брали арендную плату все более растущими по объему отработками или высокой (до 50%) долей урожая.¹³ В такой ситуации трудно удивляться тому, что крестьяне с ненавистью смотрели на помещичье землепользование и выступали за уравнительно-трудовое использование земли. Иными словами Анфимов подтвердил наличие очень существенных социально-экономических факторов, которые стимулировали сохранение и укрепление общинного менталитета в межреволюционный период.

Книга Анфимова стала невольным ответом на ряд работ публицистического и научного характера, в которых акцент делался на эффективности столыпинских преобразований. Наиболее серьезной работой в этом плане стала монография В.Г. Тюкавкина «Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа».¹⁴ Автор справедливо указал на ряд недостатков советской историографии проблемы, порой упрощавшей итоги столыпинских реформ. Однако он не смог опровергнуть ту трактовку итогов реформ, которую дал Анфимов.

В нашу задачу не входит анализ всех результатов столыпинских реформ. Для нас важен ответ на один вопрос: смогли ли эти реформы существенно повлиять на политическое сознание крестьян России, и, прежде всего европейского Центра, смогли ли они ослабить общинную ментальность к моменту начала революции 1917 г.?

В новейшей литературе мы не нашли оснований для положительного ответа на этот

вопрос, хотя для ряда регионов (например, Ставропольского края) были характерны тенденции, не совпадающие с общероссийскими¹⁵.

Социально-экономическая ситуация в деревне делала большинство крестьян стихийными социалистами. Об этом свидетельствует анализ состояния деревни в Европейской России накануне 1917 г., который проведен в уже упоминавшейся монографии Т.В. Осиповой «Российские крестьяне в революции и гражданской войне». Община по-прежнему преобладала: на 43 миллиона крестьян-общинников приходилось только 4,5 миллиона собственников. При этом большинство крестьян-собственников, как и общинники, не могли создать товарного хозяйства на своей земле. Крестьянам приходилось арендовать примерно 35 млн. дес., за которые они ежегодно платили 525 млн. рублей золотом.

Приводя результаты изучения ситуации в селах Воронежской губернии, автор показывает, что даже вместе с арендованной землей, крестьяне имели в среднем всего по 5,6 дес., а для того чтобы прожить, крестьянской семье требовалось минимум 10 дес. Такая ситуация хорошо показывает прямую заинтересованность крестьян в осуществлении своей давней мечты по уравнительному переделу землю в пользу тех, кто ее обрабатывает. И автор делает соответствующий вывод: «Беднота и среднее крестьянство мечтали об аграрной реформе, которая уничтожит помещичье и все виды частного землевладения, бесплатно даст им разделенную уравнительную землю и другие средства производства частных собственников»¹⁶.

Итоговым свидетельством прочности стихийно социалистических устремлений является поведение крестьян в эпоху революции 1917 г., когда уравнительному переделу подверглись не только помещичьи и вообще частнособственнические владения, но и крестьянские наделы. На это обстоятельство особо указывается в докладе Л.В. Даниловой и В. П. Данилова «Крестьянская ментальность и община» на упомянутой конференции аграрников.

4. Эти исследователи поставили вопрос о радикальных переменах в *политическом менталитете* российских крестьян накануне революции 1917 г., которые выразились в преодолении идеологии наивного монархизма. По их мнению, первые удары по наивному монархизму нанесли расправа с народной революцией и столыпинская аграрная реформа, а окончательно вытравлили наивный монархизм из народного сознания ужасы первой мировой войны, бездарность и эгоизм господствующих классов, самодержавия. В результате всего этого «крестьянский менталитет становится республиканским».

В качестве аргумента исследователи ссылаются на Примерный наказ, составленный в 1917 г. на основании 242 местных крестьянских наказов: демократические требования наказа пронизаны идеей прямого и непосредственного участия народа в управлении государством, что отвечало духу общинного менталитета¹⁷.

Следует отметить, что не все историки согласны с таким выводом. Так, В.П. Булдаков полагает, что крестьяне к моменту Февральской революции разочаровались не в монархии как таковой, а в поведении данного конкретного царя: «Крестьяне настолько поразились тому, что, согласно газетной информации, творил самодержец, его окружение и особенно императрица, что оправданий для династии не находили... Разумеется, это ничуть не колебало глубинных монархических представлений об идеале власти...»¹⁸.

В.Л. Кожевин, автор статьи «Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения» выражает несогласие с самим тезисом о возможности быстрой эволюции ментальности. По его мнению, «категория «ментальность», характеризующая иррационализированное содержание глубинных слоев сознания масс, которое не может быть просто сведено к понятию «политическое сознание», одновременно предполагает длительность эволюции коллективных представлений, а отнюдь не радикальную изменчивость». В то же время Кожевин отмечает: «Не подлежит сомнению сам факт наличия республиканских настроений среди крестьянства в 1917 году, но крестьянский республиканизм, точнее, его выражение в социальном поведении этого социального слоя, являлся результатом взаимодействия ментальности и элементов политического сознания, присущих в тот момент крестьянской массе»¹⁹.

Несомненная склонность крестьян к демократическим в своей основе общинным формам управления, на которые ссылался В.П. Данилов, вполне могла сочетаться с привер-

женностью идеи монархии как высшей форме государственной власти. На это обстоятельство обратила внимание М.М. Громыко при изучении менталитета крестьян конца 19 века: «Если в социальной организации повседневной своей жизни, в низовых, так сказать, инстанциях крестьяне явно отдавали предпочтение демократическим формам..., то применительно к самой высокой инстанции управления государством они оставались монархистами». ²⁰

Произошли ли существенные перемены в эпоху революций в этом вопросе? Пожалуй, наиболее взвешенный ответ на этот вопрос предлагает О.С. Поршнева в своей монографии «Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период первой мировой войны», изданной в Екатеринбурге в 2000 году. С ее точки зрения в годы войны проходил процесс постепенной десаκραлизации в глазах крестьян монархической власти при сохранении архетипической основы воссоздания культа верховного правителя, что в условиях развернувшихся социальных потрясений привело к утверждению в массовом сознании идей революционного вождизма. ²¹

Как бы там ни было, для нас важно не упустить из виду то обстоятельство, что наивный монархизм крестьянских масс не мог отменить аграрные устремления крестьянства, которые превращали его в стихийного социалиста. В упомянутой выше монографии О.С. Поршневой показано, что война лишь укрепила традиционные представления крестьянства об уравнительном землепользовании как основе социальной справедливости.

Если подвести итог рассмотрению причин, форм и сущности ментальности российского крестьянства накануне и в годы революции 1917 г., то вывод об устойчивой стихийно социалистической ориентации российского крестьянства вполне можно считать доказанным.

Следует отметить, что данный вывод в прямой форме часто не формулируется современными исследователями, а лишь подразумевается при оценке крестьянского мировоззрения как обобщенного. Порой это мировоззрение номинируется таким образом, что вообще не вызывает никаких ассоциаций с социализмом. Так, уже упоминавшийся историк В.П. Булдаков предпочитает оценивать социально-политические устремления крестьянства как «традиционализм», «патриархальщину», «архаику» и видит в революции 1917 г. конфликт между традиционализмом и модернизмом, который закончился победой архаики. ²²

О мотивах появления такой терминологии гадать не будем. Заметим только, что многие современники эпохи революции называли вещи своими именами. Уместно привести известную фразу П. Н. Дурново из «Записки» на имя Николая II, написанной еще в феврале 1914 г.: «народные массы несомненно исповедуют принципы бессознательного социализма... и... всякое революционное движение неизбежно выродится в социалистическое». ²³ Подобных высказываний можно привести много. Они известны. Но свидетельство Дурново может быть особенно весомым в связи с тем, что в 1905 г. он занимал пост министра внутренних дел и был очень хорошо знаком с содержанием приговоров крестьянских сходов.

Нам представляется, что вывод о стихийно социалистических устремлениях российского крестьянства можно считать серьезным объективным результатом, полученным в новейшей, постсоветской историографии. Нельзя не отметить, что в советской историографии доминировала приверженность к трактовке крестьянства как мелкой буржуазии. Эта линия, идущая от Плеханова и Ленина, вела к явной недооценке социалистического характера крестьянского мировоззрения. В новейшей историографии такая недооценка преодолена. Причем это сделано без каких либо широковещательных заявлений, а просто стало результатом исследований, свободных от прежней идеологической установки.

Данный вывод относится к числу тех базовых выводов, без учета которых нельзя строить научную концепцию истории революции 1917 г. в России. И действительно, как можно говорить о том, что поражение буржуазных партий и победа большевиков в борьбе за перевод буржуазной революции в социалистическую фазу были случайными, если многомиллионное крестьянство, составлявшее 80% населения,

было пропитано стихийно социалистической идеологией.

Важно отметить, что проведенный анализ идейных устремлений народных масс сам по себе еще не говорит ни о необходимости, ни о неизбежности социалистической революции. Он говорит лишь о том, что для такой революции имелась огромная социальная база.

1 ПСЗ-III. - Т. XXV. - № 25853.

2 См. Сенчакова Л.Т. Историография приговорного движения крестьянства в 1905-1907 гг. // Первая Российская революция 1905-1907 гг.: Обзор сов. и зарубеж. лит.: Сб. обзоров АН СССР. ИНИОН; Отв. ред. Е.Д. Черменский. - М.: ИНИОН, 1991; Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. - М., 1989.

3 Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. - М., 1996. - С. 226-227.

4 См.: Сенчакова Л.Т. (Ред.). Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905-1907 гг. Сборник документов - . 2000. - С. 4;

5 Кирюхина Е.И. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. - Т. 50. - С. 134-135.

6 Подсчитано по: Буховец О.Г. Указ. соч. - С. 363 (Приложение 7).

7 Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М. 2001. С. 19.

8 См: Менталитет и аграрное развитие России (XIX - XX вв.): Материалы международной конференции. М., 1996;

9 Гордон А.В. Хозяйствование на земле - основа крестьянского мировосприятия. // В кн.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 57-74

10 Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М., РОС-ПЭН, 1998. - С. 420.

11 Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России... - С. 35-36, 39.

12 Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. - М. 2002. - С. 158-159.

13 Там же. - С. 17-19.

14 Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. - М, 2000. .

15 См.: Невская Т.А. Столыпинская реформа на Северном Кавказе. - СПб., 1997.

16 Осипова Т.В. Указ. соч. - С. 5-8.

17 Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России... - С. 37

18 Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. - М., 1997. - С. 103

19 Кожевин В.Л. Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения // Вестник Омского университета, 1999. - Вып. 3. - С. 78-84.

20 Громыко М.М. Мир русской деревни. - М., 1991. - С. 239

21 Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период первой мировой войны. Екатеринбург, 2000.

22 Булдаков В.П. Указ соч. - С. 339.

23 Записка Дурново // Красная новь. Кн. 6. - М., 1922. - С. 196.

ОБНИЩАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ: ВЗГЛЯД НЕПРЕДУБЕЖДЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

В ежегоднике "Экономическая история" в 2002 г. была опубликована заметка акад. Б.В. Ананьича, выступившего с критикой предложенного мною нового антропометрического подхода к решению проблемы благосостояния населения. Назвав этот метод "бухгалтерским", Б.В. Ананьич написал: "Нахожу такой метод абсолютно не корректным. Чисто бухгалтерский подход к событиям прошлого, без оценки исторических реалий не может служить основанием для того, чтобы представить читателю благостную картину экономического развития России на рубеже XX в.". При этом сам Б.В. Ананьич обращается именно к бухгалтерским расчетам относительно фискальной политики, но, к сожалению, делает это, нарушая стандарты настоящей бухгалтерии и оставляя без рассмотрения те самые экономические реалии, что и явились предметом анализа моей статьи "Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890-1905 гг. по антропометрическим данным" (Экономическая история. Ежегодник. М., 2001).

Таким образом, получилось, что и железнодорожное строительство, и тарифная политика, поощрение экспорта и государственное регулирование цен, повышение доходов крестьян и зарплаты рабочих были вынесены критиком за рамки исторический реалий.

Тяжелы или легки были налоги? Голод 1891-1892 гг., по мнению Б. В. Ананьича, "стал следствием не только неурожая, но и фискальной политики Министерства финансов, которое тогда еще возглавлял И.А.Вышнеградский. За двадцать лет с 1880 по 1901 г. прямые налоги дали прирост всего в 50 млн. руб. (48 млн. – Б.М). Доходы от них увеличились с 172,9 до 220,9 млн. руб. За это же время доходы от косвенного обложения возросли на 108% (109% - Б.М.): с 393 до 819,6 млн. руб. Причем особенно значительный их рост падает на министерство С.Ю.Витте, ибо с 1880 по 1892 г. доход от косвенного обложения увеличился на 37%, а с 1892 по 1901 г. - на 50%".

Но голод 1891-1892 гг. случился до того, как С. Ю. Витте возглавил Министерство финансов, и поэтому он не может нести за него ответственность. Однако если уже речь зашла о голоде, то неурожай этих годов, как показал А.С.Нифонтов в своем исследовании "Зерновое производство России во второй половине XIX века" (М., 1974), были печальным эпизодом в пореформенном развитии сельского хозяйства, а не проявлением его кризиса. В 1860-1890-е гг. земледелие успешно развивалось за счет увеличения посевов, но, главным образом, урожайности, причем самые высокие темпы приходились на 1890-е гг.: чистые сборы хлебов и картофеля на душу населения в 1860-е гг. выросли на 2% сравнительно с предшествующим десятилетием, в 1870-е гг. – на 12%, в 1880-е гг. - на 4%, в 1890-е гг. – на 17%, а спад хлебных сборов в 1891-1892 гг. был признаком примитивного капиталистического земледелия с его хищническим использованием быстро истощавшихся черноземных почв, т.е. болезнью развития, а не упадка.

Но и фискальная политика не имела отношения к голоду. Дело в том, что само по себе увеличение налогов не является доказательством обнищания народа – здесь необходимо оценивать не рост, а тяжесть налогов по их доле в доходах.

В пореформенное время в налоговой политике произошло три важных изменения. Во-первых, к платежу прямых налогов было привлечено все

население, включая многочисленные группы населения, прежде от них освобожденные: дворяне и чиновники, казаки и национальные меньшинства. В то время как в дореформенное время прямые налоги платили крестьяне и мещане (подушную подать), а купцы — гильдейские пошлины.

Во-вторых, с начала 1860-х гг. российская налоговая система стала переходить с подушного принципа на подоходный, в результате чего *тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения*. По расчету, сделанному в Министерстве финансов в 1859 г., "высшие классы", или неподатные сословия, обеспечивали поступление в казну 17% доходов (главным образом за счет косвенных налогов), а "низшие классы", или податные сословия — 76%; 7% государственных доходов приносили монетная, горная и другие регалии и государственное имущество. В 1887 г., по расчету известного финансиста Н.П. Яснопольского (О географическом распределении государственных доходов и расходов в России. СПб., 1890), эти источники доходов соотносились как 38:55:7 (для сравнения в Великобритании это соотношение составляло 52:40:8, во Франции — 49:30:21, в Пруссии — 30:29:41). Из общей суммы собственно налогов (без регалий) на высшие классы в 1859 г. приходилось 18%, на низшие — 82%, а в 1887 г. соответственно — 41% и 59%. Другими словами, тяжесть налогов для высших классов увеличилась почти в 2.3 раза. Эта тенденция в дальнейшем усиливалась.

В-третьих, в налоговой системе значение косвенного обложения повышалось, особенно при С.Ю.Витте. Но благодаря этому податное бремя еще более сместилось с крестьянства на относительно зажиточные городские слои, так как косвенные налоги ложились главным образом на горожанина¹. Спички, нефть, табак, сахар и даже водка потреблялись в большей степени в городе. По данным статистики питейный доход с сельского населения в 1901 г. дал в государственный бюджет 143.9 млн. руб. из 476.3 млн. руб. общего питейного дохода этого года, т.е. 30.2%; в 1912 г. соответственно — 256.3 млн. руб.² из 953 млн. руб., т.е. 26.9%. В целом в 1901-1912 гг. на крестьянство приходилось лишь 32% всех налогов и платежей, а его доля в населении превышала 83%. Получается, что норма обложения у сельского населения к началу XX в. резко понизилась и стала в 3.6 раза меньше, чем у городского населения.

Отсюда, конечно не следует, что деревня была обложена налогами слабее, чем город. Для ответа на вопрос, чье налоговое бремя — горожан или селян — было тяжелее, необходимо знать платежеспособность тех и других, а также и остаток средств после уплаты налогов. Скорее всего, для состоятельных горожан, которые только и платили налоги, ибо с заработной платы налоги не взимались, налоги были менее обременительными, так как их доходы в абсолютном значении были намного выше, чем у крестьян. Этот вопрос требует специального изучения. Однако, более существенно другое — на покрытие прямых налогов в пореформенный период крестьяне стали расходовать меньшую часть своих доходов.

В 1849-1859 гг., по данным комиссий уравнивания денежных сборов с государственных крестьян, в пяти центрально-промышленных губерниях (Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской и Ярославской), где доходы крестьянства были в среднем выше средних по России, прямые налоги поглощали 34% дохода государственных крестьян только от земледелия и — 22% доходов от земледелия и промыслов вместе. Поскольку обложение удельных и помещичьих крестьян было более высоким, чем государственных, а доходы крестьянства других губерний были ниже, чем в наших пяти губерниях, налоговое бремя в большинстве российских губерний, вероятно, находилось на более высоком уровне, чем в пяти центрально-промышленных губерниях.

По данным крестьянских бюджетов в 13 губерниях за 1877-1901 гг., на покрытие всех платежей, включая выкупные и арендные, уходило 7.6% доходов от сельского хозяйства в земледельческих губерниях и 13.8% - в промышленных, и соответственно — 5.8 и 5.6% всех доходов от сельского хозяйства и промыслов вместе. Как видим, в пореформенное время норма обложения крестьян прямыми налогами уменьшилось в 3.9 раза.

Однако уменьшилось и общее налоговое бремя крестьянства. По расчетам А. М. Анфимова и А. Л. Вайнштейна для 50 губерний Европейской России, в 1901 г. все платежи (включая выкупные и арендные за вненадельную землю) равнялись 8.71 руб., доход от сельского хозяйства в год — 30.30 руб., от промыслов — 12 руб. (по сведениям Комиссии 1901 г., в 1900 г.), общий доход составлял 42.30 руб. на душу населения в год. Следовательно, на покрытие прямых и косвенных налогов, а также всех платежей в 1900-1901 гг. уходило 20.6% доходов, а в 1850-е гг. *только прямые налоги* поглощали 22.1% доходов крестьянства. Между тем в 1850-е гг. косвенные налоги были обременительнее прямых: например, в 1855 г. косвенные налоги в бюджет давали 64.6%, а прямые — 35.4% всех налоговых поступлений. Следовательно, в 1850-е гг. на уплату прямых и косвенных налогов уходило намного более 22.1% крестьянского дохода, а в 1901 г. — только 20.6%. К 1912 гг. норма обложения понизилась еще на 2.1%.

Таким образом, при всей приблизительности расчетов, очевидно, что налоговый пресс для крестьянства в пореформенное время уменьшился: только прямые налоги до 1861 г. превышали сумму прямых и косвенных налогов в 1901-1912 гг. Чистый остаток после уплаты налогов возрастал. И по мировым стандартам налоги в России не были чрезмерно тяжелыми. Так, тяжесть налогового обложения в процентах к национальному доходу в 1913-1914 гг. распределялась следующим образом: Япония — 18,2; Австрия — 16,9; Франция — 13,8; Германия — 11,8; Россия — 11,0; Италия — 10,8; США — 6,5 (Налоговое обложение в СССР и иностранных государствах. М., 1928).

Как видно из этих данных, в России норма обложения была ниже, чем во всех великих державах, кроме США. В литературе фигурируют разные данные об уровне обложения, что обусловлено, прежде всего, различными оценками национального дохода. Так, по одним данным, норма обложения для России в 1913 г. равнялась 13.5%. Это явно завышенная цифра вызвана тем, что занижена оценка чистого национального дохода на душу населения (83.3 руб.). Если принять за основу последние данные расчета национального дохода — 101.4 руб. — 118.5 руб., то норма обложения в России понизится до 9.5%.

Если основываться на вошедших в исторический обиход еще в 1930 г. данных³, то выходит, что громадный рост российского бюджета в конце XIX в. не соответствовал росту национального дохода и превышал его в 2,4 раза. С этим трудно согласиться. Во-первых, эти исходные данные о национальном доходе устарели; во-вторых, в нашем конкретном случае динамику национального дохода надо сравнивать не со всем бюджетом, а только с его доходной частью, так как государственные расходы не имеют отношения к налоговому бремени.

С 1881 по 1892 г. национальный доход на душу населения увеличился на 23%, а государственные доходы — на 49%, с 1892 по 1904 г. соответственно — на 76% и 108 %. Как видим, некоторая диспропорция в росте национального дохода и государственных доходов существовала до С.Ю.Витте. Но при нем диспропорция уменьшилась: в 1881-1892 гг. увеличение налогов обгоняло рост национального дохода в 2.13 раза, а в 1892-1904 гг. — в 1.42 раза. Впоследствии эта тенденция сохранилась: в 1904-1913 гг. налоги росли всего в 1.1 раза быстрее национального дохода. Поэтому "перегрева"

платежеспособных сил населения не происходило, тем более, если иметь в виду крестьян, налоговая нагрузка на которых, как было показано выше, уменьшалась.

Следует отметить, что в расчетах тяжести налогообложения крестьянства, сделанных как в дореволюционное, так и в советское время, допускалось три натяжки: 1) не учитывались доходы крестьян от промысловой деятельности, в том числе внеземледельческие доходы женщин, работавших дома, 2) выкупные платежи за землю принимались за налог, 3) косвенные налоги приравнивались к прямым без учета обязательности первых и факультативности вторых.

Доходы от промысловой деятельности крестьяне в большинстве случаев получали в форме зарплаты, которая налогами не облагалась. В случае отхожих промыслов приходилось покупать только паспорта. Между тем промысловый доход был значительным не только в нечерноземных, но и черноземных губерниях: его вес в общей сумме доходов для 50 губерний Европейской России к 1900-1901 гг. поднялся до 28.4%.

Выкупные платежи не могут считаться налогом, так как шли на покрытие кредита, полученного крестьянами от государства, за купленную землю. Это все равно, что в настоящее время принимать за налог платеж за купленную в кредит квартиру. Между тем на долю выкупных платежей в налоговых поступлениях в бюджет в 1885-1905 гг. приходилось от 8 до 16%.

Косвенные налоги, в отличие от прямых, носят факультативный характер. Конечно, керосин, ситец, чай, сахар — это предметы первой необходимости и без них не обойтись. А как быть с водкой и табаком, на долю которых приходилось 62.1% всех косвенных налогов? Все три натяжки приводят к преувеличению тяжести налогообложения, что и являлось целью большинства дореволюционных и советских исследователей: и те, и другие стремились посредством тезиса об обнищании крестьянства опорочить власть, доказать ее несостоятельность и неспособность управлять страной.

Необходимо рассмотреть вопрос о том, в какой мере ухудшалось положение крестьянства. Утверждение, что крестьянские восстания, например в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902г., свидетельствовали о тяжелом экономическом положении крестьян, не совсем верно. Апелляция к крестьянскому движению — излюбленный метод советских историков для доказательства тезиса об обнищании трудящихся при феодализме или капитализме. Между тем хорошо известно, что социальные протесты случаются не только по причине снижения жизненного уровня. В частности, крестьянские бунты марта 1902 г. (вряд ли их можно считать восстаниями), по мнению экспертов Департамента полиции и следствия, произошли в первую очередь под влиянием хорошо проведенной политической агитации, затем недорода и вздорожания аренды.

Здесь необходимо подчеркнуть, что крестьяне не могли четко осознать происходящего, так как почти вся российская интеллигенция того времени думала, что после 1861 г. крестьянство и вся Россия находились в состоянии кризиса. Эта парадигма родилась в 1861 г., когда Н. Г. Чернышевский и другие революционные демократы начали атаку на Великие реформы, не уяснив до конца их значение и последствия. А. И. Герцен, Н. П. Огарев и Н. Г. Чернышевский доказывали, что в ходе крестьянской реформы крестьяне были ограблены. Эта точка зрения была выражена уже через несколько дней после оглашения Манифеста 19 февраля 1861 г. в прокламациях, написанных Н. Г. Чернышевским "Барским крестьянам от их доброжелателей поклон", Н. В. Шелгуновым "Русским солдатам от их доброжелателей поклон" и "К молодому поколению", и в воззвании Н. П. Огарева "Что нужно народу?"

Впоследствии серьезный вклад в развитие мифологии внесли народники,

а также либералы, социал-демократы и правые (по разным, правда, мотивам). Даже полиции было иногда выгодно сгущать краски о положении народа, чтобы выбить дополнительные фонды и штаты. Социальные ученые в подавляющем большинстве случаев искренне поддерживали своими трудами революционных демократов и народников. В 1878 г. Ю. Э. Янсонс создал концепцию о несоответствии земельных наделов крестьянским платежам, которая была ничем иным как более мягкой интерпретацией реформы как грабежа. Но выводы Янсонса оказались несостоятельными, так как он строил свои расчеты на сведениях не "всегда отличавшихся достаточной точностью и достоверностью", в частности он использовал официальные данные об урожайности, которые были заниженными. Л. В. Ходский доказал ошибочность его расчетов, и А. А. Кауфман его поддержал. По их мнению, всего 28% крестьян получили недостаточные наделы (Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Ч. 1. М., 1908). В 1974 г. в своей книге А.С. Нифонтов, внешне ни с кем не полемизируя, убедительно доказал, что никакого кризиса сельского хозяйства – в смысле перманентного упадка, а не как фазы конъюнктурного цикла – в 1861-1900 гг. не было. Напротив, оно успешно развивалось.

Однако в советской историографии утвердилась точка зрения революционных демократов и Ю. Э. Янсонса, поскольку она соответствовала установке, спущенной историкам сверху, доказать закономерность и неизбежность Октябрьской революции 1917 г. Другие мнения игнорировались. Концепция системного кризиса российского пореформенного общества поддерживали и зарубежные исследователи, долгое время находившиеся под влиянием историков, эмигрировавших из России. Но в 1980-е гг. началась ее ревизия, и в 1990-е гг. большинство западных русистов от нее отказалось, как не соответствующей действительности.

В недавно переведенной на русский язык книге П. Грегори "Экономический рост Российской империи" (М., 2003) убедительно опровергается существование аграрного кризиса в России в 1880-1890-е гг. Аргументы настолько серьезны, что, на мой взгляд, должны убедить всякого непредубежденного человека. Национальный продукт на душу населения с 1889-1892 по 1901-1904 гг. увеличился на 3.4% ежегодно, что для аграрной страны возможно только в том случае, если аграрный сектор успешно развивался. Сельскохозяйственное производство с 1881 по 1905 гг. росло на 2.55% ежегодно – в 2.5 раза обгоняя рост населения, что свидетельствует о росте производства продовольствия на душу населения. Экспорт хлеба рос еще быстрее, однако он не был "голодным", так как с 1885-1889 по 1897-1901 гг. количество зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, в стоимостном выражении возросло в 1.51 раза, в то время как сельское население – в 1.17 раза. Поскольку хлебные цены в эти годы понизились, то в натуральном выражении потребительский фонд зерна увеличился в 1.3 раза на душу населения. Производство потребительских товаров на душу населения за 1887-1904 гг. выросло на 25%, а реальная почасовая заработная плата сельхозработного выросла с 1885-1887 по 1903-1905 гг. – на 14%, промышленного рабочего (если судить по Петербургу) с 1885-1887 по 1903-1905 гг. – на 32%.

К сказанному добавим, что средние ежегодные недоплаты окладных сборов (не сумма недоимок!) с бывших помещичьих крестьян, которые освобождались от крепостного права на самых тяжелых сравнительно с другими категориями крестьянства условиях, с 1885-1889 по 1900-1904 гг. уменьшились с 2.5 млн. до 1.3 млн. – в 1.9 раза. При этом население за этот период возросло на 25%.

Среднее количество новых вкладчиков в государственных сберегательных кассах по 50 губерниям Европейской России из числа работников и

земледельцев в 1889-1893 гг. равнялось 75.5 тыс., а в 1898-1900 гг. – 90.8 тыс., следовательно, возросло на 20%; а суммарная величина вкладов на эти новые сберкнижки составляла соответственно - 8.433 млн. руб. и 20.330 млн. руб., значит, увеличилась на 141%.

Как видим, все имеющиеся на настоящий момент новые данные свидетельствуют о медленном улучшении положении крестьянства и вообще преобладающего большинства населения России в целом в 1892-1904 гг., хотя до благой картины, конечно, было далеко – за 12 лет радикально изменить ситуацию было нельзя. Возможно, крестьяне действительно не ощущали позитивных сдвигов, потому что, во-первых, их радители постоянно убеждали их, что положение ухудшается, во-вторых, крестьянские потребности росли быстрее, чем доходы. В такой ситуации субъективные ощущения противоречат объективному состоянию вещей. Но эта другая очень интересная задача: оценить, что в действительности происходило, а не то, как это воспринималось.

Итак, уже 30 лет пессимистическая концепция системного кризиса пореформенного российского общества встречает возражения: принципиальные книги А.С.Нифонтова и П. Грегори, поставившие ее под сомнение, опубликованы соответственно в 1974 и 1982 гг. Объемная библиография зарубежной литературы, пересматривающей концепцию, приведена в моей книге "Социальная история периода империи", 1-е издание которой вышло в 1999 г. Невольно возникает вопрос, почему новые данные, появившиеся в историографии в последние 30 лет, не убеждают в несостоятельности традиционной парадигмы?

На мой взгляд, главная причина состоит в давлении стереотипов, преодоление которых невозможно без ревизии устоявшихся представлений на ход российского процесса. А это требует много времени и усилий, ибо поколение историков, создавшее стереотипы, от них, как правило, никогда не отказывается.

1 Шацкилло М. К. Эволюция налоговой системы России в XIX в. С. 376.

2 Петров Ю. А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. // Экономическая история. Ежегодник 2002 / Л. И. Бородин, Ю. А. Петров (отв. ред.). М., 2003. С. 390, 406.

3 Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. (до Первой мировой войны) // Исторические записки. 1959. Т. 65.

А.А. Куренных

ОБЩИНА И ДРУГИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕФОРМЫ, РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Проблема взаимоотношений власти и общества в процессе широкомасштабных преобразований социально-экономических и политических отношений является и всегда была одной из центральных. История реформ и революций свидетельствует о том, что общество оказывается практически всегда беззащитным перед натиском государственной власти. Она и только она знает, что и как нужно менять, ломать коренным образом или реформировать постепенно. В отечественной литературе с конца 80-х гг. прошлого века стало очень популярным противопоставление реформ, то есть, как считали многие приверженцы именно такого способа трансформации социальных отношений – эволюционного пути, революционному. Причем началось это противопоставление совершен-

но в духе существовавшей бюрократической системы: противопоставлению так называемой "революции сверху" или реформированию, начатому "верхами" революции, понимаемой, как массовое, стихийное движение. Историки, поддерживая инициаторов "перестройки", пытались внушить народу мысль об эффективности и предпочтительности именно реформирования, проводимого верховной властью.¹ Мало кто, однако, замечал, что при такой постановке проблемы происходила подмена понятий: революционный способ, с активным участием в преобразованиях широких народных масс противопоставлялся эволюционному, читай – административно-бюрократическому. Последний стал постепенно признаваться (расцениваться) как наиболее рациональный и эффективный, как менее разрушительный. Примеров массового организованного сопротивления бюрократическому нажиму в истории немного. Новые трактовки истории первой русской революции постепенно формируют ее концепцию, как массового организованного нажима на власть в первый период (1905 г.), а затем такого же массового, но менее организованного сопротивления попыткам административно-нажимного реформирования всего векового уклада жизни крестьянства.²

Некоторые исследователи обратили внимание на появление в начале XX века феномена "нового российского крестьянства". В.П. Данилов в предисловии к сборнику документов "Крестьянское движение в России в 1901-1904 гг." писал: "Дальнейшее изучение и осмысление документов и материалов 1902 г. приводит к ряду новых наблюдений и выводов в том же направлении: в 1902 г. на историческую арену выступил новый крестьянин – крестьянин эпохи революции. Это крестьянин, который полностью отчужден от существовавшей тогда власти, который отрицает данную систему как бесчеловечную и требует отдать всю землю тем, кто ее обрабатывает своим трудом".³ В историографии нет такого же категоричного утверждения о появлении в начале XX в. "новой крестьянской общины". Однако, совершенно очевидно, что "новый крестьянин" не мог не сформировать и новую систему взаимоотношений в деревне. Документы, отражавшие крестьянское движение начала века зафиксировали появление нового типа деревенского администратора. Сельские и волостные старосты, старшины и прочие мелкие чины низовой власти из верных слуг режима превратились в организаторов и руководителей крестьянской борьбы. Повышению уровня сознания крестьян способствовала также деятельность земских служащих, так называемого "третьего земского элемента" – учителей, врачей, агрономов, статистиков. Многие из них разделяли народническую идеологию и принадлежали к тем, кто когда-то "пошел в народ" или к их потомкам. В конце XIX – начале XX вв. начала формироваться и собственная крестьянская интеллигенция. Все эти люди прививали крестьянству организованные формы борьбы, борьбы, которая велась не только в форме прямого насилия, разгромов имений (на что делала упор в освещении крестьянского движения советская историография), а в виде приговоров, ходатайств, юридических и других документов. Поскольку владение помещиками земель зиждилось во многих случаях на таких документах, как пожалования и императорские указы, крестьяне стали юридически грамотно оспаривать законность собственности помещиков. В условиях, когда присущее всему российскому строю пренебрежение к законам и юридическим актам являлось привычным, подобное поведение крестьян вызывало шок у помещиков и властей. Крестьянство выработало тактику мирного давления на власти и своих социальных врагов. Первым успешным опытом применения тактики давления, бойкота и вытеснения властей были события в Гурии в 1902 - 1903 гг. "К концу 1903 г. систематический бойкот всего населения погрузил официальные власти Гурии в пустоту", – пишет современный крестьяновед.⁴ "Слухи о действиях крестьян и клятве верности в Нигоити быстро разошлись по горным долинам и послужили основой живой легенды. Отклик был громадным и в одинаковой степени потряс и правительство и революционеров. По всей Гурии, в одной деревне за другой и в более отдаленных областях, крестьяне объединялись, вырабатывали требования, избирали лидеров и давали взаимную клятву верности".⁵ Листовки с рассказом о гурийских событиях вскоре стали распространяться по другим областям России.

Другой формой независимой политической и экономической от властей организацией крестьянства была кооперация. Для крестьян, занимавшихся промыслами и мелких ремесленников объединение в артели, а затем в союзы артелей было спасением от натиска крупного и среднего капитала и государственной власти. Кооперация со временем разви-

лась настолько, что была в состоянии мирным путем преобразовать Россию, превратив ее в "страну крестьянской утопии". Государственная власть, как царская, так и большевистско-советская, весьма отрицательно относились к проявлениям самостоятельности и творчества широких народных масс. Как писал один из самых известных не только в своей родной Важской области, но и во всей России, кооператор А.Е. Малахов, трудовые "артели, кооперативные принципы которых представляли собой живую и самостоятельную форму, существовали задолго до того времени, когда в Западной Европе изобрели кооперацию, но пока идея не была осознана, артель представляла из себя ни больше, ни меньше, как бытовое явление".⁶ Отмечая связь кооперации с общественным устройством российской деревни, Малахов указывает: "...в этом сказывалось глубоко закоренное в психологии северного мужика коллективное начало. Вся жизнь была построена на общинном владении землей, на совместных арендах, сенокосах и на общей покупке и расчистке под пашню и выгоны".⁷ Парадокс ситуации заключался в том, что советская власть активно и энергично боролась с кооперацией и такими кооператорами, как А.Е. Малахов. Он же, по своей идеологии, и практической деятельности, был не меньшим коллективистом, чем коммунистические власти! "В последнее время в деревню стали проникать кооперативные идеи, и мы видим очень часто добровольное соединение хлеборобов в артель или союз, и здесь орудия полководства, в том числе и земля, могут стать общей собственностью, так как коллективная обработка более выгодна. Главный интерес для отдельных сельских хозяев в оценке труда и в выгодах его применения, а не в том — священо или безнравственно право собственности на землю".⁸ Характеризуя же действия советских властей Архангельской губернии, Малахов писал: "В 1918 году в нашем крае обнаружилось стремление к артельной обработке земли, и это стремление спугнули только коммунисты".⁹ В данном случае речь шла, в основном, о политике местных архангельских коммунистических властей в отношении кооперации. Как отмечал в своей монографии, посвященной истории взаимоотношений кооперации, общины и государства, В.В. Кабанов, системе "не была приемлема кооперации, основанная на самостоятельности и творчестве масс... Система нуждалась лишь в кооперативном аппарате".¹⁰

Точно также потребительски относилось к общине и кооперации и царское правительство. Так, в той же Важской области хищническое хозяйствование перекупщиков, жестко эксплуатировавших труд местных крестьян-смолокуров, подрывало перспективы борьбы за внешние рынки. "При таком барыше (прибыль составляла 30% от стоимости смолы - А.К.), скупщики были совершенно не заинтересованы в улучшении качества продуктов смолокурения и нались лишь за количеством. Кустари поступали соответственно и стремились сделать смолу только удовлетворяя минимальные требования рынка. Промысел оказался в тупике. Стимулов для его развития не было", — пишет К.Н. Тарновский.¹¹ Царские власти и чиновники Удельного ведомства, терпя от такого положения дел убытки, решили прибегнуть к помощи кооперации. "В 1901 г. удельное ведомство стало предоставлять кредит под смолу. В Важской области началось возникновение артелей (кредит предоставлялся под взаимную ответственность членов артели — это фиксировалось письменным обязательством). Почти половина кустарей Вельского и Шенкурского уездов примкнула к артели. Вступили в нее и кустари Сольвычегодского уезда. За пять лет — с 1902 по 1906 г. — количество членов артелей увеличилось с 90 до 1650 человек, артельная выработка смолы возросла с 1784 до 31521 бочек, до половины архангельского экспорта смолы было сосредоточено у артелей. Поднялся и заработок смолокуров-артельщиков: до 1901 г. они получали за бочку смолы 2 руб. 25 коп., а с 1902 г. — 3 руб. 33 коп.", — отмечает К.Н. Тарновский.¹²

Отношения Удела и крестьян не были идиллическими. От вполне мирных и законно оформленных в мирских протоколах просьб о прирезке им земли и изменении условий клеймения, вырубки и вывозки леса, крестьяне перешли к решительным действиям. Помощник начальника Вологодского губернского жандармского управления ротмистр Звягин отмечал в своем донесении: "Все эти требования в течение долгих лет выражались крестьянами в виде мировых ходатайств и просьб, но их раздражало, наконец, полное равнодушие к их нуждам удельных чиновников, и скромные просьбы перешли в требования и активные незаконные действия; они приступили к самовольной порубке удельных и

казенных лесов. Среди крестьян уезда теперь глухое брожение, слышно, что они порешили, а в случае неудовлетворения их требований, выгнать удельных чиновников из имений и вполне завладеть ими".¹³ Удельное ведомство не пошло на удовлетворение требований крестьян. Оно поступило иначе, прекратив выдачу ссуд и принудительно отстранив общего доверенного смолокуров, и "союз артелей, лишенный средств и руководителя, естественно, распался".¹⁴ Доверенным крестьян-смолокуров еще с 1901 г. был А.Е. Малахов, выходец из местных крестьян, бывший студент, товарищ по университету будущего наркома И.А. Теодоровича. Малахова же власти считали главным агитатором среди крестьян. В своем донесении Звягин отмечал: "Там (в Шенкурском уезде Архангельской губ. - А.К.), по слухам, главный агитатор - сын крестьянина, бывший студент Александр Малахов, который, при посредстве своих подвижников, успел перекинуть возмущение крестьян и в Вельский уезд (состоял под гласным надзором полиции), и по моей прежней службе в Архангельске известен мне за одного из тайных агитаторов среди крестьян, для чего держал в Шенкурском уезде скипидарный завод".¹⁵

Действительно, как пишет архангельский краевед и историк Е.И. Овсянкин, в 1905 г. в Великоиколаевской волости Шенкурского уезда появился подпольный кружок. "В его составе были волостной старшина Я.И. Едемский, волостной писарь П.Г. Боговой, молодые крестьяне М.Я. и И.Ф. Едемские, бывший семинарист П.Г. Истомин и ряд других. 8 ноября 1905 года по инициативе А. Малахова и И. Сузтина (также доверенный от крестьян всех общественных лавок А.К.), возник "Организационный комитет крестьян южной половины Шенкурского уезда", поставивший своей целью организовать стихийное крестьянское движение, содействовать мирному и планомерному решению аграрного вопроса".¹⁶ В результате деятельности подпольных кружков и протокоператоров Малахова и Сузтина в Шенкурском уезде возник Крестьянский союз, проведший за 1904 г. четыре своих съезда. На первом же съезде было принято решение присоединиться к Всероссийскому крестьянскому союзу, созданному в мае 1905 г. и проведенному в ноябре того же года свой крупнейший съезд в Москве.¹⁷

В 1906 г. Малахов и другие крестьянские активисты, такие, как и большинство руководства ВКС, оказались в тюрьме. Вскоре, однако, Малахова выпустили, и он снова стал доверенным смолокуров. Союз артелей начал получать кредиты от "Русского для внешней торговли банка". "Банк, — писал командированный в Важскую область специалист Отдела сельской экономики В.А. Петровский, — продолжал кредитовать артели и в последующие годы, но так как общего объединенного устава смолокуры не имели, то каждый год организацию приходилось создавать как бы заново, составляя мирские приговоры; благодаря этому смолокуры не могли пользоваться долгосрочным кредитом, не могли накапливать запасной капитал из ежегодных процентных отчислений и не имели возможности устраивать собственные заводы для переработки полупродуктов".¹⁸ Устав Союза смолокурных артелей Важской области был утвержден только 12 июня 1913 г. После этого кооператив смолокуров смог получать кредиты в банках и развиваться в более или менее нормальных условиях. Самый большой кредит смолокуры имели в кооперативном Народном банке. Вот как писал в своей брошюре А.Е. Малахов: "Дела Союза после получения 200 000 руб. от Народного банка пошли настолько удачно, что через пять лет наш Союз был одним из крупных акционеров Банка и имел в нем в последнее время десятиллионный кредит".¹⁹

Революция 1917 г. не сняла противоречия кооперации и государственной власти. В условиях обострения продовольственного вопроса, организованное в кооперацию крестьянство, впервые в своей истории смогло диктовать свои условия городу. "Здесь только обнаружилось, что Союз, полезный для деревенского населения, оказался вредным для городского. Союз убил и принизил город, сделал его слугой деревни, а деревню поставил на небывалое в русской истории положение. Деревня командовала городом. Поэтому был очень популярным лозунг: "Долой Союз" как источник всяких бед и несчастий", — писал А.Е. Малахов.²⁰

Не скоординированная в масштабах всей страны деятельность профессионально-политических союзов и кооперации могла, безусловно, наносить ущерб неорганизованной, распыленной части населения. В этом, увы, заключается один из основных недостатков коммунального устройства государства. На этом играют сторонники "жесткой" вертикали

власти, разного рода патерналистских и диктаторских режимов. Но более всего скорбит по потере бывшего влияния чиновничество и, как это не удивительно, интеллигенция. Выражая мнение крестьянства, Малахов писал: "Для народа сама по себе власть не имеет большого значения. Глубоко и очень вредное убеждение в необходимости той или иной формы твердой власти существует только у интеллигенции и у тех, кому надо сохранить привилегии, кто исторически снискивал себе пропитание работой на правительстве, даже в таких совершенно ненужных учреждениях, как капитул орденов или Синод".²¹ И все же, кооператоры считали, что наилучшей формой управления должно стать основанное на самостоятельности и инициативе народных масс коммунальное самоуправление. "Здоровое начало самостоятельности и самопомощи в недрах самого народа сохранено для переустройства социального строя России на кооперативных началах. Мы надеемся видеть изжитие коммунистической олигархии и действительную власть крестьян и рабочих в виде отдельных республик, объединенных в один русский союз, наподобие Соединенных штатов".²²

Профессиональный кооператор, выходец из крестьян и организатор широкого, мирного крестьянского движения считал, что российская кооперация зиждилась на общинных традициях, общинном духе российского крестьянства. Многие другие отечественные социалисты считали общину отжившим институтом, опорой реакции, оковами для крестьян и тормозом прогрессивного развития сельского хозяйства. Кроме того, для русских марксистов, как для меньшевиков, так и для большевиков, упование на общину было явным признаком враждебного научному социализму утопического народнического социализма. Сам основоположник марксизма думал, однако иначе. В своем ответе на письмо В. Засулич, К. Маркс дал образец конкретно исторического (как того и требует марксизм) анализа проблемы общины: "Обстоятельством весьма благоприятным, с точки зрения исторической, для сохранения "земледельческой общины" путем ее дальнейшего развития служит то, что она не только является современницей западного капиталистического производства, что позволяя ей присвоить его плоды без того, чтобы подчиниться его *modus operandi* (образу действия), но что она пережила уже период, когда капиталистический строй оставался еще незатронутым; теперь, наоборот, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах, он находится в борьбе с трудящимися массами, и с наукой, и с самими производительными силами, которые он порождает, — словом переживает кризис, который окончится уничтожением капитализма и возвращением современных обществ к высшей форме "архаического" типа коллективной собственности и коллективного производства".²³ Иными словами, Маркс хотел сказать, что капитализм являлся таким же, если не большим пережитком прошлого, как и община. Последняя — в меньшей степени, поскольку общество, по мысли Маркса, должно было вскоре из индивидуалистически капиталистического превратиться в коллективистски социалистическое. Маркс обратил внимание еще на несколько конкретных исторических условиях крестьянского хозяйства, которые не только благоприятствовали сохранению общины, но и делали это сохранение экономически выгодным и даже жизненно необходимым для русского крестьянина. "Но для того, чтобы коллективный труд смог заменить в самом земледелии труд парцеллярный, источник частного присвоения, — нужны две вещи: экономическая потребность в таком преобразовании и материальные условия для его осуществления.

Что касается экономической потребности, то она даст себя почувствовать самой "сельской общине", как только последняя будет поставлена в нормальные условия, т.е. как только с нее будет снято лежащее на ней бремя и как только она получит нормальное количество земли для возделывания. Прошло то время, когда русскому земледелию требовались лишь земля и ее парцеллярный земледелец, вооруженный более или менее первобытными орудиями. Это время прошло с тем большей быстротой, что угнетение земледельца истощает его поле и делает последнее неплодородным. Ему нужен теперь кооперативный труд, организованный в широком масштабе. И притом, разве крестьянин, которому не хватает самых необходимых вещей для обработки его двух или трех десятин, окажется в лучшем положении, когда количество его десятин удесятится?"²⁴ Маркс считал, что сохранение "русской сельской общины" является огромным плюсом для страны, а не минусом, как считали многие его последователи в России. "Она (община — А.К.) одна сохранилась в Европе

в широком национальном масштабе. Она находится благодаря этому в исторической среде, в которой существующее одновременно с ней капиталистическое производство представляет ей все условия коллективного труда. Она имеет возможность использовать все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его кавдинские ущелья. Физическая конфигурация русских земель благоприятствует сельскохозяйственной обработке при помощи машин, организуемой в широком масштабе и осуществляемой кооперативным трудом".²⁵ Точности и глубине анализа Маркса можно только поражаться. К подобным же выводам пришли независимо от него многие русские социалисты, начавшие вскоре развивать кооперативное дело, базируясь на общинных традициях.

Маркс определил и основные опасности, которые угрожают общине. Главной он считал государственную политику. Любопытно, что в отличие от отечественных экономистов-марксистов, Маркс видел главную опасность для общины в фискальной политике государства, а не во внутреннем ее разложении на антагонистические социальные группы. "Это угнетение извне (выд. - А.К.) обострило уже происходившую внутри общины борьбу интересов и ускорило развитие в ней элементов разложения. Но это еще не все, — добавляет Маркс. За счет крестьян государство выпестовало те отрасли **западной капиталистической системы** (выд.- А.К.), которые нисколько не развивая производственных возможностей сельского хозяйства, особенно способствуют более легкому и быстрому расхищению его плодов непроизводительными посредниками". Маркс выступает как гораздо больший "почвенник", нежели многие российские марксисты и либералы. Далее он определяет причины того, почему государство должно будет в скором времени перейти к политике разрушения общины, несмотря на то, что она, община, является для государством курицей, которая несет золотые яйца. Маркс счел точно определил основные контуры будущей политики самодержавия в отношении общины и крестьянства в целом. Так, он пишет: "...они (правящие круги и паразитическая буржуазия - А.К.) чувствуют, что это современное положение не может продолжаться, что, следовательно, нынешний способ эксплуатации уже не годится. Бедственнойшее положение земледельца уже истощило землю, которая становится бесплодной. Средние цифры за последние десять лет показывают не только застой, но даже падение сельскохозяйственного производства. Следовательно, нельзя терять времени. Нужно с этим покончить. Нужно создать средний сельский класс из более или менее состоятельного меньшинства крестьян, а большинство крестьян превратить просто в пролетариев. С этой-то целью представители "новых столпов общества" и выставляют самые раны, нанесенные общине, как естественные симптомы ее дряхлости".²⁶

Итак, Маркс считал, что община до поры до времени помогала "новым столпам общества" эксплуатировать крестьянство, высасывая из него соки, ради подъема тех отраслей народного хозяйства, какие были выгодны прежде всего этим "столпам". Т.о., причиной возможной гибели общины Маркс считал не внутреннее ее разложение, а именно политику государства, которая, по его мнению, вскоре должна была смениться на прямо противоположную той, что осуществлялась, начиная с 1861 г. Этого, однако, не произошло. Для изменения политики в том духе, который предвидел Маркс, потребовалась длительная раскочка правящей бюрократии и революция 1905-1907 гг. Главное, однако, в отношении Маркса к русской общине заключается в том, что он считал возможным на ее основе развивать коллективистское производство. Последнее Маркс рассматривал как безусловно более прогрессивное и человеческое, нежели современный ему капитализм: "Усваивая положительные результаты этого способа производства (капитализма - А.К.), она получает возможность развивать и преобразовать еще архаическую форму своей сельской общины, вместо того, чтобы ее разрушить (отмечу мимоходом, что форма коммунистической собственности в России есть наиболее современная форма архаического типа, который, в свою очередь прошел через целый ряд эволюций)".²⁷ В ходе рассуждений о крестьянской общине Маркс обосновывает возможность некапиталистического пути развития современного общества на ее основе. "Если поклонники капиталистической системы в России (а к ним, добавим от себя, помимо либералов и царской власти, можно было с полным основанием отнести и тогдашних последователей Маркса и Энгельса - А.К.) станут отрицать возможность такой комбинации, пусть они докажут, что для того, чтобы

вести у себя машины, она вынуждена была пройти через инкубационный период машинного производства. Пусть они объяснят мне, каким образом могли они ввести у себя, можно сказать, в несколько дней механизм обмена (банки, кредитные общества и т.п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?"²⁸ Маркс опровергает один из основных постулатов "марксизма" о том, что все страны должны проходить все формационные стадии в своем развитии. Маркс в этом вопросе рассуждает гораздо тоньше своих адептов. Он полагает, что раз капитализм вступил в такую фазу своего развития, когда его производственные отношения (рынок, частная собственность, свободная конкуренция и т.д.) становятся препятствием для развития производительных сил, любые формы коллективизма, как сохранившиеся от прошлого, так и современные, могут стать базисом для преобразования всего общества. Отметим еще одно отличие оценок ситуации в России от тех, которые давались рядом русских марксистов. Маркс отнюдь не считал капитализм господствующим в России укладом. В сельском хозяйстве, которое он считал важнейшей отраслью народного хозяйства, капитализма практически не было. Последователи же Маркса в России вплоть до революции 1905-1907 гг. считали, что капитализм стал в основном господствующей системой хозяйства во всех его отраслях. Только революционные события, роль в них крестьянства, заставили некоторых из них пересмотреть свои оценки социально-экономического строя России. На этом постулате строились все марксистские анализы, как до революции 1917 г., так и после. Робкие попытки на основании "нового" прочтения ленинских работ в конце 50-х гг. пересмотреть этот постулат, являвшийся одним из краеугольных камней в обосновании закономерности победы социализма в СССР, грубо пресекались "борцами за чистоту" марксистско-ленинских идей.

Исследование истории кооперации и общины в советское и постсоветское время историки занимались довольно много.²⁹ В последние годы появились работы, напрямую связывавшие земельную общину с революцией 1917 г., столыпинской аграрной реформой и коллективизацией.³⁰ Об общинных менталитете и традициях крестьян, о которые сломали свои зубы все реформаторы и революционеры, пишут современные неонародники.³¹ Однако даже самые глубокие и проницательные исследователи данного вопроса проигнорировали вопрос о самостоятельности и инициативе масс при проведении широкомасштабных социально-экономических преобразований, будь-то революция или эволюционный путь реформирования и роли в этом общины. Так, В.В. Кабанов, признавая правоту С.П. Трапезникова в оценке роли общины при проведении коллективизации, писал: "Но, разумеется, Трапезников на этом "пути" не имел в виду эффект своеобразного закона "стадности", безропотности и страха. А именно эти качества общины и использовала Советская власть, загоняя крестьян в колхозы".³² Думается, что Кабанов в своей оценке роли общины в коллективизации не прав. Советская власть использовала не стадность и страх, а демократическо-общинные механизмы и традиции. Сход, а чаще всего определенная инициативная группа в нем могли повести за собой остальных жителей села или деревни и надавить на противников принимаемых решений. Не прав был Кабанов и когда утверждал, что, по мере достижения цели община отбрасывалась за ненадобностью.³³ Он имеет в виду тот факт, что 3 февраля 1930 г. президиум ЦИК СССР утвердил "Основные положения об организации сельских советов", в котором говорилось, что в районах сплошной коллективизации земельные обществу ликвидируются, причем все их права и обязанности полностью передаются сельским Советам. В развитие этого положения ВЦИК и СНК РСФСР 30 июля 1930 г. приняли постановление "О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации". Ликвидацию в данном случае следует понимать, как перемену вывески. Атрибуты общины в первых колхозах не исчезли. Традиции общинной взаимопомощи, артельной спайки продолжали работать вплоть до так называемого укрупнения колхозов. Вот тогда-то и произошло уничтожение общинного духа, подмена его казенно-бюрократическим "коммунистическим отношением к труду".

Во время Великой Отечественной войны на оккупированной территории немецкие власти не стали сразу распускать колхозы. По плану А. Розенберга колхозы должны были трансформироваться в общины. В крестьянском календаре на 1942 г., изданном оккупационными властями излагался следующий план воссоздания единоличных крестьянских хозяйств: "Сначала будет основана система общинных хозяйств, затем система земле-

дельческих товариществ".³⁴ Практичные немцы понимали, что в условиях войны возвращение крестьян к единоличному хозяйству могло привести сельское хозяйство к упадку: "Перейти сейчас к единоличному хозяйству значило бы оставить необработанными значительные участки земли, собрать небольшой урожай и голодать зимой. Поэтому мы создаем переходную форму сельского хозяйства — земледельческие товарищества, в корне отличающиеся от колхозов".³⁵ Сохранение элементов коллективизма объяснялось тем, что "многие семьи слишком малочисленны, чтобы своими силами обработать свои поля — поэтому мы пока обрабатываем землю сообща...".³⁶ Конечная цель преобразований сельского хозяйства Восточных территорий — создание "нового крестьянства. "Общинное хозяйство, заменяющее колхозы, только мост для перехода к созданию нового крестьянства на Востоке". — гласила программа преобразований, опубликованная в Крестьянском календаре.³⁷ Воссоздание единоличных крестьянских хозяйств проводилось отнюдь не на добровольных началах. Германское главное земельное управление издавало соответствующие приказы. Приказ № 4 по проведению нового земельного порядка имел название "О хозяйственных основах общинных хозяйств". В нем устанавливался порядок созыва и проведения собраний (сходов) сельских жителей. "Немедленно после ликвидации колхоза, хозяева-крестьяне каждого общинного хозяйства собираются на первое собрание хозяев-крестьян. Собрание созывается и проводится старшиной общинного хозяйства. Все хозяева-крестьяне общинного хозяйства или их заместители имеют право принять в нем участие. Германское главное земельное управление".³⁸

Итак, общину можно было использовать как для коллективизации, так и для деколлективизации сельского хозяйства. В.В. Кабанов пишет, что опыт использования общины в коллективизации предстал советскому руководству удачным. Его решили еще раз применить в послевоенной коллективизации в западных районах Украины, вошедших в состав СССР накануне второй мировой войны.³⁹ По его мнению, никакой общины там не было, и ее искусственно создали. "Земельные общества (громады) создавались не по инициативе крестьян, а по распоряжению сверху, в приказном порядке", — считает Кабанов.⁴⁰ "Создавались громады под благовидным предлогом: быстро восстановить сельскохозяйственное производство".⁴¹ Затем вновь образованные общины использовались для проведения сплошной коллективизации. Ответить на вопрос, почему крестьянская община в это время была создана только на Западной Украине Кабанов не захотел, но отметил, что благодаря громаде, сплошная коллективизация в этой части вновь присоединенных к СССР земель была завершена уже в 1948 г. В других новых районах к ней только приступили.

Община, как впрочем, и само крестьянство играли неоднозначную роль в широкомасштабных преобразованиях социально-экономического и политического строя России. Некоторые политики и историки оценивают эту роль положительно, другие — отрицательно. Крайне негативно относятся к общине либералы. Почти также — сторонники централизованно-бюрократической системы управления. Общину использовала в своих целях царская власть, но она же поспешила начать ее разрушение, когда обнаружилось ее активно организующее естество в революционных событиях 1905-1907 гг. Общину использовали большевики. Использовали, скорее, ее демократические свойства, нежели организационно-распорядительные, при сборе налогов и проведении продразверстки. Использовали общину и оккупационные власти в годы Великой отечественной войны. Общинный дух и традиции продолжают жить и использоваться как властями, так и их противниками; эти качества сохраняются и будут жить, пока жив русский народ.

1 См.: Эйдельман Н.Я. Революции сверху в России. М. 1989; Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. - М., 1991, и др.

2 См.: Куреньшев А.А. Всероссийский крестьянский союз и борьба за демократизацию общественного строя России (1905-1907 гг.) // Российское общество и власть в XX веке. - Москва-Рязань, 2003.

3 Крестьянское движение в России в 1901-194 гг. Сборник документов. - М., 1998. - С. 6.

4 Шанин Т. Революция как момент истины. 1905-1907 гг. -1917-1922 гг. - М., 1997. - С.179.

5 Там же. - С. 178.

6 Малахов А. Русская кооперация и коммунисты. - Лондон, 1921. - С. 12.

- 7 Там же. - С. 69.
- 8 Там же. - С. 71-72.
- 9 Там же. - С. 72.
- 10 Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX века. - М., 1997. - С. 141.
- 11 Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX-начале XX в. М., 1995. - С. 189.
- 12 Там же. - С. 190.
- 13 Революция 1905-1907 гг. в России: Документы и материалы. Второй период революции, 1906-1907 гг. Ч. I. Январь-апрель 1906 г. - М. 1957. Кн. 1. - С. 497-498.
- 14 Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. - М., 1913. - С. 200.
- 15 Революция 1905-1907 гг. - С. 498.
- 16 Овсянник Е.И. Огненная межа. - Архангельск., 1997. - С. 15.
- 17 См. об этом: Куренышев А.А. Всероссийский крестьянский союз, 1905-1930 гг. Мифы и реальность. - СПб., 2004.
- 18 Петровский В.А. Артели кустарей-смолокуров в Важском районе // Отчеты и исследования. XI. - С. 220.
- 19 Малахов А.Е. Указ. соч. - С. 88.
- 20 Там же. - С. 94.
- 21 Там же. - С. 84.
- 22 Там же. - С. 58.
- 23 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. - М., 1961. - Т. 19. - С. 406.
- 24 Там же. - С. 407.
- 25 Там же. - С. 407-408.
- 26 Там же. - С. 409.
- 27 Там же. - С. 412.
- 28 Там же. - С. 413.
- 29 См. Данилов В.П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период (К вопросу о типологии общины на территории советских республик) // Народы Азии и Африки. - 1973. - № 3.; Он же. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России. // Проблемы социально-экономической истории России. - М., 1974.; Он же. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. // Ежегодник по аграрной истории. - Вологда., 1976. - Вып. 8; Кабанов В.В. Октябрьская революция и община // Исторические записки. - М., 1984.; Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907-1914 гг. - М., 1992.; Осокина В.Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920-1933. - М., 1978; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX века. - М., 1997 и др.
- 30 Бахарев В.М., Люкшин Д.И. Российская смута начала XX века как общинная революция. // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. - Казань, 1994.; Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы "великих потрясений" (1905-1917). - М., 2000.
- 31 См. Кара-Мурза С.Г. Столыпин - отец русской революции. - М. 2002.; Он же. Гражданская война 1918-1921. Урок для XXI века. - М., 2003.
- 32 Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. - М., 1997. - С. 121.
- 33 Там же.
- 34 Государственный Исторический музей (ГИМ). Отдел письменных источников (ОПИ) Ф. 452. Оп. 1. Ед. Хр. 57. Л. 29 об.
- 35 Там же. - Л. 30.
- 36 Там же. - Л. 31.
- 37 Там же. - Л. 29.
- 38 Там же. - Л. 56.
- 39 Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. - М., 1997. - С. 122.
- 40 Там же.
- 41 Там же.

МАССОВОЕ ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1904–1905 ГГ. В ЦИФРАХ

В поступательном развитии различных, дополняющих друг друга, временами связанных между собой потоков освободительной борьбы накануне революции 1905–1907 гг. особое место занимает самый мощный из них – массовое протестное движение рабочих.

К столетию революции 1905–1907 гг. учеными и архивистами подготовлен фундаментальный комплекс источников – Хроника рабочего движения в России¹, призванная стать основой синтеза фактического материала по рабочему движению накануне революции. Десять выпусков издания общим объемом около 350 п.л. охватывают самое важное, что может относиться не только к количественным, но и к качественным показателями этого движения с 1895 по 1904 гг. В основе издания – документы и материалы 108 архивов, а также – музеев бывшего СССР, часть которых ныне находится в странах СНГ и Балтии, материалы периодической и нелегальной печати; с учетом репрезентативности содержащихся сведений частично использовалась и мемуарная литература.

Хроника представляет во всем объеме всю территорию России, на которой из года в год возникали очаги социальных противостояний рабочих и предпринимателей (реже – рабочих и правительства) в форме стачек, волнений и других форм массового протеста. Первый раздел каждого выпуска информирует о массовом рабочем движении в стране с учетом как стачечных, так и нестачечных форм борьбы (волнения, подача требований, жалоб, прошений).

Исходя из этих материалов Хроники, общее число конфликтов на производственной почве и политических стачек в России в 1895–1904 гг. превысило 8 тыс., а число участников в них составило более 1,5 млн. человек.

По годам это распределялось следующим образом: на 1895 г. приходится не менее 340 производственных конфликтов и политических стачек на отдельных предприятиях, в которых участвовало до 80 тыс. рабочих; в 1896 г. – соответственно 368 и 64 тыс.; в 1897 г. – 732 и почти 152 тыс.; в 1898 г. – 815 и 165 тыс.; в 1899 г. – 880 и 163 тыс.; в 1900 г. – 655 и 100 тыс.; в 1901 г. – 910 и 176 тыс.; в 1902 г. – 694 и 147 тыс.; в 1903 г. – 2244 и 365 тыс.; в 1904 г. – 419 и, соответственно, 133 тыс. (В 20 % случаев число стачек на отдельных предприятиях и профессиональных групп рабочих, которые участвовали в коллективных стачках, а также количество принявших в них участие рабочих осталось неизвестным). Доля стачек в общей массе конфликтов составляла в среднем 88% от общего числа выступлений. Преобладание стачек зависело в первую очередь от позиции предпринимателей в ходе переговоров по поводу удовлетворения требований рабочих.

О полноте информации, содержащейся в Хронике, можно судить по тому, что она за все годы превышает в среднем показатели фабричной инспекции царской России по числу стачек в 4 раза, а по числу стачечников – в 3 раза, а в 1904 г. – соответственно, почти в 6 и в 5 раз. (Фабричная инспекция, как известно, была введена не во всех губерниях и не учитывала все отрасли производства, а также рабочих многих ремесленных профессий). О разнице показателей в отношении числа стачек и количества стачечников по данным Хроники и фабричной инспекции по годам дает представление следующая таблица:

Количество стачек и стачечников в 1895–1904 гг. в России по данным фабричной инспекции и Хроники*

Год	По данным фабричной инспекции			По данным Хроники			
	1	2	3	4	5	6	7
1895	14	68	31195	38	281(243)+3к		67248
1896	19	118	29527	40	282(244)+4К		56826
1897	25	145	59870	44	613(511)+43К		132282
1898	28	215	43150	52	638(521)+13К		140168
1899	26	189	57498	57	784(604)+24К		136585
1900	31	125	29389	57	576(429)+55К 771(609)+35К		87080
1901	32	164	32218	59	589(495)+54К		135436
1902	32	123	36671	59	2099(1843)+163К		130058
1903	37	550	86832	65	419(334)+134К		327185
1904	26	68	24904	61			132746
Итого	-	1765	431254	-	7052(5833)+528К		1345614

* В графах 1 и 4 указано число губерний и областей; в графах 2 и 5 – количество стачек; в этой графе 5 в скобках – количество стачек с известным числом бастующих, а также – число коллективных стачек, количество забастовщиков в которых неизвестно; в графах 3 и 6 – количество бастующих; в графе 6 – даны сведения с учетом показателей и Хроники и фабричной инспекции.

В приведенной таблице виден резкий подъем стачечной борьбы в 1903 г. и ее спад в связи с войной, но и в этом случае, число стачечников в 1904 г. по данным Хроники оказалось примерно таким же как в 1902 г., а не как в 1896 г., на что указывает фабричная инспекция (см. таблицу). По сведениям Хроники на три года до революции приходится 44% стачек и 47% стачечников от общего числа за десятилетие с 1895 г. по 1904 г.

Конечно, 1,5 млн. рабочих-участников стачечных и нестачечных форм борьбы за 10 лет до революции – это, в основном, участники производственных конфликтов, свойственные любому капиталистическому обществу. Подавляющее число участников протестного рабочего движения составляло 8–10% от общей численности рабочих в России и принадлежало к определенному («маргинальному») слою. Это были рабочие, в отличие от других, квалифицированных, с солидным стажем, которым было «что терять», не уверенные в завтрашнем дне из-за постоянно возникавших материальных трудностей. Их выступления привлекали в обществе достаточно большое число сочувствующих. Масса рабочих сама по себе в конце XIX – начале XX вв. слабо самоорганизовывалась, разделялась на разнородные группы и крайне нуждалась в объединяющих центрах.

Хроника приоткрывает завесу над социально-политической картиной общества. Второй раздел Хроники представляет общую картину связанных с рабочими партийных и рабочих организаций по всей стране, указывая место расположения партийных союзов, комитетов и групп, их численность, направление их организационной и агитационно-пропагандистской деятельности, их связи между собой, содержит обобщенные сведения о независимых легальных профессиональных рабочих организациях, испытывавших сильное влияние политических партий. В 1904 г. не только социал-демократы и эсеры, а уже 17 политических партий, включая и национальные, имели комитеты, группы и кружки в рабочей среде. За два года до революции существовало более 400 комитетов и групп, имевших в своей

структуре более 300 подчиненных им кружков и небольших групп примерно в 70 губерниях и областях страны. Будучи на нелегальном положении, они существовали более чем в 185 губернских, уездных и заштатных городах от Варшавы на западе до Владивостока на востоке, от Архангельска и Вологды на севере до Баку и Ташкента на юге. В разные годы 85–87% — это были организации социал-демократического направления, включая бундовские и национальные в Прибалтике и в Закавказье; 4–9% это были эсеровские организации, также действовавшие среди рабочих; остальные были незначительные в численном отношении.

Эти сведения легко состыкуются с данными третьего раздела Хроники — собранием аннотаций листовок, изданных партиями и рабочими организациями различных направлений. Их количество росло вместе с ростом партийных организаций и представляло следующую картину. Если за семь лет — с 1895–1902 гг. только к рабочим было обращено около 2 тыс. листовок, то за два предреволюционных года — 1903–1904. — более 2,5 тыс. Тираж листовок увеличивался от 2–3-х сотен экз. до 2–4 тыс. экз. каждая. Листовки свидетельствовали о настойчивом стремлении и нетерпении партийных лидеров доказать необходимость уничтожения существующего общественного строя и замену его идеально справедливой социальной организацией, подавляющее большинство листовок предлагало революционный метод борьбы. Листовки широко распространялись во время подъемов массовых выступлений, число которых нарастало, способствуя формированию коллективной идентичности рабочих, включая и «молчавших» во время открытых выступлений, в том числе — всех недовольных существующим строем.

Все десятилетие перед революцией 1905–1907 гг. и особенно канун ее были отмечены ростом «всеобщности» (от лат. *totalis* — «весь», «цельный», «всеобщий») массового протестного рабочего движения — групповых, коллективных, всеобщих профессиональных и городских стачек, которые дополнялись самостоятельными формами движения — сотнями массовых собраний и митингов, демонстрациям и манифестациями, которые выражали позиции распропагандированных слоев рабочего класса и общественные настроения. Из 432 демонстраций и манифестаций за 1901–1904 гг. 320 приходится на 1903–1904 гг. Масштабы этой «всеобщности» обеспечивали рабочему классу передовые позиции в освободительном движении, тем более, что в условиях идейного кризиса, неуверенности и материальных трудностей его протесты «увлекали», «вбирали в себя» и другие демократические слои общества.

Если считать политическими только стачки, обращенные к правительству, то в таких стачках участвовало по данным Хронике в 1903 г. лишь около 8,5 % от общего числа участников забастовок в стране; в 1904 г. — 9,4%. Накануне революции протестное движение рабочих «вел механизм» «стихийной организованности». Оно, даже если не содержало прямых политических лозунгов, было обращено против установившегося в стране порядка вещей. По данным Хроники, «всеобщность», коллективная идентичность быстро и прочно утверждалась именно в ходе забастовочного движения: в результате в 1895–1904 гг. примерно в 42–45% губерний состоялось не менее 852 коллективных стачек, притом более половины из них (442) приходится на 1903–1904 гг. По нарастающей шло количество всеобщих стачек. Самые крупные из них за десятилетие: 1895 г. — всеобщая стачка рабочих шерстоткацкого и суконных производств в Белостокском и Сокольском уездах Гродненской губ. (8 тыс. участников); 1896 г. — текстильщиков Петербурга (свыше 18 тыс. забастовщиков); 1897 г. — текстильщиков Иваново-Вознесенска (14 тыс. бастующих); 1898 г. — общепрофессиональная рабочих-ткачей в Белостокском у. Гродненской губ. (98 мелких заведений, 2 тыс. рабочих). Далее стачки становятся общегородскими: 1899 г. — в Варшаве (21 тыс. участников), в Либаве (6,5 тыс.), в Риге (свыше 10 тыс.). В 1900 г. произошла всеобщая городская политическая стачка в Харькове (10 тыс. участников), 1901 г. — одна за другой профессиональные стачки в Петербурге (в начале мая — текстильщиков (3 тыс.), затем — металлистов (10 тыс.), в конце месяца — текстильщиков и некоторых других профессий (4,5 тыс. участников)). В 1902 г. среди других коллективных стачек выделяются: выступление бондарей в Астрахани и Астраханском уезде (не менее 5,5 тыс.), а также две стачки на Юге России — Ростовская общегородская (6 тыс. участников) и всеобщая в регионе с центром тоже в Ростове-на-Дону (10 тыс. забастовщиков). 1903 г. — год всеобщих городских стачек на Юга России, когда на время была парализована жизнь десяти губернских и уездных городов,

таких как Баку, Одесса, Тифлис, Батум, Киев, Елизаветград, Екатеринослав, Керчь, Бердичев, Николаев (в общей сложности в них приняло участие более 100 тыс. забастовщиков); в сентябре того же года в Москве вспыхнула профессиональная стачка типографов (89 заведений, 6,5 тыс. забастовщиков). Несмотря на войну, в 1904 г. продолжились коллективные выступления и всеобщие стачки протеста рабочих: в августе профессиональная стачка в Варшаве охватила каменщиков (6 тыс.), а в декабре – нефтяников Бакинского района (27 тыс.), вторая волна которой поднялась в начале 1905 г.

Нарастание всеобщей городской стачки в Петербурге в начале января после начавшейся забастовки 13 тыс. рабочих Путиловского завода было логичным продолжением всеобщей формы протестного рабочего движения. 7 января 1905 г. в забастовочную борьбу в столице империи было вовлечено уже по разным источникам от 120 до 130 тыс. фабрично-заводских рабочих. Нужен был теперь лишь такой детонатор в столице империи, как «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., чтобы началась революция, в тревожном ожидании которой жило общество все последние годы.

1 Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. I. 1895 год. – М., 1992; Вып. II. 1896 год. СПб., 1993; Вып. III. 1897 год. СПб., 1995; Вып. IV. 1898 год. СПб., 1997; Вып. V. 1899 год. – М., 1998; Вып. VI. 1900 год. М., 1999; Вып. VII. 1901 год. СПб., 2000; Вып. VIII. 1902 год. М., 2002; Вып. IX. 1903 год. М., 2005 (в печати); Вып. X. 1904 год. М., 2005 (в производстве).

И.Т. Шамохин

ПРОЯВЛЕНИЯ КРИЗИСА В МЕСТНОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Одним из важных элементов системного кризиса Российской империи в начале XX в. был кризис устройства и механизма осуществления местного управления. Сама общая схема государственного управления, сложившаяся к началу XX в., была построена на децентрализации вертикали исполнительной власти. Каждое министерство проводило через свои губернские и уездные учреждения не всегда согласованную с другими министерствами политику. Иногда это выливалось в жесткую конкуренцию за властные полномочия и прерогативы на полях пересечения ведомственных интересов. Показательным был конфликт между местными структурами МВД и фабрично-заводскими инспекциями Министерства финансов, который, несмотря на законодательно оформленный компромисс, постоянно реанимировался при обострении рабочего вопроса. Не удалось ликвидировать трения между местными учреждениями различных ведомств и после создания в октябре 1905 г. постоянно действующего Совета министров.

К началу XX в. главной властной фигурой в местном управлении был губернатор. Во второй половине XIX века его власть была значительно усилена. Однако на практике губернаторы не всегда имели возможность и стремились воспользоваться этой властью. Во-первых, значительное число ведомственных нормативных актов, регламентировавших деятельность неподчиненных МВД учреждений, стесняли, а порой и сводили на нет властные полномочия “хозяев” губерний по многим вопросам их компетенции в отношении этих структур коронного управления.

Во-вторых, еще в 1870 г. губернаторы, отвечая на анкеты комиссии по подготовке изменений в системе местного управления, не настаивали на расширении своих контрольных полномочий в отношении местных учреждений других ведомств, кроме того, “многие из них готовы были отказаться от некоторых уже закрепленных юридических прав”¹. Они прекрасно понимали, что, не имея в губернском правлении достаточного числа компетентных специалистов, рискованно вмешиваться в дела специализированных учреждений финансового, почтово-телеграфного и других ведомств. Это могло привести к серьезным конфликтам, т.к. ни один министр не простит такому губернатору посягательств на устоявшуюся практику внутренней автономии. Данное обстоятельство было

психологическим барьером для решимости глав губернских администраций вмешаться в дела коронного учреждения, даже если становилось известно о существовании там серьезных нарушений. Поэтому, "хозяева" губерний довольствовались лишь контролем внешних сторон и конечных результатов деятельности этих учреждений.

Третьей причиной являлась отсутствие свободы в распоряжении финансовыми средствами. Казенные палаты строго отслеживали соответствие расходов всех коронных учреждений их сметам, а контрольные палаты имели право на финансовую ревизию всех структур государственного управления, в том числе и канцелярии губернатора. В случае нарушения финансовой дисциплины на чиновников налагались штрафы, а могли привлечь и к судебной ответственности. Это заставляло последних тщательно фиксировать расходы: кому и за что заплачено, при оплате командировочных расходов, даже губернаторов, тщательно выверялись маршрут и количество верст между населенными пунктами.²

Еще одной причиной того, что "губернатор вряд ли мог стать тем координатором деятельности местных учреждений, который бы обеспечивал единство управления", являлось отсутствие на местах, и в целом в государстве, строгой правовой дисциплины, неукоснительного исполнения духа и буквы закона.³

Реальная власть губернатора была сосредоточена в административно-полицейской сфере управления, но и здесь были ограничения. Входившие в структуру МВД губернские жандармские управления в своей оперативной деятельности работали в тесной связи с местными структурами общей полицией и губернаторами, но не находились в прямом подчинении последних.⁴

Таким образом, по меткому выражению современника, "вся власть местного управления разошлась по частям", а губернатор - "высший представитель государственной власти в местности ... превратился в старшего чиновника одного из министерств..."⁵

Неэффективность осуществления управленческой деятельности на уездном уровне была обусловлена другой особенностью государственного управления. В уездах не сложилось единоначалия, и в начале XX века вертикаль государственной власти на этом уровне приобретала вид нескольких параллельных, а подчас даже пунктирных, линий. Прямым продолжением власти губернатора в уезде был исправник - руководитель полицейской службы. Он обладал лишь некоторыми элементами исполнительной власти, т.к. входил на правах члена по своей должности в различные коллегиальные уездные органы. Например, как в конце XIX в., так и накануне Первой мировой войны корочанский уездный исправник Курской губернии состоял членом отделения тюремного комитета, училищного совета, присутствия по воинской повинности, присутствия по питейному делу (попечительства о народной трезвости) и возглавлял уездный распорядительный комитет.⁶

С дореформенных времен номинальным главой уезда считался предводитель дворянства. В отличие от исправника, предводитель дворянства в уездных структурах выступал исключительно в роли руководителя. Например, предводитель дворянства Корочанского уезда Курской губернии на рубеже XIX - XX вв. возглавлял уездный съезд, дворянскую опеку, отделение тюремного комитета, училищный совет, присутствие по воинской повинности, присутствие по питейным делам (попечительство о народной трезвости), землеустроительную комиссию, руководил земскими собраниями.⁷

В связи с оскудением дворянского хозяйства утрачивались основания и возможности этого корпоративного института на главенство в управлении уездом. Этим объясняют некоторые исследователи охлаждение интереса уездных предводителей дворянства к управленческой деятельности.⁸ Отмечаемое ими смещение властного лидерства от предводителя дворянства к уездному исправнику, как мы видим, не имело подтверждения в нормативном перераспределении властных полномочий. Во всех уездных учреждениях, где они одновременно присутствовали, исправник всегда находился в подчиненном положении. Тем не менее, заслуживают внимание два интересных, но не бесспорных, аргумента. Исправниками были отставные военные или опытные чиновники, которые, состоя на государственной службе, "не могли пренебрегать служебными обязанностями". Предводители, председательствуя в большом количестве уездных органов, многими руководили формально, а "с конца XIX века в журналах заседаний различных уездных присутствий Курской губернии вместо председательствующего в них по закону уездного

предводителя стали все чаще появляться подписи лиц его заменяющих".⁹

Сохранение и в начале XX в. предводителями своих позиций фактических управляющих уездами обусловлено не только должностным статусом, но и их личным авторитетом, добросовестным отношением к исполнению своих обязанностей. Ярким примером ревностного служения интересам сословия и государства можно считать Л.М.Савелова – предводителя дворянства Коротоякского уезда Воронежской губернии.¹⁰

Созданные в уездах земства быстро приобрели авторитет и стали претендовать на главную роль в управлении хозяйственной жизни. Поэтому, неудивительно, что многие уездные предводители и наиболее деятельные, при этом часто либерально настроенные, дворяне стремились занять руководящие места в уездных земских управах, обладавших определенными распорядительными и исполнительными функциями, подкрепленными значительной финансовой и материальной базой. В двадцатилетие рубежа XIX – XX веков постоянно в двух – трех из 15 уездов Курской губернии одно и то же лицо совмещало должности предводителя дворянства и председателя земской управы. Так, в 1892 г. такая ситуация наблюдалась в Дмитровском, Корочанском и Обоянском уездах, а в 1911 г. – в Белгородском и Грайворонском.¹¹

Таким образом, уезды в начале XX в. по соотношению реально реализуемых властных полномочий исправника, председателя земской управы и предводителя дворянства представляли собой довольно пеструю картину: от доминирования одного из представителей указанного триумвирата до жесткого противостояния каждого против каждого. Вертикаль государственной власти на уездном уровне не была замкнута из-за статуса исправника, как полицейского чиновника, недостатка у него необходимых властных полномочий, а также и из-за совершенно иной природы власти других претендентов – выборного сословного лидера и выборного руководителя всеобщего органа самоуправления. Такое положение дел увеличивало количество нерешенных проблем в управлении местным хозяйством, служило постоянным генератором конфликтных ситуаций.

Предпринимавшиеся в начале XX в. попытки реформирования местного управления не увенчались успехом. В итоге разрыв между устаревшей системой местного управления и новыми условиями развития страны после 1905 года, в совокупности с другими составляющими системного кризиса привели государственный строй Российской империи к краху в 1917 году.

1 Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 123-124.

2 Павлова Г.В. Воронежская губернская администрация (губернское правление и канцелярия губернатора) в 60-х гг. XIX – начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. С. 135.

3 Шумилов М.М. Указ. соч. С. 21.

4 Перегудова З.И. Политический сыск России (1880 – 1917 гг.). М., 2000. С. 112.

5 Страховский И.М. Губернское устройство (правительственные учреждения). СПб., 1913. С. 51.

6 Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. С. 127-132; Курский Адрес-календарь. 1911 год. Курск, 1911. С. 284-297.

7 Там же.

8 Зырянов П.И. Социальная структура местного управления. 1861 – 1914 гг. // Исторические записки. - Т. 107. М., 1982. С. 277; Иваненко А.О. Уездное управление в России второй половины XIX – начала XX века (на примере Курской губернии) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы междунар. науч.-практ. конференции. Белгород, 1998. С. 55.

9 Иваненко А.О. Указ. соч. - С. 55.

10 Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М., Белгород, 2002. С. 185-186; Савелов Л.М. Из воспоминаний. 1892 – 1903. Воронеж, 1996.

11 Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. - Курск, 1892; Курский Адрес-календарь. 1911 год. Курск, 1911.

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЙ Д.И. ШАХОВСКОГО

Анализ либеральных умонастроений общественных деятелей России рубежа XIX – XX века в контексте их общественно-политической и публицистической деятельности необходим для углубления исследований по проблемам общественного поиска приемлемых вариантов и методов модернизации страны. Одно из ключевых мест в истории русского либерализма принадлежало Д.И. Шаховскому, являвшимся признанным главой конституционного движения, членом и одним из лидеров кадетской партии.

Дмитрий Иванович Шаховской (1862 – 1939 гг.) принадлежал к родовой княжеской семье. По своему происхождению, семейной и общественной среде он естественным образом вошел в круг людей и идей, составлявших тонкий слой русских либералов. Среди его предков были такие "вольнодумцы", как М.М. Щербатов, П.Я. Чаадаев, декабрист Ф.П. Шаховской.¹ В период учебы сначала в Московском, а затем в Петербургском университете он участвовал в студенческих сходках, увлекался идеями Л.Н. Толстого, входил, вместе с В.И. Вернадским, С.Ф. Ольденбургом, А.А. Корниловым, в "ольденбургский кружок", занимавшийся, в том числе, популяризацией знаний среди народа.

В целом, студенческая пора Д.И. Шаховского (1880 - 1885 гг.) – это время либерально-народничества в русской общественной мысли: увлечение практическими делами, которые бы принесли пользу народу, отрицание революции, вера в культурный и общественный прогресс. В то время чтобы излечить страну от "внутренней порчи" либеральные народники призывали интеллигенцию воспринять "миросозерцание деревни" и идти на культурную работу в земство.

Водушевленный идеями подвизничества, после окончания университета князь отправился в Тверское земство, слившееся одним из либеральных в России. Здесь работали такие известные общественные деятели, как И.И. Петрункевич, Ф.И. Родичев, А.И. Бакунин, с которыми близко сошелся Д.И. Шаховской. Он стал заведующим народным образованием в Весьегонском уезде. По поручению тверского губернского земства занимался статистическими исследованиями, участвовал в различных изданиях по вопросам народного образования, распространял брошюры демократического содержания. В 1889 г. по семейным обстоятельствам Д.И. Шаховской переехал в Ярославскую губернию, где продолжил работу в земстве, став гласным сначала ярославского уездного, а с 1895 г. – губернского земства.

Воспоминания современников о деятельности князя в тверской и ярославский период, а также его письма к друзьям и публицистические выступления позволяют констатировать, что он видел в земстве, прежде всего, "путь к осуществлению двух самых дорогих начал в общественной жизни: свободы и народности". Этим объясняется критика Д.И. Шаховским, во-первых, узко-сословных помещичьих тенденций в деятельности земства; во-вторых, – отсутствие гласности в работе земских органов. Перспективы дальнейшего развития самоуправления в России он связывал с реализацией конституционных начал. В этой связи князь настаивал на активном участии: во-первых, в земской работе, а, во-вторых, в политической деятельности. По его мнению, следовало поддерживать и пропагандировать идею созыва Земского Собора, разделения властей и провозглашение "прав всякого гражданина не только политических, но и социальных".²

Положения, высказанные Д.И. Шаховским, нашли отклик как в либеральных, так и в социалистических кругах русской интеллигенции. В 90-е гг. XIX в. он становится одним из лидеров земского либерального движения, причем его крайне левого (радикального) крыла. Он много ездит по России, бывает за границей, стремится объединить разрозненные силы оппозиционно настроенных земских гласных и земских служащих с элементами умеренного леворадикального толка, работает в Вольном экономическом обществе, участвует в заседаниях популярного аристократического кружка "Беседа".

Исторический фон, на котором разворачивалась общественно-политическая деятельность Д.И. Шаховского на рубеже веков, составляли: успехи практической деятельности

земств в различных областях народной жизни; увеличение численности "третьего элемента" проникнутого демократическими тенденциями; усиление оппозиционных настроений в земской среде на почве нерешенного аграрного вопроса и правительственных ограничений. В это же время началось структурирование политических партий, шла выработка их программ и тактики.

В либеральных проектах переустройства России земство рассматривалось как самая подходящая опора для центрального представительного учреждения. Именно с развитием земского самоуправления либералы связывали перспективы трансформации традиционного сословного общества – в гражданское и авторитарной монархической власти – в правовое государство. Согласно их взглядам, выборы на общесословной основе земские институты теоретически позволяли преодолеть исторически сложившиеся сословные перегородки служилого государства и реализовать основной принцип гражданского общества – равенство граждан перед законом.

Либеральная доктрина, сформулированная еще в 70-е гг. XIX в., по сути своей не претерпела никаких изменений и к началу XX в. Однако в понимании того, кто призван осуществить конституционные преобразования, произошел серьезный поворот. Если поколение либералов эпохи Александра II верило в историческое призвание царской власти и с идеей о "реформах сверху" связывало свои проекты приближения русской политической системы к западной модели, то в дальнейшем, новое поколение носителей либеральной идеологии разочаровалось в реформаторской способности самодержавия. Следствием этого явилась радикализация либерального движения, к началу XX в. перешедшего в непримиримую оппозицию к монархии. Конституционалисты новой волны полагали, что интеллигенция сможет сама разрешить назревшие исторические задачи, которые не в состоянии решить существующий режим.

По свидетельству современников и последующих исследователей, пропасть между либеральной общественностью и государственной властью начала "разверзаться" после того, как 17 января 1894 г. была обнародована политическая программа Николая II, расценившего надежды общества на представительство как "бессмысленные мечтания".³ Работа Д.И. Шаховского, изданная нелегально в 1896 г., показала начало трансформации в мировоззрении либералов от поддержки монарха как возможного преобразователя к недоверию ему и к конфронтации со всей авторитарной системой.

Отправной точкой для автора стала пессимистическая оценка русской действительности. В исследовании акцент делался на бюрократическом произволе, отсутствии условий для развития общественной мысли и земского самоуправления. В такой обстановке, по мнению Д.И. Шаховского, хозяйственно-культурная работа земств теряла свой смысл и значение. Земские адреса, поданные в конце 1894 – 1895 гг. на имя Императора, которые, наряду с изъявлениями верноподданнических чувств, содержали проблемы общегосударственного характера, Шаховской оценивал как "выдающееся общественное явление" после долгих лет молчания и застоя. Это была "цельная программа, имеющая признание всех сознательных общественных сил", хотя и сформулированная "робко и неопределенно".⁴

Князь перечислял высказанные в земских посланиях пожелания (предоставить земским ходоатайством прямой доступ к царю; оградить земское самоуправление от вмешательства администрации; облегчить земскую просветительскую деятельность; обеспечить начала гласности), стараясь доказать, что "адреса остаются на почве существующего государственного строя и не касаются форм правления". Острые земской и общественной критики, по словам автора, направлялось на бюрократию, что давало возможность реализовать "программу" в рамках существующего строя.⁵

Однако такая интерпретация исследователем земских пожеланий противоречила его видению будущего политического устройства России. В работе он представал как сторонник парламентаризма. Очевидно, что Д.И. Шаховской отвергал монархию как принцип, но, теоретически осуждаемая, она допускалась им в практическом применении в качестве средства совершения либеральных реформ, подготавливавших ее же упразднение.

Поскольку земские адреса не раскрывали всех пунктов либеральной программы, Д.И. Шаховской предлагал осуществить следующие радикальные мероприятия: созвать

Земский Собор; повысить роль Государственного Совета, включив в него выборных представителей от земств; демократизировать Земское положение; создать мелкую земскую единицу; разрешить земские съезды; распространить земское самоуправление на все части империи. К этому князь добавлял требования свободы слова, совести, печати, вероисповеданий и уравнивание всех граждан в правах перед законом.⁶

Предложенная либералами политическая программа преобразования страны была отвергнута властью. Это привело носителей либеральной идеологии в стан сторонников и организаторов революции 1905 г. Работа Д.И. Шаховского по земской тематике стала одной из первых, где ведущую роль играл политический аспект, подчинивший взгляды автора целям политической борьбы и отодвинувший практические вопросы деятельности земства на задний план.

1 Шаховской Д.И. Автобиография. М., [1917]; Политические деятели России. 1917: Биографический словарь // Гл. ред. П.В. Волобуев. М., 1993. С. 358 – 359.

2 Шаховской Д. И. Письма о братстве // Публикация Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорокиной // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М., СПб., 1992. С. 217 – 221; Русские ведомости. Сборник статей. М., 1913. С. 196 – 197; Родичев Ф.И. Воспоминания // Современные записки. Париж, 1933. Т. 53. С. 60 – 62.

3 Белокопский И.П. Земское движение. Земство и конституция. М., 1910. С. 42; Леснович В. В. История либерализма в России. М., 1995. С. 338 – 339.

4 С. Мирный (Шаховской Д.И.) Адресы земств 1894 – 1895 гг. и их политическая программа. Женева, 1896. С. 1-2.

5 С. Мирный. Указ. соч. С. 5., 8-9.

6 Там же. С. 23-24.

В.С. Волков

МОРАЛЬНЫЕ МОТИВЫ УЧАСТИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Студенческое антиправительственное движение на рубеже XIX и XX веков было важным явлением российской действительности. Оно сливалось с революционными выступлениями рабочего класса и других слоев населения. Во второй половине 1890-х годов наблюдались рост общественной активности студентов, обострение их реакции на события, происходившие в стране. Студенчество университетов публично выразило возмущение открытием в Варшаве памятника генералу М.Н. Муравьеву ("Вешателю"), потопившему в крови восстание поляков в 1863-1864 гг. В феврале 1899 г. крупные волнения студентов произошли в знак протеста против избития полицией участников студенческой сходки в Петербургском университете. В 1899 г. правительство для устрашения юных вольнодумцев приняло "Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанников высших учебных заведений", согласно которым, участников "студенческих беспорядков" стали отдавать в солдаты. Возникли студенческие организации, координирующие антиправительственные акции молодежи. В 1902 и 1903 годах проводились всероссийские студенческие съезды. Студенты требовали политических свобод и автономии для университетов. Они заявляли о своей поддержке рабочего и крестьянского движения. Студенты вступали в организации РСДРП и партии социалистов революционеров. Из их среды шло пополнение в Боевую организацию эсеров, осуществляющую террористические акты. Студент П. Карпович 24 марта 1901 г. смертельно ранил министра просвещения Н.П. Боголепова, 2 апреля 1902 г. студент Петербургского университета С. Балмашев застрелил министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Все это свидетельствует о росте масштабов студенческого движения и его радикализме.

Участие студентов давно стало предметом научных исследований. Этой проблеме посвящено немало книг, брошюр и статей. В них рассматриваются объективные и субъективные факторы студенческого антиправительственного движения, характеризуются формы, методы и результаты борьбы студентов за изменение политического строя России, взаимодействие студенческого движения с другими силами. В данном сообщении

предпринята попытка раскрыть моральные мотивы участия студенчества в политической антиправительственной борьбе и роль общественного мнения в формировании у студентов установки на такую борьбу.

К 1890-м годам в студенческой среде сложилась прочная традиция политического самоопределения. За исключением небольшой группы "академистов" большинство студентов считало обязательным иметь свою собственную политическую позицию. Они колебались от монархических до радикально революционных.

В стан борцов против правительства или хотя бы в ряды оппозиции в отношении его студентов приводило воздействие той социальной среды, из недр которой они вышли. Несомненно, что выходы из угнетенных, ограниченных в правах групп населения чаще становились левыми радикалами, выступавшими за политические права и социальное равенство, хотя, разумеется, прямой связи социального происхождения и политических позиций не было. Как и в предшествующие годы, на политическое самоопределение учащейся молодежи оказывала большое влияние идея долга интеллигенции перед народом. Сочувствие "униженным и оскорбленным" толкало молодых людей на борьбу с существующим строем, хотя лично многим из них он мог гарантировать и определенные привилегии. Но совесть, обостренное чувство справедливости побуждали их переступить через сословный эгоизм. Среди факторов, влиявших на выбор молодым человеком политической позиции, огромную роль играло мнение той среды, в которую он входил, переступив порог высшего учебного заведения.

Об огромной роли общественного мнения, порой приобретающего деспотический характер, свидетельствуют многочисленные источники, отразившие идейные и нравственные искания молодежи, в том числе публикации тех лет, воспоминания современников, прежде всего тех, кто сам обучался в изучаемый период в вузах. На роль общественного мнения, порой приобретающего деспотический характер, обращали внимание многие мыслители, деятели литературы. Так, писатель Е.Н. Чириков, в юности обучавшийся в Казанском университете (между прочим, организатор сходки в 1887 г., в которой принимал участие студент-первокурсник В. Ульянов), уже после революции 1917 г., разочаровавшись в ней, задавался вопросом: "Мне хочется найти причину и оправдание нашей прекрасной молодежи, которая горя искренней любовью к народу, полная жажды самопожертвования во имя этой благородной любви, летела на огонь революции, как бабочка летит на огонь. Без соответствующих знаний, без опыта жизни, с единой верою в благородные освободительные идеи, она отдавала все, что имела: свое пылающее сердце!" Отвечая на мучивший его вопрос, Чириков дает соответствующее действительности объяснение: "Основной причиной было, конечно, наследие оставленное "отцами". А таким наследством был отчаянный радикализм и социальная мечтательность, расцветшая пышным цветом социальных утопий. И вот на эту наследственную почву обрушивается революционная пропаганда, многоликая, вездесущая, не встречающая никакого разумного отпора, борьбы с нею, кроме репрессий постфактум!

Работали революционеры, но им сильно помогали власти расширить поле своей деятельности... С клеймом политического преступника и арестанта власть накладывала еще и ореол героизма и мученичества в глазах тех, кто стоял в стороне, а ведь какому молодому человеку не хочется сделаться героем?"¹ Об этом же, правда, осуждая деспотичный характер общественного мнения, говорил и популярный в начале века Д.С. Мережковский. В своем сочинении "Революция и религия" он писал, что в России "образовалось политическое подвижничество, своего рода монашеский орден для борьбы с самодержавием. В науке, искусстве, философии, религии, отмечалось все, что не соответствовало прямым целям этой борьбы, всякая попытка отойти от нее осуждалась, как измена или предательство".² О том, насколько властно действовало преобладающее общественное мнение, можно судить, например, по фактам из истории Петербургского университета. В нем на сходке при открытом голосовании по вопросу, объявлять ли забастовку, большинство проголосовало "за", но при тайном голосовании записками большинство голосов было подано против забастовки, т.е. при открытом голосовании благоразумные, нерешительные, робкие испугались осуждения радикалов.

В такой атмосфере, молодежь, оканчивающая гимназии и реальные училища и намере-

вавшаяся продолжить обучение в университетах и институтах, на основе выступлений либеральной печати и радикальных изданий, по рассказам студентов-родственников или знакомых уже настраивалась на предстоящий политический выбор, обрекая себя на неминуемое участие в антиправительственной борьбе. Об этом красноречиво свидетельствуют воспоминания многих людей, начало студенческих лет которых приходилось на конец XIX — начало XX века. Например, литератор, издатель А.Н. Тихонов (Серебров), сподвижник А.М. Горького, так рассказывал о своих настроениях при поступлении в Петербургский технологический институт: "Пребывание в институте представлялось мне в таком приблизительно виде: утром — неукоснительное посещение лекций, где знаменитые ученые будут знакомить меня с тайнами высшей математики и физики; после посещения лекций — скромный обед в институтской столовой, о которой я знал по рассказам Лескова, будто там, в потайных комнатах собираются подпольные кружки, на стенах висят прокламации и куда никакое начальство не смеет совать своего носа; по вечерам — земляческие собрания и рефераты по политической экономии или, на худой конец, коллективная работа в чертежных с пением запрещенных песен".³ Примерно так же описывает механизм формирования морально-психологических установок у молодежи и обучающийся в 1891-1900 годах в казанском реальном училище, а затем студент, активный социал-демократ В.Н. Залужский. Он вспоминал в 1922 г., как он и другие реалисты преисполнились жгучим интересом к студенческому движению, когда услышали рассказы о волнениях в университетах, услышали песню "Нагаечка". "С этого дня, — писал он, — мы всей душой были со студенческим движением. Жадно ловили все слухи и сведения о ходе забастовок, зачитывались воззваниями и прокламациями. "Совет объединенных землячеств" (так, кажется, называлось студенческая центральная организация Казани) вызывал в нас, я бы сказал теперь, какое-то мистическое отношение к нему".⁴

Впечатлительность молодежи, ее восприимчивость к благородным идеям свободы, прав личности, сострадания широко использовали в своей деятельности политические кружки, революционные газеты, а затем и партии. Листовками, со страниц газет, особенно нелегальных ("Искра", "Революционная Россия", которые самим фактом своей бесцензурности и потаенности вызвали доверие у студентов) молодежи целенаправленно внушали мысль о ее долге бороться с произволом властей, утверждать высокие нравственные нормы в жизни общества.

Формируясь у студенческой молодежи представление о революционном долге, о кодексе революционной чести делало ее восприимчивой к программам политических партий, вовлекавших учащихся в антиправительственное движение. Об этом свидетельствуют не только сами бывшие студенты тех лет, но и многие думающие люди, наблюдавшие студенчество со стороны. Так, известный религиозный мыслитель и гуманист С.Н. Булгаков так объяснял логику поступков молодого человека, ступившего на путь борьбы с властью: "Превращение русского юноши или вчерашнего обывателя в тип героический по внутренней работе, требующейся для этого, есть несложный, большей частью кратковременный процесс усвоения некоторых догматов религии человекобожества и квазинаучной "программы" какой-либо партии и затем соответствующая перемена собственного самочувствия, после которой сами собой вырастают героические кутурны. В дальнейшем развитии страдания, озлобление вследствие жестокости властей, тяжкие жертвы, потери, довершают выработку этого типа, которому тогда может быть свойственно что угодно, только уже не сомнения в своей миссии".⁵ Именно таким путем шло становление личности многих студентов. Характерно, что в их воспоминаниях повторяются рассказы о первом "политическом крещении". Как правило, это какая-либо антиправительственная акция (участие в сходке, демонстрации, митинге, за которым следовал арест, а нередко и длительное тюремное заключение), в которой студент проявлял свою революционность или оппозиционность, поднимался на какую-то высокую нравственную ступень, которая определяла его последующую жизнь, нередко в течение многих лет.

Представление о революционном долге и производных от него норм морали (революционная честь, товарищество, ответственность и т.п.) регулировали взаимоотношения среди студенческой молодежи, ставшей на путь антиправительственной борьбы. Молодой революционер считал нормальным давать своим товарищам поручения, порой опасные, а тот,

кому он их давал, не ставил под сомнение его право на это, так же, как свои обязанности выполнить поручение. Иллюстрацией данного утверждения может служить рассказ видного советского педагога А.П. Пинкевича о том, как он включился в революционную деятельность, будучи студентом Казанского университета. Альберт Петрович вспоминал, как в 1904 году один студент, назвавшийся членом социал-демократического комитета, после неоднократных бесед, имевших цель выяснить политические взгляды Пинкевича, поручил ему хранить нелегальную литературу в шкафу, который выделил ему профессор для геологических образцов, собранных в экспедиции. "Сознаюсь, - вспоминал Пинкевич, - было немного жутко, немного совестно моего старого и любимого профессора, крупного геолога и честнейшего человека, все-таки приходилось обманывать его и даже "подводить". Но ... я был счастлив, горд, что мне "организация" доверяет, что она меня избрала, несмотря на мой экономический "материализм". Я, как и все, был большим идеалистом, до известной степени поклонником Лаврова, и идея "долга", вины перед народом - была сильна во всех нас, и я не отказался".⁶ Таким же образом он воспринял задание вести политические занятия в рабочем кружке. Когда Альберт Петрович пытался объяснить, что он не готов, не опытен, ему было заявлено: "Комитет требует, если вы сейчас не пойдете, вы никогда не соберетесь".⁷ И Пинкевич согласился. С выполнением этих поручений началось вхождение Пинкевича в нелегальную, а затем публичную революционную деятельность.

Моральными мотивами студенты объясняли свое участие в антиправительственном движении. В своих обращениях и воззваниях к обществу студенческие организации широко оперировали нравственными категориями. Например, 30 ноября 1894 г. была арестована группа студентов Московского университета за демонстрацию перед началом лекции известного историка профессора В.О. Ключевского. Поводом неприятной для профессора демонстрации стала его верноподданнейшая речь, в которой он восхвалял скончавшегося императора Александра III. В изданную брошюрой речь студенты вклеили текст басни Д. Фонвизина "Лисица-Кознодей" со словами "О лесья подлейшая...", преподнесли Ключевскому и осыпали его. Когда студенты Варшавского университета были исключены за публичный протест против верноподданнического адреса профессоров, приветствовавших открытие в конце 1897 г. в Варшаве памятника М.Н. Муравьеву ("Вешателю"), сходка студентов Петербургского университета послала им приветствие, в котором говорилось: "Честь и слава тем студентам Варшавского университета, которые выразили свое негодование по поводу позорного образа действия своих профессоров".⁸ Кстати, в своем приветствии они указали не только на подавление М.Н. Муравьевым восстания поляков в 1863 г., но и на его ренегатство в 1825-1826 г., когда он, в прошлом активный член "Союза благоденствия" (одной из организаций будущих декабристов), отрекся от своего недавнего прошлого и был участником суда над декабристами, за что удостоился назначения губернатором.

Таким образом, моральная составляющая была очень велика среди причин участия студентов в антиправительственном революционном движении, что было одним из его существенных отличий от рабоче-крестьянского движения, в основе которого лежал социальный протест его участников против невыносимых условий жизни, созданных буржуазно-помещичьим строем России.

1 Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества: Отрывки из воспоминаний // Лица: Биографический альманах. - М.: СПб., 2000 - С. 303.

2 Мережковский Д.С. Павел 1. Александр 1. Большая Россия. - М., 1898. - С. 687

3 Тихонов А.Н. Время и люди. Воспоминания. 1898-1905. - М., 1960 - С. 49

4 Пути революции. - Казань, 1922... - № 2. - С.24. Студенческая песня "Нагаечка" была реакцией на избитие полицейскими студентов Петербургского университета 8 февраля 1899 года. В ней повторялся припев: "Нагаечка, нагаечка моя, вспомни, как гуляла ты восьмого февраля".

5 Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. - М. 1990. - С. 45

6 Уральский рабочий. - Екатеринбург, 1921. - 7 января.

7 Там же

8 Цит. по: Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895-1904. - М., 1976. - С. 133

ЛИБЕРАЛЬНАЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ДОНА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Донская интеллигенция являлась неотъемлемой частью интеллигенции российской, с общим для либеральной и социалистической интеллигенции неприятием существующего строя и лозунгом "Освобождение", отраженным в названиях их первых организаций.

В Области Войска Донского радикально настроенная интеллигенция и учащая молодежь была питательной средой для всех оппозиционных политических структур. Большинство молодых людей ещё с гимназической скамьи вступало в революционные кружки, в которых они активно изучали нелегальную литературу и постепенно привлекались к партийной работе. Успешной работе Донского комитета РСДРП способствовала популярность в молодежной среде социал-демократической идеологии.

Большая часть политически активной донской интеллигенции обладала экономической независимостью, что значительно ослабляло возмможность правительственного контроля над ней. Определенное значение имело и то, что подавляющее большинство руководителей донских социал-демократов принадлежали к интеллигенции, и им не составляло особого труда получить поддержку у оппозиционно настроенных представителей своего социального круга. Особенно большую роль этот фактор сыграл накануне и в течение первого этапа революции 1905-1907 года, когда в интеллигентской среде были особенно сильны радикальные настроения. Российские либералы рассматривали социал-демократию, как самую крупную политическую силу, конфронтация с которой была чревата политической смертью. На Дону либералы были настроены еще более радикально. Органы политической полиции отмечали, что по характеру своих политических взглядов руководители кадетов были скорее революционерами, чем конституционалистами. (ГАРО. Ф.829. Оп.1. Д.67. Л.4 об.) Это делало кадетов в глазах социал-демократов хоть и временным, но ценным политическим союзником.

И все-таки, несмотря на своё, как правило, интеллигентское происхождение, социал-демократы относились к либералам с плохо скрываемым недоверием и подозрительностью. При этом, исходя из прагматических соображений, они не отказывались принимать помощь и финансовые средства.

До того, как завершился процесс организационного и идеологического оформления различных политических партий, Донской комитет РСДРП был единственной на территории Области Войска Донского революционной организацией с четко разработанной структурой, программой, уставом и тактикой. Это привлекало в его ряды большое число радикально настроенных интеллигентов, стремившихся к активной политической деятельности, хотя и не разделявших социал-демократической идеологии.

Одной из первых организационных структур, вокруг которой стали группироваться оппозиционно настроенные по отношению к правительству донские интеллигенты, была издаваемая Николаем Елпидифоровичем Парамоновым либеральная газета "Донская речь" и финансировавшееся им одноименное издательство.

"Донская речь" была известной и авторитетной в Области Войска Донского газетой, рассчитанной на самую широкую читательскую аудиторию. Властям Области Войска Донского были хорошо известны оппозиционные настроения руководителей газеты и издательства "Донская речь": Н. Е. Парамонова, М.И. Берберова и И.Когана. Однако первоначально полицейские органы не обращали серьезного внимания на связи "Донской речи" с Донским комитетом РСДРП. Лишь в конце 1903 года был установлен круг членов редакции "Донской речи", которые занимались нелегальной революционной деятельностью. Наиболее систематические контакты с Донским комитетом поддерживал лично Н. Е. Парамонов. Он регулярно жертвовал крупные денежные суммы для освобождения под залог арестованных полицией членов Донского комитета РСДРП. Помимо издательства "Донская речь", Парамонов финансировал работу тайных социал-демократических типографий, печатавших революционную литературу, и оплачивал из своих личных средств её доставку из-за границы. С разрешения Парамонова довольно

часто проходили бесплатные раздачи литературы оппозиционного содержания, печатавшейся в его издательстве. (ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 28. Л.11).

Во время забастовки главных мастерских Владикавказской железной дороги, в ноябре 1902 г., Н.Е. Парамонов оказал существенную финансовую поддержку её участникам (ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 28. Л.11). Согласно сведениям Донского Охранного Отделения, Н. Е. Парамонов принимал активное участие в антиправительственных выступлениях на состоявшемся 5 (18) декабря 1904 года банкете. Кроме того, он лично пригласил для участия в нём представителей от Донского комитета РСДРП (ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 28. Л. 11 об.)

Политические взгляды Н. Е. Парамонова и оппозиционный характер принадлежавших ему газеты и книжного издательства полностью соответствовали тактике Донского комитета, рассчитанной на сочетание легальных и нелегальных методов борьбы.

Основываясь на данных Донского Охранного Отделения можно определить круг членов Донского комитета РСДРП, имевших непосредственное отношение к деятельности газеты и издательства "Донская речь". В их числе были: А. Локерман, Я. Драбкин (С. И. Гусев), С. Балабанов, В. Плесков, А. Скрынников, М. Вейцман, Я. Житомирский, А. Касперович, И. Козин, А. Лиманов, Н. Николаевич Розанов и Л. С. Федорченко (Там же, Л. 13.).

Деятельность издательства и газеты "Донская речь" и особенно их сотрудников социал-демократов значительно активизировалась в 1904-1905 году. Это было связано с общим ростом оппозиционных настроений в связи с поражениями армии в ходе русско-японской войны и неспособностью правительства справиться с экономическим кризисом. В Области Войска Донского недовольство усиливало участие казачьих частей в подавлении революционных выступлений.

Новый этап в истории сотрудничества "Донской речи" и Донского комитета РСДРП начался после объявления манифеста 17 октября 1905 года.

Основную задачу редакция "Донской речи" видела в том, чтобы содействовать процессу формирования и размежевания партий и продолжать дискредитацию "отжившего, но ещё активного режима". Несмотря на существование в РСДРП конкурирующих фракций, на практике работы редакции газеты "Донская речь" это не отразилось. На её страницах по-прежнему продолжали публиковаться материалы сотрудников, принадлежавших к обеим фракциям РСДРП, а после образования Совета рабочих депутатов Ростова и Нахичевани-на-Дону газета "Донская речь" практически в каждом своем номере публиковала принятые на его собраниях резолюции и регулярно информировала своих читателей о его деятельности. Газета публиковала статьи, отражавшие позицию РСДРП по значимым вопросам рабочего движения и революционной борьбы.

И все-таки "Манифест 17 октября" стал серьезной проверкой на прочность оппозиционного лагеря. Поводом к прекращению сотрудничества "Донской речи" с Донским комитетом стала публикация в "Донской речи" статей Булатовича с критикой тактики РСДРП. Социал-демократам указывали на существовавшую в РСДРП опасную тенденцию, которая, развиваясь, реально могла привести к перерождению партии в организацию тоталитарного типа. Этот процесс мог нанести серьезный вред всему революционному движению.

Причины же разрыва между редакцией газеты «Донская речь» и Донским комитетом были значительно глубже. В РСДРП, несмотря на то, что подавляющее большинство видных представителей обеих её фракций принадлежали к интеллигенции, отношение к ней оставалось настороженно-враждебным. Факты активной революционной борьбы интеллигентов, не принадлежавших к социал-демократической партии, считались частными случаями, не влияющими на общий оппортунистический характер интеллигенции.

Окончательную точку в этом вопросе поставили аресты видных деятелей Донского комитета РСДРП и закрытие 16 декабря 1905 года по приказу Ростовского генерал-губернатора редакции газеты "Донская речь". Пришедшие им на смену партийные работники, только вступавшие в РСДРП или направленные из других районов, не имели в отличие от ветеранов Донского комитета РСДРП наработанных связей среди либеральной интеллигенции, а условия конспиративной работы не давали возможности быстро установить подобные связи и регулярно их поддерживать. К тому же "последователи "Донской речи" ("Донская жизнь", "Ростовский вестник"), несмотря на свои оппозиционные настрое-

ния, были далеки от радикализма своих предшественников.

Одним из последних членов Донского комитета РСДРП, который совмещал нелегальную революционную деятельность с легальной работой в редакции газеты "Донская речь", был Н.Н. Розанов. Пользуясь своим положением сотрудника редакции газеты, он поддерживал связи с представителями практически всех действовавших в Ростове и Нахичевани-на-Дону оппозиционных и революционных организаций. Через Розанова известные представители либеральных кругов сделали взнос в кассу Донского комитета РСДРП в размере 4000 рублей (ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 28. Л. 16). Кроме того, во время одного из обысков в издательстве "Донская речь" был обнаружен целый склад нелегальной социал-демократической литературы, печати Донского комитета РСДРП, а также незаполненные бланки паспортов (Там же. Л. 4-об).

Позже возобновлению сотрудничества препятствовал изменившийся характер политических взглядов либеральной интеллигенции. Либералы осознали, что их достаточно умеренная программа несовместима с радикальной программой РСДРП, к тому же ослабленный арестами и постоянными перемещениями видных партийных работников Донской комитет и другие местные организации РСДРП перестали быть настолько ценным политическим союзником, чтобы терпеть крайности их программы и тактики. С другой стороны донские кадеты стали популярны, они имели большие ресурсы и чувствовали себя достаточно сильными, чтобы проводить собственную политическую линию.

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы. Сам факт сотрудничества социал-демократов с либералами не означал для них прекращения идейной полемики. В целом тактика донских социал-демократов (обеих фракций) по отношению к либералам постепенно лишала их возможных союзников. Прекращению сотрудничества донских социал-демократов с либералами способствовал как общий спад революционных настроений среди интеллигенции, так и нежелание социалистов, а затем и либералов идти на компромиссы.

Е.Г. Вапилин

КОМИССИЯ СЕНАТОРА Н.П. ГАРИНА В БОРЬБЕ С ФИНАНСОВЫМИ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯМИ В СНАБЖЕНИИ РУССКОЙ АРМИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Традиционно бюджет Российской империи был отягощён высокими военными расходами. По разным методикам подсчёта, в 1897 г. доля военных расходов России в государственном бюджете составляла от 24,3 до 34,9%.¹ Содержание армии тяжёлым бременем лежало на нищем населении России. Но и эта жертва оказалась напрасной. В ходе войны с Японией 1904-1905 гг. русская армия и флот потерпели тяжёлые поражения, уступив армии противника по ряду важнейших боевых параметров: уровню обученности личного состава, технической оснащённости и др. Хотя военные ассигнования России в абсолютном и относительном выражении примерно соответствовали расходам вероятных противников, тем не менее, военные специалисты настаивали на новых, еще более крупных финансовых вливаниях в оборону страны, заявляя, что недостаточное финансирование не позволит создать армию, отвечающую требованиям эпохи "машинных пушек".

В Российском обществе отсутствовало единство взглядов на причины хронического дефицита средств на оборону. В отличие от военного ведомства, Министерство финансов и оппозиционные самодержавию силы переводили дискуссию по проблемам финансирования армии из количественной в качественную и организационную плоскости. Деятели оппозиции, в частности, утверждали, что нигде в Европе расходы на усиление боеготовности вооружённых сил не были так непроизводительны и бесплодны, как в России². Точка зрения оппозиции во многом объяснялась логикой политической борьбы. Однако критики самодержавия вполне справедливо отмечали, что немало средств государственного бюджета и других источников финансирования армии попросту разворовывалось, либо

тратилось крайне нерационально из-за сговора внутри военной иерархии, а также чиновников военного ведомства с поставщиками предметов боевого и материального обеспечения армии. В результате этого сговора государственные средства перетекали в карманы взяточников-военных и предпринимателей, незаслуженно получавших завышенные прибыли.

После русско-японской войны в печати появились статьи, обличавшие хищения в интендантстве уже не в виде общих нареканий, а с указанием имён и фактов. Ситуация в интендантском ведомстве стала притчей во языцех. Даже форму одежды интендантов - с красным воротником и серебряным прибором с чёрным кантом вокруг воротника и погон, - в народе называли "воровской". Поскольку в большинстве случаев доказательная база газетных материалов была слабой, то военное министерство, спасая честь мундира, потренировалось на опороченных в печати офицеров, чтобы они обращались в суд с жалобами на клевету. Однако все понимали, что основания для беспокойства есть. Состав интендантства был самый отчаянный. Люди способные шли в интендантскую службу лишь в виде исключения и тогда уже не упускали случая, чтобы вознаградить себя за бесчестье, сопряжённое с их службой. И чем способнее они были, тем более ловко умели обставлять свою деятельность законными масками³.

Выяснение истинного положения дел в системе снабжения военного ведомства оказалось малоэффективным. Поэтому верховная власть признала необходимым прибегнуть к чрезвычайной мере: производству сенаторской ревизии, которая была поручена сенатору Н.П. Гарину, наделённому самыми обширными полномочиями. Высочайшим повелением от 29 августа 1908 г., подтверждённым 20 мая 1909 г. и 27 декабря 1909 г., группе ревизоров, находившихся в распоряжении сенатора Гарина, были предоставлены права на обыски, выемки, допросы свидетелей под присягой. Перед ними были равны все: как военные, так и гражданские лица. Ревизии был обеспечен доступ к делопроизводству государственных и частных организаций, банков. Она получила право требовать предоставления от всех организаций, учреждений и частных лиц любых необходимых справок и объяснений, в том числе по вопросам соответствия личных доходов граждан расходам и накоплениям⁴.

Приступая к ревизии, Н.П. Гарин обратился к военному министру А.Ф. Редигеру за указаниями. В беседе с Гариним глава военного ведомства выразил готовность оказать сенатору всяческую поддержку и обещал, что будет настаивать на наказании казнокрадов, невзирая на лица⁵. А.Ф. Редигер сдержал своё слово, но и он был не всемогущ.

Ревизия была завершена к 1 июля 1910 г. К этому времени все собранные материалы по интендантскому ведомству были обработаны и переданы с соответствующими предложениями в военные органы. Результаты работы комиссии оказались противоречивыми. Часть казнокрадов в погоне попала на скамью подсудимых, но судебный процесс едва не забуксовал. Фирмы, пострадавшие от вымогательства взяточников, в ряде случаев предпочли заявить об отсутствии претензий к дельцам из военного ведомства, побоявшись испортить отношения с влиятельными военными кругами и потерять выгодные заказы. Кроме того, не желая запятнать деловую репутацию, предприниматели, проходившие в качестве свидетелей, постарались уклониться от явки в суд. Поэтому полного торжества справедливости не получились.

По указанию императора, документы о преступлениях в других ведомствах, выявленных в ходе следствия по Интендантству, были оставлены для дальнейшей разработки⁶.

Значительная часть этих документов касалась отношений австрийского сталелитейного завода "Братия Бёлер" с должностными лицами Главного артиллерийского управления (ГАУ), Министерства путей сообщения, Морского и Горного ведомств, которые выполняли заказы военного ведомства. Из записок, выявленных ревизией, выяснилось, что эта фирма создала разветвлённую систему лоббистов своих интересов на заводах и в конторах государственных учреждений. В поисках рынка сбыта агенты фирмы объезжали всю Россию, попутно составляя письменные отчёты, содержавшие характеристику тех учреждений, где они пытались сбыть свой товар, а также описания того, какими путями они склонили служащих на сторону фирмы. В найденных в ходе ревизии финансовых отчётах фирмы пестрели записи: "угощение за сообщение нужных сведений", "за сообщение нужных сведений" и т.п. Из документов вытекало, что агенты фирмы, бывало, писарям из Главного

артиллерийского управления за нужные справки платили одновременно до 4 тыс. руб. Получив с помощью взятки необходимую коммерческую информацию о лицах, от которых зависел исход коммерческих предприятий, сотрудники фирмы начинали затем атаку на заказчиков. Фирма вступала в контакт с этими лицами, обещая платить проценты с суммы подряда или с каждой принятой вещи. Следовательно, в частности, установили, что посредникам из Главного артиллерийского управления выплачивались комиссионные до 10% от суммы заказа, достигавшие для отдельных лиц 100 тыс. рублей⁷. Когда наступали торги, то фирме "Братья Бёлер" были известны и цены конкурентов, и другие необходимые подробности для победы в конкурсе. Мастера, проводившие предварительные испытания качества продукции фирмы, также были подкуплены. В результате итоги конкурсов были предreshены.

Одна из изюминок бизнеса завода "Братья Бёлер" была связана с тем, что с 1904 г. по ходатайству Горного департамента эта фирма официально являлась представителем казённого Златоустовского завода, которому обещала оказать содействие в освоении передовых технологий производства качественных сталей. Однако Златоустовский завод оказался только "крышей" криминального по своей сути бизнеса. Прикрываясь официальным статусом, западные предприниматели, под видом Златоустовской, поставляли на казённый рынок России, гарантировавший 5,50 руб. за пуд металла, штирийскую сталь из Австрии, обходившейся, с учётом пошлины - в 3,5 руб. Зная о махинациях фирмы, служащие Златоустовского завода молчали, поскольку были подкуплены.

Ущерб, нанесённый государству махинаторами, исчислялся крупными суммами. В материалах следствия приводились данные, согласно которым фирма "Братья Бёлер" получила в качестве оплаты за шрапнели, поставленные в 1905 г., 12 млн. руб. Однако аналогичный заказ для японской армии оценивался в 6 млн. руб. и был выполнен с более высоким качеством! Из сэкономленных в России средств 5 млн. пошли в доход фирме, а 1 млн. на взятки чиновникам Главного артиллерийского управления⁸. Офицеры, принимавшие заказ за границей, по информации сенаторской ревизии, буквально купались в деньгах, разбрасывая их направо и налево.

Комиссия сенатора Н.П. Гарина провела тщательную проверку счетов генералов и офицеров ГАУ. Всего было изучено финансовое состояние 72 военнослужащих⁹. Поиск банковских счетов осуществлялся в масштабе всей России. И хотя некоторые счета так и не были найдены, но подозрения во взяточничестве в стенах ГАУ подтвердились новыми доказательствами, на этот раз - в виде денежных вкладов, законность происхождения которых из-за несоответствия расходов и доходов военных чиновников вызывала явные подозрения.

По итогам очередного, "артиллерийского", этапа расследования злоупотреблений в сфере военной экономики последовали новые судебные процессы. Однако польза от деятельности ревизии не ограничивалась наказанием виновных. Немаловажно, что в ведомствах боевого и материального снабжения войск были выявлены вполне честные лица, которые могли составить нравственное ядро очищенных от мздоимцев учреждений. Кроме того, скрупулёзная работа сотрудников Н.П. Гарина способствовала созданию важных обобщающих материалов, что могли быть использованы в организации защиты государственных интересов, в том числе и от недобросовестных иностранных конкурентов российских промышленников в сфере производства вооружений и боеприпасов.

Ревизия не смогла полностью искоренить экономический недуг хозяйственных организаций военного ведомства. Там продолжали брать взятки, хотя осторожнее, чем ранее, но в большем размере, как "платы" за риск. Этот вывод, в частности, подтверждается исследованием историка У. Манчестера, который в труде об империи Крупнов писал: "В Петербурге Крупп не жалел деньги на взятки, делая всё возможное, чтобы вытеснить конкурентов и стать главным фактором укрепления морального духа царской военной верхушки, удручённого поражением от японцев. Он не позволял внешней политике Германской империи подрывать свой бизнес. Поэтому, когда в 1914 г. германские войска захватили русскую Польшу, они обнаружили, что крепости вооружены последними моделями гаубиц Круппа".¹⁰ "Дела Круппа" в России так и не появилось.

По итогам расследований приказом по военному ведомству № 320 от 16 июля 1911 г.

всем должностным лицам вменялось в обязанность своевременно информировать государственный контроль обо всех случаях утрат и хищений казённого имущества.¹¹ В журнале "Разведчик" была опубликована статья об интендантских процессах. В ней отмечалось, что причиной злоупотреблений является архаичность системы интендантского снабжения¹².

"Теневой бизнес" военных и предпринимателей оказывал существенное влияние на экономическую ситуацию в русской армии. Военный министр А.Ф. Редигер считал большим бы достижением, если бы ему удалось вытащить из теневого оборота за десять лет хотя бы 20% из вращавшихся там средств¹³. Опыт истории свидетельствует, что деятельности контрольного аппарата мало для лишения "теневиков" источников дохода. Контроль должен сопровождаться поиском путей оптимальных организационных структур движения финансовых потоков, открытости и гласности в распределении финансов. В качестве фундаментальной опоры борьбы государства против стяжателей важную роль играет политическая воля руководства страны и соответствующий менталитет общества.

1 См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник/ Ред.-составители А.М. Анфимов, А.П. Корелин. Спб.: Блиц, 1995. С. 157.

2 См.: например: Васильев А. Военный бюджет и реорганизация армии // Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. Спб.: Тип. "Общественная польза", 1907. С. 155

3 Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: В 2-х т. Т. 2. М.: "КАНОН-ПРЕСС-Ц", "КУЧОВО ПОЛЕ", 1999. С. 250.

4 Там же. 228, 278.

5 Там же. С. 250

6 Российский государственный исторический архив. Ф. 935, оп. 1, д. 3, л. 108.

7 Там же. Л. 112.

8 Там же. Л. 99.

9 Там же. Д. 163, лл. 1-101.

10 Манчестер У. Стальная империя Круппов. М.: Центрполиграф, 2003. С. 266.

11 Приказ по Военному ведомству // Интендантский журнал. 1911. №11. С. 1.

12 Бонч-Бруевич М. Обзорение русских военных журналов и газет // Там же. С. 115.

13 Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 250

С.В.Тютюкин

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)

Столетний юбилей революции 1905-1907 гг. дает повод подвести некоторые итоги работы отечественных историков по революционной тематике, проделанной за последнее десятилетие. Современная историография Первой российской революции, несомненно, в ряде отношений отличается от исследований, выполненных в советский период, в лучшую сторону. Я уже писал об этом в статье, опубликованной в журнале "Отечественная история" № 6 за 2004 г. Однако на смену старой, коммунистической ангажированности документальных публикаций и исследовательских работ о революции 1905-1907 гг. пришли новые деформации в изображении и анализе исторического процесса того времени. Деформации, никак не согласующиеся с принципом историзма и стремлением к объективному освещению такого сложного, во многом противоречивого феномена, как Первая российская революция, ставшая в тоже время и первой из десятков революций бурного двадцатого столетия.

На страницах многих современных исторических работ революция как бы ушла с городских и сельских улиц, фабрик и заводов, университетских аудиторий, армейских подразделений и флотских экипажей в министерские канцелярии, Государственную думу, на съезды политических партий и организаций, где уже далеко не всегда чувствовалось живое дыхание

революционного процесса. Это привело к затуханию и смазыванию позитивной роли массового протестного движения в тех положительных сдвигах, которые произошли в России в ходе революции и под ее прямым или косвенным воздействием. В итоге главным действующим лицом в большинстве современных работ о революции становится либерально-демократическая интеллигенция, а не народные массы, хотя подобные новации тоже чреватые определенным искажением исторических реалий.

Говоря о предпосылках революции и ее глубоких исторических корнях, мы все реже упоминаем о явных просчетах самодержавной власти, ее негибкости и недальновидности, опасной самоуверенности и презрении к собственному народу как важным факторам в процессе назревания революции. Появилась тенденция взвалить всю ответственность и вину за "Кровавое воскресенье" на революционеров, тогда как на деле вся эта драматическая ситуация была создана самой властью и лично ее верховным главой, отдавшим решение всех вопросов в руки военных, настроенных на кровопускание и насилие над простыми людьми. И если печально знаменитую Ходынку породили безответственность и головоунытие московских властей, то "Кровавое воскресенье" выглядит как спланированное преступление с участием высших эшелонов царской администрации. Характерно, что в ход при этом идут сознательное занижение числа жертв событий 9 (22) января 1905 г., рассказы о том, что Гапон будто бы скрыл от рядовых рабочих те радикальные политические требования, которые включены были в обращение к царю, и т. д. С другой стороны, бьет в глаза то нескрываемое восхищение, с которым преподносится сегодня царский манифест 17 октября 1905 г. или новая редакция Основных законов Российской империи, где были продекларированы основные права и свободы россиян, тут же ограниченные, однако, соответствующими инструкциями и "разъяснениями" властей.

В современных работах дело обстоит нередко так, что власть имела право на самозащиту от взбунтовавшейся "черни", тогда как у народа прав на реализацию своего векового требования "Земли и воли!" якобы не было. Что касается программных требований социалистических и либерально-демократических партий в социальной и политической сферах, то они с порога объявляются утопией и объясняются их популизмом, демагогией и желанием перехватить инициативу у политических конкурентов.

Настораживает и тенденция ограничить Первую российскую революцию рамками одного только 1905 г., тогда как массовые движения 1906-1907 гг., либо вообще выводятся за рамки революции, либо освещаются лишь скороговоркой и крайне неполно. Я уже не говорю о том, что со страниц школьных и вузовских учебников практически исчезли имена революционеров, уступив место именам министров и разного рода партийных лидеров, хотя реально нужны и те, и другие.

Наконец, мы практически не говорим сегодня о международных откликах на революцию 1905-1907 гг. и ее воздействии на демократическое и социалистическое движение в самых разных странах мира, включая самые развитые.

Нельзя пройти мимо и четко обозначившейся тенденции к отрицанию за событиями начала XX в. в России статуса революции. Применительно к 1905 г. это делается под предлогом ее фактической неудачи, хотя количество ее завоеваний (переход от самодержавия к думской монархии с конституционными формами законодательной власти, возникновение многопартийной политической системы, профсоюзов и других общественных организаций, огромного числа органов неправительственной печати, некоторое улучшение материального положения трудящихся и т. д.) сводит на нет все попытки считать ее провалившейся, бесплодной и исторически не нужной.

Все это говорит о том, что перед отечественными историками как хранителями памяти народа стоят еще очень большие задачи, решение которых требует органического соединения гражданской совести и высокого профессионализма.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Исполнилось 100 лет с начала Первой революции в России. События 1905–1907 гг. сыграли огромную роль в тех кардинальных изменениях политического, социального и экономического характера, которые произошли в нашей стране на протяжении XX столетия. Многие проблемы, волновавшие общественность в то время, не решены до сих пор. В этой связи очевидно не только научное, но и важное политическое значение изучения предпосылок, хода и последствий мощного революционного взрыва, потрясшего Российскую империю в начале прошлого века.

Между тем столь крупный юбилей прошел почти незамеченным в средствах массовой информации, что, конечно же, не случайно. В современной историографии и особенно публицистике нередки попытки принизить размах народного протеста в 1905–1907 гг., обосновать тезис о пагубности для страны и общества любых революционных преобразований. Оправданный и совершенно необходимый пересмотр многих традиционных представлений и исторических мифов сопровождается порой очернением политических деятелей, самоотверженно боровшихся с самодержавием.

Одним из тех, чья жизнь и деятельность вот уже много десятилетий вызывает полярные суждения, является Михаил Николаевич Покровский (1868–1932). В настоящем сообщении предпринята попытка проследить процесс формирования его *политических* воззрений на рубеже XIX–XX вв., завершившийся вступлением весной 1905 г. в РСДРП.

По своему происхождению (отец – статский советник, чиновник складской таможни, с возмущением рассказывавший дома о злоупотреблениях высших государственных сановников) и образованию (с отличием окончил классическую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета, ученик П. Г. Виноградова и В. О. Ключевского) Покровский принадлежал к демократически настроенной интеллигенции своего времени. В годы учебы все его внимание было сосредоточено на изучении отечественной и зарубежной истории. Однако уже с первых шагов научно-педагогической работы он ощутил шаткость своих методологических позиций, полную оторванность от насущных проблем современности. Позже Покровский вспоминал, что в середине 1890-х гг. он был “робким магистрантом”, его голова “разбухла от занятий, никак не связанных с действительностью”.

Активная работа в Московском педагогическом обществе, на Высших женских курсах, в Комиссии по организации домашнего чтения ускорила формирование демократического мировоззрения молодого ученого. Среди его слушателей и курсисток было немало людей, знакомых с марксизмом, участвовавших в народническом или социал-демократическом движении. Постоянное общение с ними способствовало дальнейшей радикализации взглядов их наставника.

Марксизм Покровский стал изучать с 1896 г. Наиболее доступной для него была литература “легальных марксистов”. Это был “не революционный, а значит, не настоящий марксизм, – напишет он позднее. – Широкое распространение марксистских идей привело к тому, что они стали отличаться не только неопределенностью очертаний, но и “тусклостью окраски”¹. Нет ничего необычного в том, что Покровский не миновал “легального марксизма”. Знаменательно другое: уже вскоре некоторые положения этого модного в конце XIX в. идейного течения вызвали несогласие Покровского. В 1898 г. он участвовал в обсуждении реферата о крепостном хозяйстве крупнейшего представителя “легального марксизма” П. Б. Струве. Возражения молодого историка не были приняты аудиторией. “Несколько сот студентов и курсисток неистово аплодировали Струве минут пять. А доклад Струве, и особенно его заключительное слово, показали мне, насколько жёдок собственно научный багаж этого “вождя”², – вспоминал Михаил Николаевич.

Тем не менее в начале XX в. Покровский разделял многие программные установки П. Б. Струве, регулярно читал редактируемый им журнал “Освобождение”. В частности, он солидаризовался со Струве в том, что дальнейшее развитие России обусловлено деятельностью не рабочего класса, а интеллигенции³. К пролетариату, писал Покровский, мое

отношение было "унылое", "политическое пробуждение рабочего казалось делом довольно далекого будущего"⁴.

Вскоре после создания либерального "Союза освобождения" Покровский примкнул к его радикальному крылу. Эта была первая нелегальная политическая организация, в которую он вступил. Его миропонимание того времени емко выражало формула: "Сначала демократия, потом социализм".

Впоследствии Покровский утверждал, что быстро разочаровался в либералах. Особое его возмущение вызывала внутренняя фальшь этих господ. Они наживали себе состояния, делали чиновничьи карьеры ... и выступали перед молодежью с речами о свободе, прогрессе и т.д. Осенью 1903 г. в ходе конфликта слушательницы и Совета педагогических курсов Покровский "с головой выдал либералов курсисткам", что вызвало у преподавателей-либералов возмущение. "Дело" рассматривалось третейским судом, который решил его вничью. Вышло так, иронизировал Михаил Николаевич, что "и я, и либералы прекрасные люди". Но после этого "прекрасные люди" перестали подавать друг другу руку.

В декабре 1904 г., в разгар так называемой банкетной кампании, Покровский участвовал в совещании "освобожденцев", эсеров и социал-демократов, состоявшемся на квартире В.А.Маклакова. "Целью собрания, — вспоминал С.И.Мицкевич, впоследствии видный большевик, в советские годы директор Музея революции, — было, по-видимому, желание либералов создать блок либералов и революционеров с фактической гегемонией либералов, на что им давали надежду так шумно прошедшая кампания банкетов, земских съездов, выступления городских дум и земских собраний. А рабочий класс должен, по их мнению, поддерживать эти либеральные выступления и требования". Из этого замысла ничего не вышло, так как против выступили социал-демократы и Покровский⁵.

Немалую роль в усилении оппозиционных настроений в стране сыграла русско-японская война. Покровский считал крайне бездарной политику царского правительства. В одном из его писем того времени говорится: "Пока впечатление одно — страшное и ненужное кровопролитие"⁶.

Отход от либералов сопровождался сближением Покровского с социал-демократами. После знакомства с А.В.Луначарским, М.С.Ольминским, И.И.Скворцовым-Степановым, П.Г.Смидовичем Михаил Николаевич становится автором журнала "Правда", первого легального социал-демократического издания в Москве. Редактором "Правды" был А.А.Богданов, философские и экономические взгляды которого пользовались широкой известностью в кругах московской интеллигенции, примыкавшей к социал-демократам. Активная работа в "Правде", близкие товарищеские отношения со многими ее сотрудниками усилили демократические настроения Покровского. Позже он назвал редакцию этого журнала зародышевой формой литературно-лекторской группы при МК РСДРП.

Укреплению связей Покровского с социал-демократами способствовали бурные события в Московском педагогическом обществе. В декабре 1904 г. здесь развернулась острая борьба между радикальной и либеральной частью исторического отделения. Поводом для конфликта стал донос одного учителя почитателю учебного округа на "неблагонамеренный историко-материалистический дух", царящий в отделении. Возмущенные учителя потребовали на общем собрании исключить доносчика из Общества. Правление, возражавшее против этого, заявило об уходе в отставку. Председателем Педагогического общества был избран приват-доцент Московского университета Н.А.Рожков, в то время сочувствовавший большевикам. Его первым заместителем стал Покровский.

Новое руководство Педагогического общества решительно высказалось за "свободную школу" и широкие государственные реформы. По воспоминаниям Н.А.Рожкова, на заседаниях правления обсуждались как профессиональные, так и политические вопросы, последовательно проводилась линия социал-демократии.

После расстрела 9 января 1905 г. войсками мирной демонстрации в Петербурге общее собрание Московского педагогического общества приняло резолюцию, в которой выразило "горячее сочувствие жертвам возмутительного произвола" и высказало убеждение, что Россия "может освободиться от повторения подобных ужасающих событий лишь при установлении основанного на широко-демократическом народном представительстве правового порядка"⁷.

С началом революции Педагогическое общество фактически превратилось в легальный орган социал-демократической пропаганды. На его многолюдных заседаниях обсуждались проекты усовершенствования государственного устройства, аграрный вопрос, факты произвола полиции, собирались пожертвования "в пользу комитета революционной партии". Не удивительно, что вскоре, 2 апреля, деятельность Общества была запрещена.

Весной 1905 г. Покровский сделал окончательный политический выбор. На 3-м съезде "освобожденцев" он выступил с речью по аграрному вопросу, которая вызвала возмущение либералов. Председательствовавший С.Н.Прокопович заявил, что людям с такого рода образом мыслей место не в "Союзе", а среди социал-демократов. Покровский исполнил этот совет буквально. В тот же день, вспоминая он, я сказал И.И.Скворцову, "что с освобожденцами у меня больше нет ничего общего, и что если я могу быть большевикам полезен, я их человек"⁸. 9 апреля Покровский впервые присутствовал на заседании литературно-лекторской группы при МК РСДРП. Этот день считается датой его вступления в партию.

Переход на социал-демократические позиции стал логическим завершением развития политических взглядов Покровского. В ряды большевиков он пришел на 37-м году жизни. Его выбор не был случайным. Об этом убедительно свидетельствует вся последующая жизнь и деятельность Михаила Николаевича.

Весной и летом 1905 г. Покровский активно участвовал в работе литературно-лекторской группы. Вначале она действовала как автономная организация, лишь идейно примыкавшая к Московскому комитету большевиков. Постепенно все ее члены втянулись в чисто партийную работу, а фактический руководитель группы Н.А.Рожков был введен в состав МК РСДРП.

В дальнейшем, по мере развития революции, Покровский был членом редколлегий московских социал-демократических газет "Борьба" и "Светоч", журналов "Вопросы дня" и "Истина". Принимал участие в Декабрьском вооруженном восстании в Москве (в его квартире на Долгоруковской улице был устроен пункт для раненых дружинников). Входил в состав МК РСДРП. В 1906 г. баллотировался во II Государственную думу, однако избран не был. В 1907 г. под фамилией Домов, которая стала его псевдонимом, участвовал в V (Лондонском) съезде РСДРП. В конце работы съезда он был избран в редколлегию газеты "Пролетарий" и в состав Большевицкого центра (по его словам, центр являлся первым большевистским ЦК, хотя и "не носил этого названия, потому что большевики тогда не были особой партией, а лишь фракцией РСДРП"⁹). С лета 1907 г., скрываясь от полиции, Покровский жил в Финляндии, а в августе 1909 г. эмигрировал во Францию.

В годы Первой революции в России Покровский был одним из самых популярных московских лекторов социал-демократов. Выступал он и в других городах – в Рязани, Владимире, Туле. Нередко ему приходилось быть оппонентом своих недавних коллег-либералов, ставших конституционными демократами. Сохранилось немало свидетельств современников о Покровском – талантливом ораторе и полемисте. Н.И.Бухарин, например, вспоминал: "Как веселились сердца нас, тогда молодых еще большевиков, при каждом метком ударе Покровского в таких столпов кадетизма, как Кизеветтер, Новгородцев, Милюков!.. Это были продуманные, блестяще аргументированные, изычные и вместе с тем разящие удары"¹⁰. О большой начитанности Покровского, бойкости его "литературной речи", умении "прошпиговать ее саркастическими шпильками по адресу противником" писал и его коллега по университету кадет А.А.Кизеветтер¹¹. В то же время бывшие соратники по "Союзу освобождения" ни в годы первой революции, ни позже не могли простить Михаилу Николаевичу его "измену", крайне негативно оценивали моральные и деловые качества этой, по словам П.Н.Милюкова, "злойной, завистливой личности"¹². Любопытно, что подобные характеристики Покровского преобладали и в дореволюционной, и в сталинистской историографии; сохраняются они в новейшей исторической литературе. При этом для либералов начала XX в. был неприемлем социал-демократизм, большевизм Покровского; сталинисты обвиняли его в антимарксизме и антибольшевизме; современные авторы критикуют главным образом за партийную и государственную деятельность в советские годы.

Вывод из сказанного, на мой взгляд, сводится к следующему. Необходимо более глубокое изучение жизни и творчества М.Н.Покровского. По существу, до сих пор нет ни одного

монографического исследования, посвященного детальному анализу всех перипетий его политической и научной биографии, идет ли речь о кануне Первой революции в России, или о 1920-х гг. Имеющаяся отечественная¹³ и зарубежная¹⁴ историография не раскрывает в полной мере всех сторон деятельности этой крупной и противоречивой фигуры, оставившей заметный след в российской политической истории и науке первой трети XX столетия.

1 Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 13. Л. 4.

2 Цит. по: Соколов О.Д. М.Н.Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 51–52.

3 См.: Струве П.Б. На разные темы. СПб., 1902. С. 314.

4 РГАСПИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

5 См.: Мицкевич С.И. Революционная Москва. М., 1946. С. 321–322.

6 Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 51. Л. 7.

7 Цит. по: Рожков Н.А., Соколов А.В. О 1905 г. Воспоминания. М., 1925. С. 9.

8 РГАСПИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

9 Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1. Л. 37.

10 Бухарин Н.И. Профессор с пикой // Правда. 1928. 25 октября.

11 Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881–1914). Прага, 1929. С. 284–286.

12 Милохов П.Н. Два русских историка (С.Ф.Платонов и А.А.Кизеветтер) // Современные записки. Париж, 1933. Т. 51. С. 312.

13 См.: Черепнин Л.В. М.Н.Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV; Соколов О.Д. М.Н.Покровский и советская историческая наука. М., 1970; Говорков А.А. М.Н.Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976; Чернобаев А.А. "Профессор с пикой", или Три жизни историка М.Н.Покровского. М., 1992; Артизов А.Н. Школа М.Н.Покровского и советская историческая наука (конец 1920-х – 1930-х гг.). Автореф. докт. дисс. М., 1998.

14 См.: Enteen G. The Soviet Scholar-Bureaucrat: M.N.Pokrovskii and the Society of Marxist Historians. University Park and London, 1978; Barber J. Soviet Historians In Crisis, 1928–1932. L., Basingstoke, 1981.

А.Н. Свалов

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕМЫ)

1. Исторические преобразования в России в начале XX в. неотделимы от революционных событий 1905–1907 гг., выразивших объективную потребность модернизации страны, как и стремление миллионов людей к новому уровню своего существования¹. Начало долгожданной революции в России горячо приветствовали социалисты разных стран и направлений. Движение солидарности с революционной Россией приобрело широкие рамки, и об этом достаточно много писалось в отечественной литературе. Тем не менее, требуются, на мой взгляд, существенные уточнения, необходимость которых связана не столько с привлечением нового конкретно-исторического материала (хотя и он, разумеется, важен), сколько с обобщениями и выводами, свободными от откровенных идеологических пристрастий. Это относится и к международным аспектам революции 1905–1907 гг., нередко остающихся на периферии внимания историков².

2. Первая революция в России была демократической революцией нового типа, во многом не похожей на те, что имели место ранее, в другую историческую эпоху и в другой цивилизационной среде, прежде всего, в странах Запада. Революция вовлекла в свой водоворот народные массы, выявила особую роль пролетариата, в первую очередь, фабрично-заводского, привнесла новые формы борьбы, наиболее ярким примером которых были всеобщие политические стачки. Новизна и размах событий не могли не привлечь повышенного внимания, они побуждали к дискуссиям, порой достаточно острым. При всем этом, мнения зарубежных социалистов совпадали в одном - единой оценке последствий революционных событий в России для международного социалистического движения. Революция, в случае успеха – свержения самодержавия, проведения назревших политических и социально-экономических преобразований, – должна была стимулировать

вать и облегчить борьбу европейского рабочего класса за социализм. Самодержавная Россия нередко сравнивалась с ледником, понижающим температуру во всей Европе. Она, по представлениям социалистов, являлась "страшным врагом" для возможной европейской революции и представляла собой постоянную опасность для европейского мира и культуры. Такие оценки были традиционными, поддержанными, в свое время, Ф. Энгельсом, в том числе, в статье "Внешняя политика русского царизма" (1890 г.). Однако в конце XIX – начале XX вв. Россия была отнюдь не такой, как при Николае I, и вряд ли имела возможность прибегнуть к казацизму нагайкам с тем, чтобы помешать борьбе европейского пролетариата, возглавляемого социалистическими партиями. Надо признать немалую долю преувеличения зарубежными социалистами реакционности (имея в виду ее внешние аспекты) и агрессивности России. Хотя, разумеется, демократическая Россия, в случае победы революции, выглядела более предпочтительным соседом, чем Россия самодержавная. Еще раз подчеркну: вывод о том, что успешная демократическая революция в России может помочь, создать благоприятный фон для борьбы за социализм в европейских странах, был широко распространен. Он разделялся и российскими социал-демократами, включая В.И. Ленина. Этот вывод важно учитывать при объяснении и освещении движения поддержки и солидарности с Первой русской революцией, организованного социалистами.

3. Сама же возможность ликвидации буржуазного строя увязывалась с пролетарской борьбой и ростом влияния социал-демократов в Европе. Причем, как известно, не исключался вариант мирного завоевания власти посредством парламентских побед, и не случайно широкий отклик находили, например, успехи на выборах Социал-демократической партии Германии. Напоминаю об этом, в частности потому, что в отечественной историографии по-прежнему сохраняется вывод о России как о некоем центре мирового революционного движения. На мой взгляд, от него необходимо отказаться в силу целого ряда причин. Во-первых, само положение о "мировом революционном движении" более чем сомнительно. Действительно, наблюдался волнообразный подъем классовой борьбы, рабочего движения, в том числе, и в 1905–1907 гг. Но так было далеко не везде, и потому "мировой" масштаб явно неприменим. Следует также учесть, что даже в период обострения классовой борьбы непосредственно не выдвигались, как правило, революционные лозунги. К новому, революционному качеству общества в подавляющем большинстве стран, где имелось организованное социалистическое движение, предпочитали продвигаться посредством практической социал-реформистской деятельности. Зачем же сегодня, в духе коминтерновских выводов, продолжать использовать – без необходимой верификации – вывод о "мировом революционном движении"? Во-вторых, Россия зарубежными социалистами не могла рассматриваться и не рассматривалась как некий "центр" классовой борьбы и революционного движения. Если иметь в виду марксистскую социал-демократию, то под революционным движением (в соответствии с его целями, прежде всего) имелась в виду борьба за социализм, но примером такой борьбы Россия, разумеется, не была. В ней шла борьба за демократические преобразования, в то время как, повторим, возможность завоевания власти пролетариатом относилась к Европе. Замечу для любителей цитат, что ни в одной работе В.И. Ленина или, скажем, Г.В. Плеханова не обосновывается вывод о России как "центре мирового революционного движения". Новые "исследовательские" изыски в этом отношении, по моему мнению, совершенно не плодотворны и могут быть представляться лишь данью догматизму.

4. Мне представляется, что в актах поддержки и солидарности с революционной борьбой в России ярко проявлялся демократический, культурно-цивилизаторский потенциал международного социалистического движения. Конечно, среди социалистов были разногласия в оценке происходящего в России (в данном случае, сказывалась борьба течений), но это не заслоняло общего стремления поддержать русских революционеров. Значительный вклад в организацию движения солидарности внес II Интернационал как объединение социалистических партий и рабочих организаций, и солидарность с революционной Россией стала постоянной составляющей в его деятельности. Причем, Интернационал и, прежде всего, его исполнительно-координационный орган – Международное социалистическое бюро (МСБ) – сумели объединить усилия социалистов разных стран и течений, иницируя или поддерживая демонстрации и митинги, осуждавшие репрессии царизма, выступая против преследований

царской охранкой революционеров за рубежом и против угрозы интервенции в Россию (правда, в значительной мере, преувеличенной).

Наиболее масштабной стала интернациональная кампания в связи с первой годовщиной начала революции в России. Напомню также, что был создан "русский фонд" II Интернационала, в который с февраля 1905 по конец июля 1907 г. поступило 142 тыс. французских франков (СДПГ и некоторые другие партии не участвовали в фонде, направляя самостоятельно средства для поддержки российской революции)⁹. Примеры конкретных проявлений солидарности можно продолжить. Опыт показывал, однако, что неизбежны серьезные затруднения с реализацией инициатив международной социал-демократии в тех случаях, когда отсутствовала согласованная позиция среди самих участников революционной борьбы и социалистического движения в России. Так произошло, например, с предложением Плеханова (1 июня 1906 г.) о рассылке циркуляра МСБ, призывавшего парламентариев-социалистов разных стран выразить одобрение I Государственной думе, находившейся в тот момент в "полном конфликте с правительством"¹⁰. Однако не только большевики, но и бундовцы, эсеры, польские партии сочли издание такого документа неуместным, основываясь, прежде всего, на том, что ведущей фракцией в I Думе были кадеты. В то же время, роспуск Думы вызвал единодушное осуждение и был оценен МСБ как свидетельство "наступления реакционных сил". Развитие движения солидарности с революцией побуждало, требовало от революционных партий России согласованности в инициативах и действиях; от этого во многом зависели возможности и эффективность тех или иных выступлений II Интернационала. Вместе с тем нельзя не заметить, что участие в движении солидарности с революционной Россией стало важнейшим фактором активизации деятельности самого II Интернационала. Благодаря этому поднимался его авторитет как международного объединения, причем не только среди социалистов, но и в демократических кругах в целом.

5. II Интернационал накануне и в годы Первой революции с повышенным вниманием и беспокойством относился к отсутствию идейного и организационного единства в социалистическом движении России. Одним из важных шагов к его преодолению стало определение состава секции России на международных социалистических конгрессах. Пленум МСБ от 9 июня 1907 г. подтвердил наличие для России двух подсекций – социал-демократической и социалистско-революционной – и согласился с тем, что в первую из них входят РСДРП, Бунд, Социал-демократия Латышского края и Армянская Социал-демократическая организация, а во вторую – ПСР, Грузинская партия социалистов-федералистов революционеров и Армянская революционная партия "Дашнакцутюн". Включение новых партий в состав секции России могло происходить только с согласия обеих подсекций; в случае разногласий спорный вопрос передавался для решения Международному бюро. Так, секретарь МСБ К. Гойсманс в отчете Штутгартскому конгрессу II Интернационала отмечал, что образование, применительно к России, двух подсекций, включающих почти все социалистические партии, продвигает к "связке сил", способствующих, по меньшей мере, единству действий¹¹. Отметим, что никаких отдельных секций или подсекций, "подотделов" большевиков на международных социалистических конгрессах не существовало (как, кстати, не было и "отдельной делегации" большевиков на Амстердамском конгрессе 1904 г.).

В годы революции Интернационал выступил с рядом инициатив, направленных на преодоление раскола в РСДРП. Продолжительное время отечественные историки рассматривали их с учетом сугубо ленинских оценок, которые во многом носили субъективный характер, обусловленный внутренней борьбой в российской социал-демократии. В ходу были выводы о том, что II Интернационал стремился "навязать свою волю большевикам" или даже "похоронить" партию большевиков. Прямо скажем, подобные заключения далеки от действительности. Вспомним, к примеру, инициативу А. Бебеля о третьей "примирительном" суде, с которой он – по согласованию с МСБ – обратился к большевикам и меньшевикам вскоре после начала революции, в первые дни февраля 1905 г. Бебель исходил из того, что речь идет о преодолении раскола внутри одной революционной партии, между марксистами, революционными социал-демократами. Предлагавшееся третейское разбирательство касалось бы, главным образом, конфликта по поводу деятельности

центральных учреждений РСДРП. Ни Бебель, ни Интернационал в целом не собирались оправдывать или выносить приговор *политическим тенденциям*, и поэтому многократно цитируемый в литературе ответ Бюро комитета большинства искажал сам смысл инициативы. Этот ответ, признаемся, являет не столько образец принципиальности, сколько пример конфронтационности. Большевики, возглавляемые Лениным, в принципе не нуждались в подобных услугах Интернационала, поскольку стремились не к согласию, не к компромиссу, а к победе своей и только своей линии, единственно правильной и единственно марксистской, как они полагали. В качестве примеров можно привести ленинские указания, помогающие понять "принципиальное" отношение к инициативе Бебеля. Так, В.И. Ленин 29 января 1905 г. пишет секретарю Бюро комитетов большинства следующее: "Ради бога, не доверяйте меньшевикам и ЦК и проводите безусловно, повсюду и самым решительным образом раскол, раскол и раскол... Кто не хочет остаться в дурачках, того мы предупреждаем настоятельно: раскол и раскол безусловный"; не нашло принципиальной поддержки со стороны большевиков высказанное в августе 1905 г. предложение Исполкома МСБ о созыве "объединительной конференции" русских социал-демократов, на которой МСБ выполняло бы функции посредника.

6. Необходимо сохранение интереса историков, всех гуманитариев к "социалистической", "революционной тематике" и, в частности, к изучению общего и особенного в развитии социалистического движения в России и в зарубежных странах в начале XX в. Важную роль в дальнейшем исследовании этой проблематики могли бы сыграть международные исследовательские проекты.

1 Укажем на новейшую коллективную монографию, подготовленную в Институте российской истории РАН: "Первая революция в России: взгляд через столетие". /Отв. редакторы: А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005. В связи со 100-летием Первой русской революции были проведены научные конференции в Государственном Историческом музее и Российском государственном социальном университете. (Материалы конференций публикуются).

2 См. Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001. С.19.

3 См. Свалов А.Н. Из истории Второго Интернационала. СПб.; М., 1996. С. 86.

4 Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1973. Т. II. Г.В. Плеханов и международное рабочее движение. С. 287.

5 См. Propositions et projets de résolutions avec rapports explicatifs présentés au Congrès socialiste international de Stuttgart (18-24 août 1907). Bruxelles, 1907. P. XIV, XXIX.

6 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 10.

О.С.Кацавцева

Н.С. РУСАНОВ О ЗАДАЧАХ И ФОРМАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ В РОССИИ (1901 - 1915 ГГ.)

"...Те, у кого в руках светильники,
будут передавать их всё другим и другим"

Для формировавшейся в начале XX века народнической модели политического и социального переустройства России была характерна многовариантность, обусловленная отсутствием в партии социалистов-революционеров единой партийной философии². Одним из идеологов промарксистского крыла РСР в рассматриваемый период являлся Н.С. Русанов. Анализ его представлений о характере и перспективах развития русской революции, изучение основных направлений его деятельности способствует дальнейшему заполнению "белых пятен" в истории политических партий России.

Хронологические рамки обусловлены публикацией в 1901 году в "Вестнике русской революции" статьи Русанова "Наша программа", послужившей платформой для первоначального объединения эсеровских организаций, и созданием в 1915 году группой близких к Русанову политических деятелей проекта программы Российской радикально-демократической партии.

Николай Сергеевич Русанов (1859 – 1939 гг.) относил себе к поколению, смыслом жизни которого было служение идеалам социализма.³ Он строил свою жизнь, исходя из собственных философских и политических ценностей, а также в соответствии с потребностями российского революционного движения.

Осознавая собственную "практическую несостоятельность"⁴, Русанов, в основном, реализовывал себя как литератор, историк и теоретик социал-революционного движения. Он активно содействовал распространению социалистического мировоззрения, искренне надеялся, что его работы послужат "ферментом общественного брожения и импульсом искания истины"⁵.

Секретарь группы "старых народовольцев"⁶ и душеприказчик П.Л. Лаврова⁷, редактор "Вестника русской революции", член товарищества журнала "Русское богатство"⁸ и издатель "Русских записок", член ЦК партии социалистов-революционеров, один из основателей Заграничной делегации ПСР – это лишь краткий перечень вех его яркой биографии.

Основой мировоззрения Русанова было представление о том, что развитие человеческого общества обусловлено эволюцией коллективной психологии, которая развивается, постепенно усложняясь, в результате взаимодействия человека с внешней средой. При этом он не считал процесс производства, развитие технологии вообще, первоосновой и определяющим фактором социального развития.

Представляется, что философские взгляды предопределили особый интерес Русанова к истории развития социалистических идей, к биографиям и идейному наследию К. Сен-Симона, Ф. Фурье, Р. Оуэна, К. Маркса, Ф. Энгельса, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского. Эти темы он активно разрабатывал на рубеже веков и возвращался к ним на протяжении последующих лет своей жизни.

В начале XX века в своих статьях он стремился доказать, что под влиянием изменяющихся исторических условий одновременно происходит трансформация марксизма⁹, с одной стороны, и "пропитывание" народничества и народовольчества элементами марксизма, с другой.¹⁰ Процесс этот, по мнению Русанова, был обусловлен развитием в России капитализма в его разрушающих и создающих формах.¹¹

Он был убежденным сторонником необходимости создания политической партии для успешного решения задач, стоящих перед социалистическим движением. Его позиция по этому вопросу была сформулирована в конце 80-х XIX века и оставалась неизменной до конца 30-х годов XX века. "Личность при иных условиях может очень многое, - подчеркивал он, - крупная сама по себе, средняя, поставленная в определенных условия. Эти условия заключаются в организации общественных сил, в выработке органа, который именно противостоял бы классовому государству как форме систематического подавления большинства меньшинством. Успешность и прочность такой организации заключается в постановлении такой программы, которая бы превращала бы эту организацию в политическую партию".¹²

Цель деятельности революционной партии была сформулирована им позже: свержение самодержавия и создание условий, способствующих продвижению к социализму. Таким образом, первоначально, как и В.М. Чернов¹³, Русанов считал захват политической власти одним из условий построения социалистического общества, так как немедленный переход к обществу будущего невозможен. К числу первоочередных задач, необходимых исторических преобразований были отнесены: завоевание демократической республики, установление гражданских свобод и политических прав для всех жителей страны без различия сословия, национальности и пола, национализация с последующей социализацией, всемерное укрепление общинного землевладения.¹⁴

Русанов полагал, что основными движущими силами грядущего демократического переворота, который предстоит подготовить и возглавить революционной партии, будут являться фабричный и умственный пролетариат¹⁵, а также интеллигенция: "Мы берем исходным пунктом своей деятельности работу в городе на почве сближения социалистической интеллигенции и пролетариата во имя непосредственной борьбы против самодержавия. Быстрота развития революционной оппозиции и её многочисленность укажут нам, какие формы нападения на строй предпочтительнее: так, мы, например, не исключаем из своих планов даже в недалёком будущем теоретической возможности захвата власти и диктатуры

революционной интеллигенции и пролетариата в центрах с целью дать толчок оппозиционному движению по всей стране"¹⁶. При этом он скептически оценивал революционный потенциал крестьянства.

Позже Русанов отказывается от понятия "демократический переворот". Считая первую русскую революцию по характеру политической, он не исключает возможности перерастания её в революцию социальную: "Все и каждая из культурных стран, не только не обязаны, но даже физически не могут пережить периоды промышленного развития в совершенно одинаковой мере"¹⁷. В октябре 1905 года он надеялся, что Россия станет "очагом и маяком универсальной революции"¹⁸.

Причины поражения первой русской революции Русанов также рассматривал в контексте стоящих перед страной политических и социальных задач. В не привлекавшей ранее исследователями статье, датированной 1909 г. и хранящейся в АДП РНБ, он объясняет трудность прогрессивной эволюции России исторической антиномией.¹⁹ Русанов считал, что Россия, вследствие её отставания от европейских стран, столкнулась с необходимостью одновременного разрешения общенационального политического и мирового социального вопросов. Установление народовластия возможно лишь при объединении усилий различных социальных сил. Процесс же мировой социальной эволюции, в который с развитием капиталистических отношений с неизбежностью включилась и Россия, предполагает классовую борьбу, так как цель "универсальной социальной революции", с точки зрения Русанова, заключалась в передаче средств производства в руки трудящегося класса и замены конкуренции коллективным производством.

"Демократические учреждения у нас могут восторжествовать лишь тогда, - писал он, - когда вы кровно заинтересуете в них трудящие массы. А массы могут быть заинтересованы лишь тогда, когда с политическими требованиями вы тесно свяжете хотя бы первые шаги по пути удовлетворения их глубоко реальных стремлений"²⁰. Русанов был убежден, что события современной ему российской истории подтверждают закон, согласно которому, чем дальше политическая революция продвигается с запада на восток Европы, тем сильнее она запаздывает, усложняя приближение революции социальной.

Проводя сравнительный анализ правительственной реакции, черносотенного движения, настроений рабочего класса и крестьянства, персоналий политических деятелей в России и за границей, Русанов утверждал, что в 1907 г. в России революция не только не закончилась, но по настоящему только началась.

Подобная точка зрения была характерна для значительной части социалистов-революционеров. В резолюции "О тактике современного момента", опубликованной во втором номере редактируемого Черновым "Знамени труда", события 1905 - 1907 гг. трактовались как "пролог" революции²¹. Таким образом, теоретические построения Русанова, в целом, соответствовали положениям программы партии социалистов - революционеров, хотя и представляли собой один из вариантов народнической модели социального переустройства России.

Принципиальные расхождения между ним и ЦК ПСР в 1905-1907 гг. существовали исключительно в оценке роли крестьянства в революции, тактики бойкота Государственной Думы и в отношении к организации террора местными партийными организациями.

Спорной представляется оценка М.И. Леонова, назвавшего Н.С. Русанова "одним из самых умеренных, насколько это применимо к революционерам, эсеров"²². Русанов не занимался прямой организацией революционных выступлений. Однако его статьи, книги, лекции "взрывали" стереотипы в сознании его читателей и слушателей. Кроме того, Русанов являлся последовательным сторонником террора и активным участником полемики по вопросу о "политических убийствах", развернувшейся в российской прессе во второй половине 1906 г.

Русанов систематически защищал террористическую деятельность партии в обзорах печати "Русского богатства". "Вопрос о политических убийствах, - писал он, - имеет громадную литературу и принадлежит к крайне серьёзным социологическим и моральным задачам... Весь классический мир был воспитан на восхвалении героев, шедших на смерть, чтобы уничтожить внутреннего или внешнего врага Отечества (Аристон, Муций Сцевола), тоже мы находим и в литературе эпохи Возрождения: Шиллер, Байрон, Шелли, Гюго,

Кардуччи пропитаны апологией политических убийств. Сам Милль говорил, что нельзя обращаться с дешевым осуждением к тем, может быть, лучшим гражданам, которые прибегали к насилию, чтобы наказать лиц, ставящих самих себя вне закона своими тираническими действиями»²³.

В конце 1909 года, после относительно небольшого перерыва, Русанов возвращается в "Русское богатство" и со временем занимает ведущие позиции в редакции журнала. Он постепенно сближается с лидерами энесов, отказывается от сотрудничества в журналах "Современник" и "Заветы", крайне настороженно относится к предложениям участвовать в эсеровских нелегальных изданиях. В 1988 г. Т.А. Васильева, изучавшая эволюцию взглядов народнических деятелей по материалам журнала "Русское богатство", назвала Н.С. Русанова, наряду с артельщиками журнала, членом "Всероссийского союза беспартийной интеллигенции", одним из авторов резолюции об организации Российской радикально-демократической партии и проекта партийной программы.²⁴

Программа Российской радикально-демократической партии представляет собой фактически программу взаимодействия с существующим политическим режимом. К числу своих сторонников авторы программы относили широкие круги демократического интеллигентства, крестьянство и элементы городской демократии: "служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях и предприятиях, мелких ремесленников, торговцев и рабочих, не находящих себе стойкой и принципиальной защиты у либеральных партий и не примыкающих к социальному революционизму крайних левых"²⁵.

Не требуя свержения самодержавия, авторы проекта видели цель своей деятельности в развитии демократии через установление народовластия, а ближайшей задачей демократизацию народного представительства и развитие местного самоуправления.

Ни в публицистическом, ни в эпистолярном наследии Н.С. Русанова, ни в его неопубликованных рукописях и мемуарах, хранящихся в ОР РГБ и АДП РНБ, не было обнаружено прямых указаний на его активное участие в этом проекте. Для политического деятеля, имеющего за плечами более чем тридцатилетний стаж революционной деятельности, подобное свидетельство означало бы окончательный отказ от социал-революционной идеологии. В то же время в документах не обнаружено и попыток дистанцироваться от создания Российской радикально-демократической партии. Н.С. Русанов не упоминает об этих событиях.

Представляется, что Т.А. Васильева преувеличила степень вовлеченности Русанова в процесс объединения "беспартийных левых". Сближение и тесное сотрудничество с А.В. Пешехоновым, В.А. Мякотиним, В.Г. Короленко, А.Г. Гонфелем, Н.Ф. Анненским, В.И. Семеновским и др. было обусловлено необходимостью жить, обеспечивая средствами к существованию семью, и действовать в соответствии с собственными убеждениями в условиях атомизированной эсеровской среды²⁶, возникшей на месте частично разгромленной, частично распавшейся массовой нелегальной партии.

Русанов активно сотрудничал в журнале, вел оживленную переписку с читателями, а также с опытными и начинающими литераторами. Он занимался просветительской деятельностью, выступая с лекциями о П.Л. Лаврове, Н.К. Михайловском, Н.Г. Чернышевском и А.И. Герцене не только в Петербурге, но и в других городах. Возможно, таким образом, он содействовал восстановлению горизонтальных организационных связей между мелкими региональными кружками и организациями.

Отчасти это предположение подтверждают материалы Департамента Полиции: так 11 марта 1911 года Русанов был обыскан и арестован за происшедшее в его квартире неразрешенное собрание.²⁷ Предполагалось, что среди собравшихся были лица, "находившиеся в связи со студенческим коалиционным комитетом и студенческой фракцией социалистов-революционеров"²⁸. Основанием для действий полиции послужил факт обнаружения, при ликвидации Рыбинской социал-демократической организации, у одного из арестованных адреса Русанова. Отметим, что Рыбинск входил в число тех городов, в которых литератор побывал с лекциями²⁹.

Не отказываясь от заявленной в начале века программы исторических преобразований, Н.С. Русанов до 1916 г. содействовал её реализации путём активной литературной и просветительской деятельности в одном из крупнейших российских журналов того времени.

К Н.С. Русанову вполне применима характеристика, данная им самим Н.К. Михайловскому. "Мне кажется, - писал он в одной из своих статей, - что называть его революционером в специальном смысле, то есть человеком отдавшим себя практической революционной деятельности нельзя, не погрешая против истины и против понимания самого типа этой исключительно крупной личности. Он был гораздо обильнее одарён способностями теоретического мыслителя и литературно-публицистическими талантами, чем собственно революционного деятеля".³⁰

1 Это высказывание Н.С. Русанов выбрал в качестве эпиграфа к сборнику своих статей: Галерея современных французских знаменитостей СПб. "Русское богатство, 1906.

2 Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907 – 1914 гг. – М., РОССПЭН, 1998. С. 7.

3 Русанов Н.С. На родине - М.: ВОПК и СП, 1929. С. 4

4 Русанов Н.С. На родине - М.: ВОПК и СП, 1929. С. 34

5 ИРЛИ. Ф. 114. Оп. 2. Ед. хр. 399. Л. 225 об.

6 ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 612 Л. 1.

7 РНБ АДП. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 383.

8 РГАЛИ. Ф. 1668. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2 об.

9 Мировой рост и кризис социализма // Вестник русской революции. 1902. № 2. С. 85

10 РНБ АДП. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 27.

11 Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы: т. 1. 1900-1907 гг. – М., РОССПЭН, 1996. С. 51.

12 РНБ АДП. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 39.

13 Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. - М.: РОССПЭН, 1997. С. 92.

14 Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Н.С. Русанов - искатель истины в социализме // Отечественная история. 1995. № 6. С. 81.

15 Под "умственным пролетариатом" или "интеллигентным пролетариатом" Русанов понимал "довольно многочисленный культурный слой", который, с одной стороны, по внешним формам своей жизни примыкает к буржуазии, а с другой стороны, живет исключительно своим личным трудом, что сближает его с пролетариатом. По мнению Русанова, слой этот являлся переходным между буржуазией и промышленным пролетариатом, так как не имел общих для всех его представителей "основных интересов".

16 Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы: т.1.: 1905-1907 - М.: РОССПЭН, 1996. С. 56.

17 РНБ АДП. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 42.

18 Бьюиссон Э. Всеобщая стачка. С приложением статьи Н. Кудрина "Всеобщая забастовка" - С.-Петербург. "Общественная польза", 1906. С. 7.

19 РНБ АДП. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 6.

20 Там же.

21 Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. - М.: РОССПЭН, 1997. С. 54.

22 Там же. С. 98.

23 В.Г. Подарский Изю дня в день (Мысли социалиста вслух) // Народный вестник. № 12. 21.05. (3. 07.) 1906.

24 Васильева Т.А. Журнал "Русское богатство" и идейно-политическая эволюция народничества (1876 – 1916). Диссертация на соискании учёной степени кандидата исторических наук – Москва, 1988. С. 132, С. 138.

25 РНБ АДП. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 392. Л. 1.

26 Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907 – 1914 гг. – М., РОССПЭН, 1998. С. 26.

27 ГАРФ Ф. 102. ДПОО 1912 д.9 т. 3лл. С. 94.

28 ГАРФ Ф. 102. ДПОО 1915 д. 9457. Л. 60.

29 РНБ АДП. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л.2об.

30 Русанов Н.С. "Политика" Н.К. Михайловского // Былое. 1907. № 10. С. 48.

ИТАЛИЯ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905-1907 ГГ.

С времени Первой русской революции в январе 1905 г. полосы революционных потрясений в России сменялись периодами контрреволюционных откатов, когда пришедшие к власти деятели пытались коренным образом реформировать страну... Не последней причиной революционного взрыва в многонациональном государстве стал вопрос о предоставлении больших прав или полной самостоятельности национальным окраинам. Так до конца и не решенный, он был поднят в ходе революций 1917 г., а затем, уже в 1991 г., явился одной из причин распада Советского Союза.

С особым вниманием за событиями русской революции следили в Италии, о чем свидетельствуют архивные документы, в большинстве своем пока не введенные в научный оборот. Документы по данной тематике содержатся в РГИА, ГАРФ (они включают эпистолярное наследие российских политиков и дипломатов, донесения заграничной агентуры царского правительства о деятельности русской эмиграции) и РГАВМФ (здесь хранятся сообщения военно-морских агентов о ситуации в стране) и ряде других отечественных хранилищ. Настоящее исследование основано на материалах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Документы позволяют проанализировать отношение итальянцев к революционным волнениям в России, представить оценку складывавшейся ситуации русскими дипломатами, работавших в Италии. Донесения регулярно читал Николай II, на них сохранились его пометки. Мнения дипломатов брались в расчет царем и его политическим окружением, оказывали воздействие на формирование русской политики в отношении Италии. Царь и его окружение воспринимали известия с Апеннин далеко не беспристрастно. Именно в это время должен был состояться ответный государственный визит Николая II в Италию. Россия, как и динамично развивавшаяся после недавнего объединения Италия, достигшая заметных успехов в современных отраслях индустрии: автомобилестроении, электроэнергетике, судостроении, химическом производстве, были заинтересованы в интенсификации торгово-экономических отношений. Но, ввиду усиления антицаристских настроений в Италии, ставших следствием негативно воспринятых итальянскими демократическими силами кровавых событий в России (об этом с досадой сообщали русские дипломаты), визит царя долго откладывался. Благоприятные условия для приезда сложились много позже, и он состоялся лишь в 1909 г.

Неспокойно было в те годы и в самой Италии. Укреплялись позиции социалистов и демократов-республиканцев, находившихся в непримиримой оппозиции к Савойской монархии и королевскому правительству. В стране действовали террористы-анархисты, один из которых застрелил в 1900 г. короля Умберто I. Новый король Виктор-Эммануил III вынужден был сменить внутривнутриполитический курс на менее жесткий. В начале XX в. пост-премьер-министра не раз занимал левый либерал Джолитти, проводивший либеральный курс, подобный курсу Ллойд-Джорджа в Англии. Политика его кабинета была направлена на улучшение положения трудящихся классов. В поисках установления социального мира Джолитти был готов допустить к власти оппозиционные силы, в том числе и социалистов, предлагая им войти в правительство. Как раз в начале 1905 г., когда в России началась революция, проведя успешную политическую рокировку, Джолитти, в итоге внеочередных парламентских выборов, сумел остаться у власти.

"Правительство г-на Джолитти сумело в ходе последних выборов оказать противодействие поднимающемуся морю анархии", - писал по-французски министру Ламздорфу в Петербург из Рима временно поверенный в делах, консервативно настроенный царский дипломат А.Крупенский. И добавлял в постскриптуме: "Заместитель министра иностранных дел в момент, когда я запечатывал донесение, просил меня передать Вашему Сиятельству, что "г-н Титтони [бывший в тот момент одновременно министром иностранных и внутренних дел в правительстве Джолитти - В.Л.] дал решительный и недвусмысленный ответ на запрос по поводу Максима Горького [арестованного и находившегося тогда в Петропавловской крепости. - В.Л.] и событий в Петербурге"².

В отправленном в тот же день другом донесении Крупенский констатировал, что среди арестованных в Санкт-Петербурге "пользуется особенною симпатиею за границую Максим Горький, сочинения которого переведены на итальянский язык". В Риме по примеру других стран образовался комитет в защиту Горького "под председательством члена Палаты, заседающего на крайне левой стороне, князя Сципиона Боргезе". На том же заседании Палаты министр иностранных дел был запрошен депутатами-социалистами Турати и Биссолати, считает ли он своей обязанностью довести до сведения императорского правительства, что "вся Италия глубоко возмущена петербургскими изверствами"? На этот запрос Титтони "прямо отказался отвечать" и "вызвал этим шумные протесты, которым, однако, вмешательство председателя Палаты положило конец"³.

"Петербургские стачки и беспорядки, которые привели к вооруженному столкновению толпы с войсками, произвели в Италии, как и везде за границую, сильное впечатление", - констатировал Крупенский. - "Нельзя отрицать, что чувство человеколюбия играло некоторую роль в сострадании здешнего населения к жертвам петербургской стачки", но, по мнению царского дипломата, "в сущности, симпатия эта главным образом напускная". В ней выразилась общность целей всех недовольных и революционных элементов Европы, которые воспользовались этим удобным случаем для пропаганды своих разрушительных теорий"⁴.

Далее давалась более откровенная оценка отношения в Италии к расстрелу демонстрации рабочих на Дворцовой площади и последующим событиям. Дипломат вынужден был признать "сочувствие народонаселения к убитым рабочим, число которых было неимоверно преувеличено в здешних органах печати". Неприязнь к России "выразилась в самой неприличной форме не только на улице, но и, что знаменательнее, в стенах самого парламента", писал он⁵. При этом Крупенский ссылался на донесение от 13/26 января 1905 г. бывшего посла в Риме князя Урусова, который в начале 1905 г. был назначен на новое место службы в Вену (пост посла в Риме получил бывший министр юстиции царского правительства Н. Муравьев⁶). Урусов сообщал, что "при чествовании памяти подвижников Итальянской революции республиканский депутат Мирабелли предложил послать приветствие русскому народу", борющемуся с опасностью для жизни за свободу. "При этом названный депутат возымел смелость выразиться о государе императоре в словах, которые мне не полагает передавать", - смущенно замечал Крупенский, приложив к своему донесению газетную вырезку, с описанием названные сюжеты⁷. Манифестации в поддержку русской революции проходили "почти во всех городах Италии", писал он. В Риме в последнее воскресенье по инициативе "официозной" газеты "Трибуна" была устроена многочисленная процессия, которой руководили радикальные депутаты. Полиция и войска не допустили кровопролития. Во время манифестации корреспондент газеты "Русь" Амфитеатров от имени русских либералов поблагодарил "римский народ за красноречивую демократию и за симпатии", и эти его слова "были встречены громкими рукоплесканиями", отмечал Крупенский⁸.

Уже в конце 1905 г. посол Муравьев с большой озабоченностью сообщал о появившемся в итальянской печати воззвании "по поводу совершающихся в России кровавых событий", хотя дипломат максимально постарался сгладить его звучание. Манифест вышел за подписью "17 сенаторов, 38 депутатов и 10 других членов римского общества", среди них были известные люди, "деятели самых разнородных положений и политических взглядов". Так итальянское общество отреагировало, в частности, на устроенные черносотенцами еврейские погромы в России. Посол цитировал воззвание в "близком переводе" и приводил такие высказывания его составителей: "Взволнованная Италия присоединяет свой голос к всеобщему крику протеста против смертоубийств, которыми обграна русская империя...", или: "всевозможные избиения, повредившие великому русскому народу более, чем его военные неудачи [имелись в виду итоги русско-японской войны. - В.Л.], ...горестно поражают всякого, в ком еще живо чувство взаимного единения людей". "Разделяя протестующее возмущение всего цивилизованного мира против свирепого преследования русских евреев, вся Италия, без различия религиозных, политических и социальных убеждений, в единодушном страдании за оскорбленное человеколюбие, осуждает страшные убийства, напоминающие о самых жестоких в истории заблуждениях"⁹. В воззвании недвусмысленно

звании недвусмысленно отразилось отношении части итальянской элиты к событиям в России 1905 г. Еще более резко действия царского режима осуждались представителями контрэлиты, деятелями находившегося в Италии в начале века на подъеме рабочего и социалистического движения.

Как отмечалось в итоговом документе российского МИДа о событиях 1905 года, в Италии в тот год правительству пришлось "стать лицом к лицу с рабочим движением, выразившемся всеобщей стачкою железнодорожных служащих". Благодаря, однако, осознанию правительством всей опасности забастовки и решимости "прекратить ее всеми имеющимися средствами, последняя продолжалась всего лишь пять дней". Отметим, что эта стачка вошла в историю, став родоначальницей такого известного во всем мире явления, как "забастовка по-итальянски" - бастующие железнодорожники начали скрупулезно выполнять положенные по инструкциям предписания, в результате страна оказалась на грани транспортного паралича.

Позднее, весной 1906 г., революционное брожение в Италии усилилось. Как доносил в Петербург Муравьев, после первомайских демонстраций с требованием установления в стране 8-часового рабочего дня, в Турине, Болонье, Флоренции, Генуе, Милане, Риме прошли манифестации с участием десятков тысяч рабочих. Им противостояла полиция, в результате произошедших столкновений было немало раненых, в стране нарастало массовое недовольство¹⁰. Были случаи, когда в Италии арестовывали русских революционеров, связанных с местными анархистами, готовившими взрывы бомб¹¹. 17 мая было сформировано новое правительство Джолитти. В октябре 1906 г. в Неаполь из Америки прибыл "известный писатель Максим Горький", намеревавшийся прожить в Италии два-три месяца, замечал Муравьев. "Он принимает делегатов различных кружков и журналистов, которые затем помещают в газетах разговоры с ним о России и русских делах". По мнению посла, приезд писателя, популярного в Италии, мог стать поводом "для неизбежных манифестаций и агитации, но едва ли будет иметь серьезное общественное значение, особенно если не обращать на него никакого официального внимания". Через месяц посол сообщал о напряженной обстановке, вызванной в частности взрывами, устроенными анархистами в Риме — у кафе "Аранчо" и в храме Святого Петра¹².

В начале следующего, 1907 г., посол с тревогой писал, что "под влиянием внутривнутриполитических событий в России и в виду предстоящих выборов в Государственную Думу, в Италии появляются во множестве разнообразные", с его точки зрения, "неосновательные и по большей части враждебные императорскому правительству сведения о положении и ходе наших дел". В распространении таких сведений обвинялись петербургские корреспонденты газет "Трибуна" и "Коррьере делла сера" Г. Пардо и А. Альбертини. "Не говоря уже о злостных и явно клеветнических сообщениях, помещаемых в таких чисто еврейских органах, как миланский "Секоло" или крайних социалистических газетах, как "Avanti" (под псевдонимом Ивана Кирдецова), "Azione" (Ивана Сазонова) и других", - добавлял Муравьев. Недавний арест в Петербурге итальянских подданных Каффи и Левина, а также "несомненно, фантастические рассказы о пытках, которым подвергаются в России политические арестанты (в Риге и других городах) послужили поводом к целому потоку печатных нареканий на "русские ужасы и жестокости". Посол считал невозможным, да и едва ли нужным "предпринимать официально что-либо против подобного явления, естественного и неизбежного при здешней свободе печати и нынешнем ее настроении"¹³.

"Но главным центром агитации против нас, - продолжал российский посол в Риме, - сверх пресловутых конференций, неутомимо странствующей по Италии Ангелики Балабановой, являются все-таки русские-выходцы революционеры, которые группируются теперь вокруг имени и личности Максима Горького и пользуются покровительством и помощью итальянских социалистов". "Горький, выставляемый чуть ли не заграничным главою русского революционного движения и приверженцем так называемых "максималистов", продолжает в полном довольстве проживать на острове Капри, предается литературным занятиям, а вместе с тем принимает многочисленных посетителей и очень охотно играет роль "учителя", к которому едут на поклонение и из любопытства. Недавно к нему присоединился его единомышленник писатель Леонид Андреев". После того, как префект Неаполя Караччоло запретил представление в городе пьесы Горького "Дети солн-

ца", этот спектакль удалось устроить в Салерно. Горький обратился с манифестом к итальянскому народу, в котором он с "безграничным самомнением" благодарит итальянцев за гостеприимство, "превозносит русских революционеров и попутно в нескольких строках совершает настоящее оскорбление Величества", что, как считал Муравьев, "несомненно, заслуживает внимания властей при ожидаемом возвращении Горького в Россию"¹⁴.

На подъеме революционного движения в стране оказывали влияние известия, приходившие из России. Как сообщал посол, 14/27 января 1907 г. "римские социалисты ... организуют собрание в публичной зале" на улице Марморелле для того, чтобы "ознаменовать воспоминание о петербургском красном воскресении" (domenica rossa), т.е., о 9 января 1905 года". Горького настоятельно просили председательствовать на этом митинге, но он, как послу о том передал министр внутренних дел, "предусмотрительно уклонился". "Пусть поболтают и покричат в четырех стенах, а на улицу мы их не пустим", прибавил Джолитти не без злорадной насмешки над социалистами, которых он имеет основание считать и личными своими врагами", - подчеркивал Муравьев. К донесению прилагался итальянский текст горьковского "Манифеста к итальянцам" от 5 января 1907 г. Русский писатель обращался к "демократической Италии", где "свобода есть синоним моральной красоты", приветствовал итальянский пролетариат и "друзей социалистов"¹⁵.

Итальянские власти были настолько напуганы возможными революционными выступлениями масс, что запретили в 1907 г. первомайские демонстрации. Социалисты отреагировали на это раздраженно, сообщил российский посол. "30 мая в Палате депутатов Турати - глава реформистов", даровитый миланский депутат, обратился к премьеру с энергичным запросом по поводу сделанных им распоряжений, посчитав их "посягательством на гражданскую и личную свободу". "Джолитти отвечал очень твердо, ссылаясь на закон о публичной безопасности ... дающий властям право не допускать на улицах и площадях сборищ, опасных для общественного порядка". Джолитти при этом заявил, что "в последнее время в манифестациях рабочих и социалистов большая часть принадлежит к сброду тунеядцев, бродяг и мальчишек буйного поведения". "Что же до упомянутого в речи Турати приезда Горького на празднование 1 мая", то, с удовлетворением заключал Муравьев, "Джолитти не без остроумной иронии заметил, что такому талантливому и знаменитому писателю будет гораздо приличнее и приятнее показаться публике в каком-либо закрытом помещении, где-либо в зале, чем на улице, среди бушующей толпы". "Социалистические депутаты сильно пошумели и поспорили с министром, но Палата, а за нею и печать приняли его заявление весьма сочувственно и одобрительно". Горький, по сведениям посла, только что объявлявший себя больным, отправился в Копенгаген и Англию для участия в "конгрессе русских революционеров"¹⁶.

Цитированные документы позволяют выявить политические позиции российских дипломатов, отношение итальянцев к бурным событиям первой русской революции. Сановные дипломаты предстают здесь как люди консервативно настроенные, глубоко преданные самодержавию, симпатизировавшие правившим в Италии политикам, представлявшим традиционную аристократию и крепнущий слой богатых предпринимателей и, напротив, враждебно относившимся к итальянским социалистам и революционерам, отражавшим интересы трудящихся масс. Эти, как и многие другие пока неопубликованные документы отечественных архивов отражают не только интереснейшие факты и события, увиденные глазами их современников, но и помогают выявить глубинные тенденции, проявившиеся в начале XX в. и оказавшие заметное влияние на дальнейший ход европейской и мировой истории.

1 Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Фонд 133 (Канцелярия МИД). - Д. 105. - Л. 101. Крупенский - Ламздорфу. Rome, le 22 Janvier / 4 Fevrier 1905. Телеграфное донесение. Карандашные пометки царя.

2 АВПРИ. Ф. 133. Д. 105. Л. 104.

3 Там же. Л. 107.

4 АВПРИ. Ф. 133, 1905 г., д. 105, л. 105.

5 Там же. Л. 105 об.

6 Среди полученных им от царя прямых инструкций было указание "поддерживать в итальянском

- 7 Там же. Л.105 об.
8 Там же. Л.106 об.
9 Там же. Л.320.
10 АВПРИ, Ф.133. Д.120. Лл. 103-119.
11 Там же. Л. 142.
12 Там же. ЛЛ. 255-256, 261-263.
13 АВПРИ, Ф.133. Д.109. ЛЛ 3-5.
14 Там же. Л. 7.
15 Там же. ЛЛ. 3-9.
16 Там же. ЛЛ. 128-132.

В.Р. Филиппов

ШИРОКОГОРОВ – НАШЕ ВСЁ...

Работа С. Широкогорова "Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений" написана в самом начале 20-х годов минувшего столетия, рекомендована к печати постановлением восточного факультета Дальневосточного университета 5 сентября 1922 года, опубликована же в виде монографии в 1923 году в Шанхае (обозначена как отдельный оттиск из "Известий восточного факультета Государственного дальневосточного университета")¹.

Континуум мнений относительно этого теоретического исследования столь широк, а суждения о нем столь противоречивы, что вопрос о его месте в отечественной этнологической науке заслуживает, как мне кажется, специального рассмотрения.

К вопросу об историческом приоритете С. Широкогорова в теории "этноса"

Нет нужды специально останавливаться на этимологии слова "этнос" и на обстоятельствах его включения в терминологический арсенал нашей науки. Отметим только, что в конце XIX в. Л. Морган использовал производное от него прилагательное для обозначения ранней стадии в истории человечества, А. Бастиан для обозначения историко-культурных провинций, Ж. Ляпуж для фиксации культурных единиц. Наконец, на рубеже XIX и XX вв. близкую к современному примордиалистскому пониманию трактовку этнической терминологии дал французский антрополог Ж. Деникер, который под "этническими группами" понимал "народы", "нации", "племена", отличающиеся друг от друга, прежде всего, языком, образом жизни и поведением².

Что касается отечественной научной традиции, то здесь первенство использования термина "этнос" для обозначения объектов этнографических исследований принадлежит Н. Могиланскому³.

Кроме того, нужно иметь в виду, что в 1913 году вышла большая теоретическая статья И. Сталина "Марксизм и национальный вопрос", в которой он предложил не только свое определение нации, но и свою теорию этого феномена. Советские этнографы в поисках теоретико-методологических оснований собственных исследований в то время предпочитали не замечать того факта, что "И.В. Сталин давал определение вообще-то не этнической общности"⁴, хотя и отнюдь не склонялся к западной традиции употребления термина "нация" в сугубо статистическом смысле. В какой мере можно считать оправданными апелляции этнологии к сталинскому определению нации – этому вопросу мы предпочитаем посвятить специальную статью. Как бы то ни было, "советская теория этноса" выстраивалась в большой степени на таком понимании сути этнических феноменов, при котором "нация" трактовалась как историческая форма существования "этноса", и распространяла названные И. Сталиным признаки "нации" также на иные стадийные формы (якобы!) этнических общностей. Вряд ли можно с уверенностью говорить о том, что С. Широкогоров был знаком с творчеством И. Сталина, однако у нас нет оснований для того, чтобы настаивать на обратном. Более

того, сталинское определение "нации" формировалось под сильным впечатлением от дефиниций, данных ранее этому феномену К. Каутским и О. Бауэром⁵, а работы этих известных австромарксистов вполне могли быть известны С. Широкогорову.

Наконец, нужно иметь в виду, что в это время уже вполне отчетливо сформилась иная интеллектуальная традиция, в определении этнических феноменов акцентировавшая внимание на *субъективной идентичности* индивидов.

В работе М. Вебера "Хозяйство и общество", вышедшей в свет в 1922 году, специальная глава посвящена отношениям этнических общностей. М. Вебер предлагал считать таковыми "те человеческие группы, которые разделяют субъективную веру в общее происхождение из-за сходства по физическому типу, или обычаям, или по тому и другому вместе, или из-за общих воспоминаний о колонизации и миграции"⁶. В России, в словаре бр. Гранат, была опубликована статья "Национальный вопрос", принадлежавшая перу М. Ковалевского. Он полагал, что "национальность... сказывается в чувстве взаимного тяготения, то есть в области не экономической и не политической в строгом смысле слова, а в области народных чувствований и желаний, то есть явлений психологического порядка"⁷.

Таков был концептуальный фон появления теории этноса С. Широкогорова. Вместе с тем, необходимо отметить, что его труд был, безусловно, первой в мировой науке серьезной попыткой всестороннего, цельного и, как считал сам его автор, – системного осмысления этнических феноменов.

К сожалению, вопрос об историческом первенстве теории этноса, в силу ряда субъективных обстоятельств, приобрел несколько скандальное звучание, и ответ на него многим представляется весьма неоднозначным. Всё дело в том, что вследствие сугубо идеологических причин исследование С. Широкогорова было искусственно отторгнуто от советской этнографической науки, но, при всем том, оказало на становление "советской теории этноса" пусть латентное, но очень заметное, если не сказать решающее, влияние. Признание исторического приоритета концепции С. Широкогорова для многих известных, как уже ушедших, так и ныне здравствующих российских ученых означало бы умаление их собственной роли в науке, а потому возвращение интересующего нас труда в отечественную этнологию связано с известным интеллектуальным противодействием.

По понятным причинам, те, кто считал и считает себя причастным к сотворению "советской теории этноса" или же претендует на собственную концептуализацию этнического, оценивают роль С. Широкогорова в становлении отечественной теоретической этнологии более чем скромно.

Как известно, введение в научный оборот советской этнографической науки концепции С.М. Широкогорова многие исследователи связывают с выходом в свет в 1973 году известной работы Ю. Бромлей "Этнос и этнография". Е. Ревуненков и А. Решетов, в частности, пишут по этому поводу: "В отечественной этнографии имя С. Широкогорова в связи с теорией этноса долгое время вообще не упоминалось. Впервые взгляды ученого на проблему этноса были замечены только в 1970-1980-е гг. Ю. Бромлей уважительно упомянул имя С. Широкогорова среди первых исследователей этой важнейшей для этнографии проблемы"⁸.

В названной выше работе Ю. Бромлей (фактически она была первой теоретической монографией, в которой, в агрегированном виде, была изложена "советская теория этноса") об интересующем нас авторе было сказано немного: "В научной литературе на русском языке эпизодическое упоминание термина "этнос" для обозначения объекта этнографических исследований относится еще к началу XX в. Не случайно введение в международный научный обиход термина "этнос" обычно связывается с русской наукой, в частности, с именем С. Широкогорова..."⁹. В другой работе Ю. Бромлей заметит, что теория этноса С. Широкогорова "оставалась у нас долгое время неизвестной и, уже поэтому, не могла оказать влияние на внедрение термина "этнос" в этнографическую литературу"¹⁰.

Правоммерно задать вопрос: почему же солидный теоретический труд (а их в отечественной этнографии к тому времени было совсем не много!) оказался замеченным лишь после того, как о нем мимоходом и несколько покровительственно отозвался "главный этнограф" страны? (Напомним, что академик Ю. Бромлей многие годы был директором Института этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР).

ром Института этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР).

Ответ на этот вопрос вполне очевиден. С. Широкогоров был эмигрантом, "буржуазным ученым", а потому в условиях доминирования марксистско-ленинской (а проще говоря, сталинской) теории нации апеллировать к его теоретическим конструкциям было неразумно, а в известные годы, может быть, и небезопасно. И в этом смысле, упоминание в начале 70-х годов имени С. Широкогорова в позитивном контексте "генералом от этнографии" как бы снимало идеологическое табу с его теоретического столкновения феномена "этнос". Но широкогоровская теория не только поэтому несколько десятилетий оставалась невостребованной в советской этнографии. Предпослать собственной концептуализации "этноса" серьезный историографический анализ труда С. Широкогорова означало бы для многих советских этнографов подвергнуть сомнению новизну своего методологического кредо. Вероятно поэтому, многих устраивала версия, согласно которой ознакомиться с трудами опального этнографа в нашей стране было невозможно, а посему оказать сколько-нибудь заметное влияние на "советскую теорию этноса" он никак не мог.

Умолчание было достаточно надежным способом отстоять изначальную идеологическую девственность "советской теории этноса", убедить себя и научное сообщество в том, что сущностное определение базового для дисциплины понятия стало результатом коллективных или персональных усилий советских ученых. А Элез по этому поводу замечает: "По мнению В. Козлова, "по существу первая за многие годы попытка вывести понятие этнической общности в нашей литературе была сделана С.А. Токаревым в статье "Проблема типов этнических общностей" ¹¹. Верно это утверждение, или нет, зависит от того, какие "многие годы" имеются в виду, а также от того, считать ли публикации С. Широкогорова по теории этноса... "нашей литературой" ¹².

Влияние труда С. Широкогорова на разработку "советской теории этноса" подвергают сомнению и по сей день, даже теперь, когда надобность в этом, казалось бы, отпала. С. Рыбаков, отмечая *"внешнее сходство подходов при формировании дефиниции"* С. Широкогорова и Ю. Бромлея, тем не менее, считает, что *"в любом случае вряд ли было бы обоснованным считать С. Широкогорова непосредственным предтечей и духовным отцом-основателем отечественной теории этноса"*. Дело, по мнению С. Рыбакова, заключается *"даже не в спорности научно-теоретической позиции собственно С. Широкогорова и не в том, что советская теория этноса строилась на совершенно ином методологическом фундаменте, а в большей части в том, что работа была написана в эмиграции, в Китае 1920-х гг."* и потому *"она осталась на обочине магистрального пути развития отечественного обществоведения и вплоть до ее поднятия из забвения Ю. Бромлеем просто не могла оказать серьезного влияния на процесс разработки в нашей стране теории этноса"* ¹³. Весьма схожую точку зрения высказывает А. Решетов, который считает, что *"в советской этнографической науке устоялись совершенно другие, однозначно понимаемые и не подлежащие дискуссии представления об этносе и его типологии, совершенно отличные от концепции С. Широкогорова"* ¹⁴.

Что касается *"внешнего сходства"* в формулировке дефиниции этноса, то нужно иметь в виду, что речь не идет о случайной "похожести" определений. Речь идет о методологической тождественности трактовки базового для теоретической этнологии понятия этноса. А именно – о понимании этноса как примордиального устойчивого социального феномена, обладающего набором имманентных для него характеристик. Это и стало для советской этнографии камнем преткновения. И в этом контексте неубедительной представляется мысль о том, что *"советская теория этноса"* строилась на совершенно ином теоретическом фундаменте, или утверждение о том, что для советских этнографов были характерны иные, нежели у С. Широкогорова, представления об этносе. Это и так, и не так. В работе С. Широкогорова удивительным образом сочетаются разные методологические подходы и интерпретации этнических феноменов, что дает повод судить о ее значительном влиянии на более поздние теоретические построения, даже в том случае, если их авторы сами позиционировали себя в качестве концептуальных антагонистов (как, например, Ю. Бромлей и Л. Гумилев).

Примечательно, что А. Элез, посвятивший свой труд анализу концептуализации этнических феноменов в работах целого ряда авторитетных представителей отечественной

этнологии, не стал специально останавливаться на работе С. Широкогорова. И не потому, что посчитал его исследование не значимым или не оригинальным. Напротив, он не стал рассматривать "работу С.М. Широкогорова, ибо по существу то самое понятие этноса, которое сформулировано в ней, получило впоследствии более развернутое определение, в котором, с несущественными вариациями, увязла вся советская этнология и на котором мы и предпочли сосредоточить свое внимание, не видя смысла в специальном рассмотрении части определения, когда так или иначе придется рассматривать его целиком"¹⁵.

По существу, весьма схожее, но менее полемичное признание исторического приоритета С. Широкогорова в разработке теории этноса мы встречаем у Р. Итса, который, в своем учебном пособии констатировал, что *"современное определение этноса как группы людей, связанных единством своего происхождения и общности культуры, включая язык, является практически общепризнанным и в значительной мере восходит к определению, данному еще в 1923 году С. Широкоговым"*¹⁶. А. М. Крюков полагает, что именно работы С. Широкогорова заложили *"основы изучения теории этноса в нашей стране"*¹⁷.

Теперь – по поводу того, что касается недоступности труда С. Широкогорова для советских читателей. В 1991 году мы с Е. Филипповой, будучи аспирантами, затеяли экспертное исследование, призванное оценить глубину методологического кризиса в отечественной этнологии. Мы адресовались с вопросом о том, кто из отечественных ученых вправе претендовать на создание собственной теории этноса, к самым авторитетным представителям нашего "цеха". Тогда ответ Г. Маркова прозвучал для нас как откровение: "То, что в горах испанской по этому поводу бумаги заслуживает хотя бы какого-то внимания, имеется в отсутствующих в библиотеках СНГ работах С.М. Широкогорова. Все остальное – игра слов и придумывание нелепых терминов. Все это ничего общего не имеет с фундаментальной наукой"¹⁸. Теперь автор совершенно солидарен с этой оценкой достижений "советской теории этноса", однако то, что работы "шанхайского сидельца" отсутствовали в отечественных библиотеках, представляется нам известным преувеличением.

Многие российские исследователи свидетельствуют, что труд С. Широкогорова был вполне доступен для рядового читателя. А. Решетов, полемизируя с точкой зрения, согласно которой интересующая нас "книга в СССР была изъята из открытого пользования и помещена в спецхран", настаивает на обратном. "В действительности «Этнос» С. Широкогова никогда не изымался из библиотек Ленинграда и Владивостока, куда сам автор посылал единичные экземпляры этой книги"¹⁹. А. Елез свидетельствует, что теоретические работы С. Широкогорова *имелись в библиотечном фонде СССР*²⁰.

С. Широкогорова не запрещали. Об этом свидетельствует, прежде всего, тот факт, что наиболее известные концептуалисты того времени хорошо знали его труд и даже высказывали по поводу теоретических воззрений автора собственные соображения. К сожалению, некоторые наши теоретики, во многом воспроизводившие в своих трудах не только определение этноса, но и основные положения концепции С. Широкогорова, считали своим долгом в лучшем случае лишь благожелательно (хоть и несколько свысока) отозваться о его работе. Не более того. Ни серьезного критического анализа основных теоретических положений своего предшественника, ни апелляции к ним при конструировании собственных теоретико-методологических схем.

Ю. Бромлей, в частности, вполне позитивно оценивает творчество С. Широкогорова: "Особенно много сделал в те же годы для разработки теории этноса русский этнограф С. Широкогоров, с именем которого обычно связывают первые фундаментальные шаги в создании этой теории... он попытался наметить типологические признаки этноса... дал обстоятельную характеристику понятия "этнос", учитывая объективные и субъективные факторы"²¹. Но ни слова о том, что методологически собственное бромлеевское определение этноса фактически воспроизводит определение, данное этому феномену полстолетия назад. Лишь высокомерное "попытался наметить...". Да и выражение "с именем которого обычно связывают..." звучит весьма двусмысленно.

Л. Гумилев, отдавая должное своему предшественнику, признавал, что *"первая общая концепция этноса как явления самостоятельного, а не вторичного принадлежит С. Широкогову"*²². Однако при этом Л. Гумилев категорически отрицал преемственность между теоретическими построениями Сергея Михайловича и многими собственными положи-

Впрочем, среди советских этнографов, писавших о теоретических проблемах этнологии (этнографии), были и такие, которые или не знали С. Широкогорова, или делали вид, что не знали, и вообще не считали за благо ссылаться на опальный концептуалиста.

Как нам представляется, исследование С. Широкогорова, опубликованное в начале минувшего столетия, предвосхитило развитие отечественной этнологии почти на сто лет вперед и, как это ни парадоксально, обусловило глубокий теоретико-методологический кризис "советской теории этноса" в конце века. Практически все отечественные этнографы, претендовавшие на собственную концептуализацию "этноса" и "этнических" процессов в советские годы, в большей или меньшей степени лишь воспроизвели многочисленные и разнообразные теоретические построения этого ученого. Генерализация в его труде категории этноса и попытка описать его в совокупности биологических и социологических понятий привели к тому, что рассматриваемая теория "этноса" стала отправной точкой (признанно или непризнанно) более поздних, по существу антагонистических интерпретаций данного феномена.

При этом одни исследователи полагают, что "концепция этого автора по своей сути должна быть, наверное, включена в рамки так называемой "биологической" (или "естественно-научной") парадигмы этноса, хотя и констатируют при этом тот факт, что "сама дефиниция (этноса — В.Ф.) и по форме, и по содержанию своему очень похожа на последующие определения этнической общности, предложенные нашими учеными в 1960 — 1980-х гг." (С. Рыбаков)²³. Другие отмечают концептуальный дуализм рассматриваемой теории, замечают, что социологическое понимание этноса у С. Широкогорова "удивительным образом сочетается с причислением этой общности к биологическим" (Ю. Бромлей)²⁴ и говорят о "социобиологическом понимании этноса" в работах С. Широкогорова (Н. Кошаров)²⁵, о том, что "термин биологический в концепции С. Широкогорова очень неоднозначен... и устойчивый стереотип восприятия... замечательного исследователя касается только одной, и даже не самой важной стороны его концепции"²⁶. Третьи и вовсе не принимают обвинений в биологизаторстве в адрес С. Широкогорова и настаивают на том, что "такое впечатление может создаться только при поверхностном чтении трудов С. Широкогорова" (Е. Ревуенков, С. Решетов)²⁷; утверждают даже, что "С. Широкогоров... считал, что этнос — не биологическое понятие..." (С. Лавров)²⁸. Такой калейдоскоп мнений может свидетельствовать только о неоднозначности и противоречивости рассматриваемой концепции.

Биологические интерпретации "этноса" и "этнических" процессов в теории С. Широкогорова

Нам причисление рассматриваемой концептуализации этнических феноменов к числу социобиологических не представляется беспочвенным. Вместе с тем, именно биологические интерпретации выпадают в теории С. Широкогорова наименее продуманными и наиболее уязвимыми для критики.

С одной стороны, С. Широкогоров считал, что "этнология есть наука об этносе, как форме, в которой развивалось и живет человечество", что "этнология, как и биология, открывает законы жизни человека, как вида..."²⁹. Этнос рассматривается им как "форма, в которой происходит процесс создания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству, как виду, существовать"³⁰. (Здесь справедливо говорится о человеке как биологическом виде, но вместе с тем присутствует голословное, ничем не подтвержденное, утверждение о том, что "этнос" представляет собой форму существования этого вида). По мнению С. Широкогорова, в основе жизни каждого этноса лежат "причины чисто биологического свойства" и "по сравнению с другими видами животных, человечество существует и приспосабливается в борьбе за существование... при помощи своих особенно развитых умственных способностей". Он уверен в том, что "с биологической точки зрения, ум человека — есть то же самое, что для тигра его мускулатура, зубы и когти... и, таким образом, этнографические явления нужно рассматривать как функцию биологическую"³¹.

С другой стороны, в предисловии к книге С. Широкогорова утверждает иное: "Рассматри-

вая этнос как вид, я не мог обойти молчанием этот вопрос в более широкой постановке..."³². Или ниже: "Каждый этнос приспосабливается к окружающей этнической среде, как он умеет. Поэтому любая форма существования для него... приемлема, если она обеспечивает ему существование, — или его жизни как *вида*"³³.

Так что же всё-таки соответствует биологическому виду в теории С. Широкогорова: этнос или человек (человечество)? Налицо странная терминологическая небрежность, отнюдь не свидетельствующая о ясности в понимании изучаемого феномена. Сравним умственные способности человека с зубами тигра, автор считает это совершенно достаточным для утверждения, согласно которому этнографические явления нужно рассматривать как функцию биологическую. Но какие явления считать "этнографическими" и на каком основании "этнографические явления" следует считать "биологической функцией"?

Чтобы понять, как отвечал на эти вопросы сам С. Широкогоров, необходимо вспомнить его определение этноса.

Итак, по мнению С. Широкогорова "этнос — есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп"³⁴. Содержательно и методологически это определение "этноса" обнаруживает чрезвычайное сходство с теми определениями этого феномена, которые мы встречаем в более поздних трудах советских этнографов.

Насколько правомерно утверждать, что именно это определение этноса лежит в основе наиболее известных и разделяемых советской этнографической наукой позднейших определений? Ведь хорошо известно, что многие годы для советских этнографов методологическим основанием для интерпретации этнических феноменов служили труды И. Сталина, который, в свою очередь, дал собственное определение "нации", которая с его точки зрения есть не что иное, как "исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры"³⁵. В данном контексте для нас не принципиально, что И. Сталин не употребляет термина "этнос" и отвергает признание категории нации категорией этнографической. Для нас в данном случае важно, что советские этнографы интерпретировали сталинское определение нации как определение стадийной формы этнической общности и экстраполировали названные признаки нации на этнос вообще. (Напомним, что намного позже И. Сталин, полемизируя с Н. Марром, в статье «Марксизм и вопросы языкознания» опишет эволюцию языков, их «развитие» от «родовых» к «племенным», к «языкам народностей» и, наконец, к «национальным языкам». Каждая стадия в развитии языков в его понимании жестко соответствовала той или иной общественно-экономической формации³⁶. Сразу после выхода в свет упомянутой работы И. Сталина С. Токарев и Н. Чебоксаров опубликовали статью «Методология этногенетических исследований на материалах этнографии в свете работ И. Сталина по вопросам языкознания»³⁷, в которой речь шла уже не о стадиях развития языков, а о стадийности в развитии этнических общностей (род, племя, народность, народ, нация) и о соответствии этих стадий стадиям развития общества).

В дальнейшем определение этноса не поражали воображение читателей своим разнообразием. С. Токарев определил этническую общность как "общность людей, которая основана на одном или нескольких из следующих видов социальных связей: общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если последняя сохраняется)"³⁸. Вслед за своими предшественниками, В. Козлов объявил, что "основными признаками этнической общности являются этническое самосознание и самоназвание, язык, территория, особенности психического склада, культуры и быта, определенная форма социально-территориальной организации или стремление к созданию такой организации"³⁹. И, наконец, Ю. В. Бромлей предложил свое, ставшее почти на два десятилетия каноническим, определение интересующего нас феномена: «Этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других

подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»⁴⁰.

При некоторой разнице формулировок, по сути, речь идет об одном: этнос, это – объективно существующая общность людей (группа людей, совокупность людей), обладающая некоторыми объективными и субъективными признаками (их набор также, по большей части, совпадает). В контексте нашей темы не очень существенно, чей труд – И. Сталина или С. Широкогорова – оказал на концептуализацию «этноса» в советской и постсоветской этнографии (этнологии) решающее воздействие. В данном случае важно обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, все названные выше определения этноса методологически ущербны и не позволяют раскрыть сущность данного феномена. Перечисление «объективных» признаков в определении этноса было результатом того, что под «этносом» понималась совокупность различных социальных общностей со своими, имманентными для этих общностей, признаками. Именно поэтому вычленил собственный, имманентный именно для «этноса» признак не смог ни один исследователь. В качестве такового назывался субъективный признак – «этническое самосознание», но и в этом случае сохранялся отмеченный А. Элезом⁴¹ «порочный круг» в определении понятия: «этнос» нельзя определить, не определив «этническое самосознание», а «этническое самосознание» нельзя определить, не определив «этнос». Как констатировал С. Чешко, «все перечисленные атрибуты этноса представляют собой самостоятельные социальные явления. «Сложить» же их и получить в результате «этническое» явление не получается»⁴². В этом состоит суть неудач всех (и прежде всего – С. Широкогорова) примордиалистских интерпретаций «этноса» и «этнического самосознания». (Отметим в скобках, что столь же непродуктивными оказались и попытки конструктивистского истолкования «этничности» и «этнической идентичности». Но это – сюжет для отдельной статьи).

Во-вторых, несмотря на заявленное понимание этноса как *биологического* вида, в определении этого феномена С. Широкогоров называет исключительно *социальные* характеристики интересующей его общности. В этом контексте особенно сложно понять, какие явления следует считать «этнографическими» и почему их нужно считать «биологической функцией».

Понять это сложно еще и потому, что, предложив свое определение этноса, С. Широкогоров лишь отчасти использует его тогда, когда речь заходит о принципах этнической диагностики, или классификации «этносов». Обратимся к тексту.

«Что же служит основой классификации этносов? Основую классификации служат: во-первых, *признаки антропологические* или соматические, то есть особенности строения тела – скелета и мягких частей – и окраска, признаки, бессознательно признаваемые самим этносом; во-вторых, *признаки этнографические*, т. е. комплексы обычаев и вообще уклад жизни и, наконец, в-третьих, *признаки лингвистические*, т. е. язык этноса»⁴³. Как мы видим, среди оснований классификации названы как биологические, так и социальные критерии.

С. Широкогоров отмечает, что «при более детальном изучении отдельных этносов и наций, хотя бы, например, французов, оказалось, что они являются смесью *нескольких антропологических типов*... Еще большую растерянность можно видеть в анализе антропологических материалов, относящихся к русским»⁴⁴. Но, как ни странно, это не приводит его к заключению о некорректности попыток классификации этносов посредством выявления антропологических признаков. (Очевидно, что если один и тот же признак представлен в различных группах, а внутри каждой группы этот признак представлен лишь у некоторой *части* ее членов, то этот признак не может быть основанием для выделения группы). Напротив, автор в данном случае выделяет по какому-то ему одному ведомым принципам группы (этнос, нацию), а затем устанавливает, какие антропологические типы в ней представлены. Более того, в учете распространенности тех или иных антропологических типов, представленных в «этносе», он видит способ выяснения генезиса группы. «Можно предположить, что несколько основных рас дали ряд производных, запутав прежние простые отношения, но не препятствуя существованию этносов... Смысл установления расовой принадлежности теперь начинает приобретать... значение метода исторического, устанавливающего происхождение этносов...»⁴⁵.

Вторым способом «различения и установления общности этносов» С. Широкогоров «счи-

тает классификацию по языкам, классификацию лингвистическую". Поэтому, полагает он, "первый вопрос, который задает себе исследователь, таков: *на каком языке говорит данный народ?* Установления одного этого факта иногда бывает достаточно для определения культурного места этноса"⁴⁶. Стоит обратить внимание на эту фразу. По признанию С. Широкогорова, ученый, приступая к изучению некоторой совокупности людей, не пытается идентифицировать в человеческом множестве "этнос" по его "признаку" — языку, а, напротив, уже зная, что он имеет дело с "народом", "этносом", посредством знания о его языке определяет "культурное место" народа. Место где? Вероятно, в существующей языковой классификации. Если бы язык был "признаком" этноса, то, напротив, именно он позволял бы установить место данной общности в искомой этнической классификации. Но таковой просто не существует.

Понимая, что практически все языки содержат в себе массу лексических и фонетических заимствований, С. Широкогоров и сам признавал, что "лингвистическая классификация, в смысле генезиса этносов, является далеко не всегда надежным методом"⁴⁷.

Третьим способом классификации этносов является, по мнению С. Широкогорова, классификация этнографическая. Здесь он предлагает "различить два метода: во-первых, классификация по *культурным циклам*, объединяющим этносы единого культурно, в разной или одинаковой мере воспринятой ими, и, во-вторых, *классификация по степени культурности*"⁴⁸.

Прежде всего, бросается в глаза то, что "этнографическая классификация" на самом деле представляет собой попытку культурной классификации. Но этнос и культура — это не одно и то же. Этничность (этнографичность) культуры вовсе не представляется бесспорной. Определяя объект этнографии, сам С. Широкогоров пишет: "Имея объектом наблюдения этнос, этнография изучает все проявления *умственной и психической деятельности человека*, т. е. 1) его *материальную культуру*, т. е. всю сумму его знания в области строительного искусства, одежды, питания и т. д.; 2) его *социальную культуру*, т. е. организацию общества, — государства, — и его органов, как семья, род и т. под.; 3) его *духовную культуру*, т. е. религию, науку, философию и эстетические искусства"⁴⁹. Обратим внимание — культуру человека, а не пресловутого "этноса"! И не этничность, а культуру! Тогда почему — этнография, а не культурология? Не культурная антропология? Почему априори подразумевается, что человечество разделено на "этносы", а культура приписана к последним? Почему речь идет не просто о культурном многообразии человечества, а о многообразии "этносов"?

Далее. Согласно приведенной цитате, некие "культурные циклы" могут объединять "этносы" единой культурой. Но, если культура едина пусть даже для нескольких этносов, то как на основе данного признака (критерия) можно идентифицировать *отдельные этносы*?

Оценивая в целом выделенные им самим способы классификации "этносов", С. Широкогоров приходит к пессимистическому выводу: "Попытки соединить классификацию антропологическую и лингвистическую, лингвистическую и этнографическую дали весьма несовершенные результаты... Классификации с антропологической, лингвистической и этнографической точек зрения до настоящего времени еще не дали возможность построить согласованную схему. Быть может, ввиду неустойчивости всех признаков и легкой заимственности их, этого и невозможно сделать вообще... Классификации, которые мы имеем, имеют значение провизорных классификаций, рабочих гипотез"⁵⁰. Как это ни странно, но эти абсолютно справедливые заключения не приводят автора к мысли о принципиальной несостоятельности попыток вычленения этноса по тому или иному набору неэтнических по своей сути признаков.

Важное место в биосоциальных конструкциях С. Широкогорова отведено проблеме взаимодействия территории, ландшафта, культуры и этноса. Размышления о причинах вдруг просыпающейся "мощи" этносов приводят его к такому выводу: "Если же данная территория, при данной культуре может прокормить данный этнос, то без изменения культуры он не может увеличивать свой состав"⁵¹. Примечательно, что территория, по мнению автора, кормит "этнос", а не людей, проживающих на данной территории. Как бы то ни было, трудно вообразить себе ойкумену, расчлененную на отдельные территории, которые, в свою очередь, гомогенно заселены "чистыми этносами". Очевидно, что почти на любой территории проживают

носители самых разных культурных ("этнических") идентичностей с различными культурами природопользования ("культурой жизнеобеспечения").

Надо отдать должное С. Широкогорову: в ряде случаев он пишет о населении территории (например, "чем интенсивнее используется территория, тем больше населения она может прокормить..."⁵²). Однако тогда, когда из этого абсолютно справедливого заключения он пытается вывести коэффициент этнического равновесия, он вновь возвращается к категории *этноса*. В силу этого, предложенные С. Широкогоровым мудреные формулы исчисления искомого коэффициента могут вызвать только улыбку. Кроме того, в формуле, например, фигурирует такой показатель, как "культурность этноса". Даже если допустить недопустимую мысль о возможности идентифицировать специфическую социальную общность "этнос", то пытаться выразить количественно степень его культурности — занятие и вовсе праздное, ибо нет способов применения метрических систем к феномену культуры. Нет объективного основания для квантификации феномена культуры, а значит, предложенная процедура нереализуема. В силу этого обстоятельства попытки автора предложить формулу измерения "импульса изменения культуры" не заслуживают специальной критики. Вульгарно-эволюционистская по своей сути мысль о возможности ранжировать культуры приоткрывает дверь расизму.

Впрочем, С. Широкогоров и не скрывает своих взглядов и вполне откровенно пишет о "связи некоторых психических и умственных качеств с антропологическими типами" как о "несомненной"⁵³. И даже более того — именно в выявлении такого рода связи он видит главную цель этнологии как науки наук: "Рассматривая этнографию и выводы ее с такой точки зрения, мы подходим к установлению связи между физическими свойствами человека, т. е. антропологией, и его умственной и психической жизнью, что дается нам, с одной стороны, этнографией, а с другой стороны, языкознанием. Это и есть наука, венчающая знание о человеке, — *этнология*"⁵⁴.

Различая таким образом этнологию и этнографию и пытаясь дифференцировать этнографию как науку об "этнотипе", С. Широкогоров начинает с рассуждения о проявлениях "человеческой культуры", но, так и не объяснив вразумительно, что же из этой культуры является предметом этнографии, вводит новое понятие — "культура этноса". Вместо того, чтобы дать сущностное определение этого феномена, он ограничивается тем, что, во-первых, указывает на его историческую динамику и, во-вторых, перечисляет совокупность элементов, его составляющих. "*Культура этноса складывается из явлений и элементов, имеющих по времени различное происхождение и значение, причем некоторые из них уже мертвы, другие умирают, третьи находятся в состоянии расцвета и четвертые только что родились...*" Культура каждого этноса или группы этносов состоит из сложного комплекса технических знаний, общественных институтов, суммы знаний научных и эстетических и религии"⁵⁵. Но из этого объяснения не ясно, что делает данные элементы культуры "культурой этноса". Стоит обратить внимание в этом контексте на то, что в определении появляется дополнение "... или (культурой — В.Ф.) группы этносов". С. Широкогоров вынужден сделать это дополнение, понимая, что тот или иной феномен культуры невозможно жестко "приписать" к тому или иному "этносу". При ближайшем рассмотрении все они выглядят более или менее универсальными. Но тогда что же служит доказательством их этничности?

Существование специфической социальной общности ("этноса") доказывалось указанием на совокупность культурных признаков, отличающих ее от всех прочих. Но оказывается, что эти же признаки присущи и иным "этносам", по крайней мере — входящим в "группу". Но тогда что дает основание для дифференциации "этносов" внутри "группы этносов"?

Интересен и вывод нашего автора из выявленной им взаимосвязи культуры, территории и количества населения: "уменьшение территории и утеря культурности при сохранении прежнего количества населения дает право заключить об "*этническом росте этноса*" или, в противном случае, об "*этническом вырождении этноса*"⁵⁶. Умозаключения эти понятны в той же мере, что и, допустим, тезис о морковном росте моркови или бухгалтерском вырождении бухгалтерии. Впрочем, это не совсем так: что такое морковь и что такое бухгалтерия, мы знаем наверняка...

Еще одну возможность сопоставления "этносов" в контексте развития их культуры

С. Широкогоров видит в изучении количественных характеристик этого феномена. Он полагает, что "этносты могут быть сравняемы, будучи приведены к одной шкале, и именно, количеству населения"⁸⁷. Прежде всего, неясно, количеству населения чего? Этноты? Отнесем это к небрежности формулировки и будем считать, что автор имел в виду численность "этноты". Но как определить последнюю, исходя из качественных признаков этого феномена, предложенных автором? Очевидно, что в этом гипотетическом сообществе число людей, субъективно осознающих "общность происхождения", будет одним, число людей сходных по "укладу жизни и обычаям", — другим и, наконец, число людей, знающих и использующих данный язык, — третьим. Вряд ли это нуждается в специальном обосновании. Какую же численность считать численностью "этноты"? При отсутствии специфического признака группы подсчитать ее численность невозможно, а значит, не стоит специально останавливаться на громоздких формулах "междуетнической валентности этноты"⁸⁸, предложенных С. Широкогоровым.

Наконец отметим, что отличительной чертой теории этноты, предложенной С. Широкогоровым, является онтологизация этого призрачного социального феномена. В его теоретических конструкциях "каждый этнос во имя своего существования стремится к сохранению равновесия, которое иногда достигается слабым развитием одних элементов за счет сильно развитых других"⁸⁹. Автор этих строк приписывает "этноту" способность осознания своего коллективного бытия, наличие коллективного разума, призванного регулировать те или иные "элементы" своей структуры, подразумеывая наличие единой воли и устремлений этой специфической общности. Но даже если и признать, вслед за С. Широкогоровым, само существование "этноты", то нужно согласиться, по крайней мере, с тем, что он не может быть однородным и будет состоять из самых разных классовых, социально-профессиональных, статусных, половозрастных и прочих групп, которые по определению не могут обладать единым целеполаганием, едиными интересами, единым видением желаемого "равновесия элементов".

Даже достаточно беглое рассмотрение основных концептов теории этноты С. Широкогорова свидетельствует о том, что в этой теории перемешались биологические и социальные интерпретации, естественнонаучные и социологические подходы к определению сути этого априорно вычленяемого биосоциального явления. Но ни те, ни другие не позволили корректно определить понятие. Предложенная С. Широкогоровым дефиниция этноты основана на перечислении социальных характеристик этой общности, а взаимодействие "этноты" с ландшафтом, его ("этноты") специфическая система жизнеобеспечения, взаимодействие между различными "этнотами" и проч. — всё это трактуется как проявление биологической природы этой специфической общности.

Как уже было сказано выше, всё то, что относится к попыткам биологических трактовок "этноты" и "этнических" феноменов, выглядит самым слабым, противоречивым и необидительным в работе С. Широкогорова. Позднее именно эти интерпретации позволили отлучить его труд от "советской теории этноты" и придать последней видимость концептуальной новизны. Но, как это ни странно, именно эти биологизаторские конструкции оказались имплицитно востребованы полвека спустя в известной работе другого известного автора, который в свою очередь претендовал на создание собственной всеобъемлющей и самодостаточной этнологической теории.

Биосоциальная концепция "этноты", разработанная Л. Гумилевым и традиционно воспринимаемая как интеллектуальная оппозиция "теории этноты" Ю. Бромлея, обнаруживает чрезвычайно заметное сходство со многими концептуальными построениями С. Широкогорова. (Отметим, что такое же, если не большее, сходство с теоретическими положениями С. Широкогорова обнаруживает и теория самого Ю. Бромлея, однако последний воспринял концепцию первого в другой ее части, а именно, — в интерпретациях этноты как общности *социальной* по своей сути).

На сходство теоретических воззрений С. Широкогорова и Л. Гумилева обратили внимание многие авторы. Е. Ревуненкова и А. Решетов отмечают "в высказываниях Л. Гумилева не просто удивительные совпадения, но почти дословные выражения критикуемого им С. Широкогорова"⁹⁰. Е. Данченко продемонстрировал преемственность взглядов этих ученых и пришел к выводу, что "С. Широкогоров был предтечей Л. Гумилева в области

теории этноса¹⁰¹. В. Кокшаров полагает, что Л. Гумилев *продолжил развитие идей*, сформулированных в начале XX века С. Широкогоровым¹⁰². А. Элез указывает, что из С. Широкогорова можно вывести не только "теорию" Л.Н. Гумилева со всем ее терминологическим блеском и понятийной нищетой, но и весь содержательно небогатый спектр последующих этнологических мудрствований¹⁰³.

Действительно, интерпретация С. Широкогоровым "этноса" как биологического явления, его положения, согласно которым это явление представляет собою то "процесс", то "систему" социальных и природных единиц, его идеи о связи "этноса" с территориями и ландшафтом, — всё это мы находим и в работах Л. Гумилева. Рассуждение С. Широкогорова о биологической "силе и мощности этносов" легко прочтываются в откровениях Л. Гумилева о "пассионарности этносов". Прямые аналогии с теорией С. Широкогорова вызывает тезис Л. Гумилева о четырех фазах развития этноса, о том, что "импульсы изменений" первого обнаруживают себя в "кривой этногенеза" второго и т. д.

Однако теории Л. Гумилева будет посвящена другая статья.

1 Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. (Известия Восточного Факультета Государственного Дальневосточного Университета. Вып. XVIII. Т. 1).

2 См.: Бромлей Ю.В. Теория этноса // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 41.

3 См.: Могиланский Н.М. Этнография и ее задачи // Ежегодник русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. СПб, 1909. Т. III; См. также: Крюков М. Мы, вы, они... // Знание — сила. 1985. № 3. С. 33; Бромлей Ю.В. Теория этноса. С. 41.

4 Элез А.И. Критика этнологии. М., 2001. С. 245.

5 Тахер Р. Сталин: Путь к власти: 1879—1929: История и личность. М., 1990. С. 148.

6 Указ. по: Бромлей Ю.В. Теория этноса. С. 42.

7 Ковалевский М.М. Национальный вопрос // Новый Вавилон. 1994. № 1. С. 37.

8 Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 108. См. также: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 22, 26; Бромлей Ю.В.: Очерки теории этноса. М., 1983. С. 10, 20.

9 Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. С. 22.

10 Бромлей Ю.В. К характеристике понятия "этнос" // Расы и народы. Т. 1. М., 1971. С. 10.

11 Токарев С.А. Проблемы типологии этнических общностей (К методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. Прим. А. Элеза.

12 Элез А.И. Указ. соч. С. 9—10.

13 Рыбаков С.Е. Философия этноса. М., 2001. С. 24—25.

14 Решетов А.М. С.М. Широкогоров: Китайский период жизни (1922—1939 гг.) // <http://www.lnru.spb.ru>

15 Элез А.И. Указ. соч. С. 6.

16 Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. — Л., 1991. С. 8.

17 Крюков М.В. Обсуждение статьи З.П. Соколовой // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 79.

18 Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Камо грядеши? // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 17.

19 Решетов А.М. Указ. соч.

20 Элез А.И. Указ. соч. С. 198.

21 Бромлей Ю.В. Теория этноса. С. 42.

22 Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1989. С. 69—71, 238.

23 Рыбаков С.Е. Указ. соч. С. 24.

24 Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. С. 22, 26; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. С. 10, 20.

25 Кокшаров Н.В. Этничность. Этнос. Нация. Национализм // <http://credo-new.narod.ru>

26 Кузнецов А. М. Сергей Михайлович Широкогоров — обретенное достояние российской антропологии // Широкогоровские чтения. Материалы научной конференции. Владивосток, 2001. С. 5—9.

27 Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Указ. соч. С. 109.

28 Лаерс С.Б. Свет и тени теории этногенеза // <http://www.gumilevica.kulichki.net>

29 Широкогоров С.М. Указ. соч. С. 33.

30 Там же. С. 28.

31 Там же.

32 Там же. С. 6.

- 33 Там же. С. 100.
- 34 Там же. С. 13.
- 35 Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. С. 296.
- 36 См.: Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания // Соч. Т. 16. С. 104–138.
- 37 См.: Токарев С., Чебоксаров Н. Методология этногенетических исследований на материалах этнографии в свете работ И.В. Сталина по вопросам языкознания // Советская этнография. 1951. № 9.
- 38 Токарев С.А. Указ. соч. С. 43.
- 39 Козлов В.И. Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы. М., 1969. С. 56.
- 40 Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. С. 58.
- 41 Элез А.И. Указ. соч. С. 9, 230–231.
- 42 Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 38.
- 43 Широкогоров С.М. Указ. соч. С. 36.
- 44 Там же. С. 39.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 40–41.
- 47 Там же. С. 42.
- 48 Там же. С. 43.
- 49 Там же. С. 15.
- 50 Там же. С. 46.
- 51 Там же. С. 84.
- 52 Там же. С. 86.
- 53 Там же. С. 87–88.
- 54 Там же. С. 28–29.
- 55 Там же. С. 21.
- 56 Там же. С. 87, 88.
- 57 Там же. С. 98.
- 58 Там же. С. 98–99.
- 59 Там же. С. 22–23.
- 60 Ревункова Е.В., Решетов А.М. Указ. соч. С. 109.
- 61 Данченко Е.М. О сходстве взглядов С.М. Широкогорова и Л.Н. Гумилева на природу этноса // Гуманитарное знание. Омск, 1997. С. 72–74; Он же. О вкладе С.М. Широкогорова в разработку теории этноса // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2000. С. 13–16.
- 62 Кокшаров Н.В. Этничность. Этнос. Нация. Национализм // <http://credo-new.narod.ru>
- 63 Элез А.И. Указ. соч. С. 198.

А.И. Элез

ТЕОРИЯ НАЦИИ И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Целостная теория нации была впервые изложена в статье И.В. Сталина "Национальный вопрос и социал-демократия", написанной в конце 1912 г. – начале 1913 г. в Вене и опубликованной в журнале "Просвещение" в №№ 3–5 за 1913 г. В 1914 г. эта статья была издана отдельной брошюрой, а в 1920 г. была переиздана в Туле Наркомнацем в сборнике статей И.В. Сталина по национальному вопросу. В наши дни работа известна под заглавием "Марксизм и национальный вопрос".

Написанию работы предшествовал достаточно долгий период развития социал-демократии в России, связанного, помимо прочего, с постановкой и решением национального вопроса. Полемике этого периода и нашли свое отражение в статье И.В. Сталина.

В Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии 1898 года еще не выдвигается в качестве особого лозунга (вопреки мнению некоторых исследователей) требование права наций на самоопределение, но говорится лишь о политических правах рабочего класса; не формулируется линия партии в национальном вопросе и в иных (немногочисленных уцелевших) материалах, касающихся подготовки Первого съезда РСДРП и опубликованных в Лондоне в 1902 году Петербуржцем (К.М. Тахтаревым). В 1903 г. в принятой II съездом Программе РСДРП признаётся "право на самоопределение за всеми

нациями, входящими в состав государства". В данном документе речь идет именно о *Российском государстве*; Г.В. Плеханов в этом пункте ленинского проекта Программы предложил заменить слово "государство" словом "империя", чтобы пункт касался только царского режима и не обязывал будущую буржуазную или социалистическую республику поддерживать расчленение России. В.И. Ленин не согласился с этим ограничением¹. Это предложение Г.В. Плеханова можно считать провозвестником той социал-патриотической позиции, которую ему предстояло занять впоследствии по отношению к Мировой войне.

В дальнейшем национальный вопрос превратился в один из основных вопросов партийной работы; это было обусловлено и международной обстановкой, и национальной политикой царского правительства в период империализма. Конференция социал-демократических организаций в России (Рига, сентябрь 1905 г.) в резолюции "По поводу событий на Кавказе" от имени ЦК РСДРП отмечала: "Политика натравливания одной национальности на другую за последние годы сделалась в руках правительства главнейшим орудием борьбы с революционным движением пролетариата и в недавних кавказских событиях достигла своего апогея, вылившись в кровавую резню между армянами и татарами. Выражая свое негодование к варварским действиям самодержавия, конференция высказывает уверенность, что только солидарная борьба пролетариев всех национальностей под единым знаменем социал-демократии сможет оказать надлежащий отпор национальной политике царизма; конференция высказывает Бакинским и татарским товарищам и всему пролетариату Кавказа свое глубокое сочувствие, в убеждении, что они и впредь, несмотря ни на какие препятствия, будут продолжать революционную борьбу вместе с пролетариатом всей России и вместе с ним доведут ее до окончательной победы над царизмом"².

Сталинская теория нации была марксистским ответом на теорию нации, отстаивавшуюся австрийскими "марксистами". Еще в конце XIX столетия, видя разрушительность для австрийской монархии развивающихся националистических процессов (принципиально не новых для нее), австрийская социал-демократия отошла от принятого социал-демократией требования права наций на самоопределение в пользу принципа культурной автономии (не связанной с территорией), которой могли бы пользоваться национальные группы всей империи при сохранении ее политической и территориальной целостности. В первую очередь этот принцип был применен к самой австрийской социал-демократической партии, в 1897 г. реорганизовавшейся в федерацию из шести автономных национальных партий. А съезд 1899 г. уже призывал к преобразованию Австро-Венгрии в "федерацию народов". На уровне теории эта позиция отстаивалась в работах Рудольфа Шпрингера (псевдоним Карла Реннера) и Отто Бауэра, отстаивавших тезис *культурно-национальной автономии*, не затрагивающей единства империи. В российской социал-демократии такой принцип (в отношении как партийной организации, так и государственной политики) позитивно воспринял Бунд (Общевейрейский рабочий союз в России и Польше), отстаивавший на II съезде РСДРП свое исключительное право "быть единственным представителем еврейского пролетариата, в какой бы части российского государства он (еврейский пролетариат) ни жил и на каком бы языке ни говорил". Потерпев сокрушительное поражение, бундовцы покинули съезд и были вновь приняты в партию на IV съезде с достаточно неопределенной формулировкой; а к этому времени требования, аналогичные бундовским, стали уже выдвигаться и латышскими социал-демократами, и кавказскими. Если Кавказский союз РСДРП изначально стоял на позиции ленинской "Искры", а Армянскую социал-демократическую рабочую организацию, с самого ее возникновения, критиковал за ее бундистские позиции, то начиная с 1906 года бундизм мало-помалу стал проникать и в этот союз. И.В. Сталин в статье "На пути к национализму" (предшествовавшей его работе "Национальный вопрос и социал-демократия") рассматривал историю проникновения бундизма в идеологию и деятельность Кавказского союза в период между 1906 г. и 1912 г. Как отмечает виднейший западный историк Эдвар Карр, автор многотомной "Истории Советской России", в тот период "против политики автономии национальных секций выступали только Ленин и немногие стойкие большевики".

Еще до II съезда РСДРП В.И. Ленин критиковал армянских социал-демократов за требование "федеративной республики" для России в целом, а "автономии относительно культурной жизни" — для народов Кавказа. Пролетариат, с точки зрения В.И. Ленина, политичес-

ки заинтересован не в "национальной автономии", а в политической и гражданской свободе и в самоопределении для каждой национальности³. (С той же самой позиции критиковал армянских социал-демократов и И.В.Сталин⁴). Нация имеет право на *отделение*; если нация не желает это право *использовать*, она как *нация* не имеет никаких других прав (иное противоречило бы общему пролетарскому интересу), хотя каждый член этой нации пользуется всеми правами гражданина независимо от своей национальной принадлежности, в том числе и правами, связанными с языком, образованием, культурой. Таким образом, взгляды В.И.Ленина по национальному вопросу принципиально определились уже к моменту возникновения большевизма; последующий период привнес только ожесточенные полемикой по этому вопросу, что через десять лет после II съезда РСДРП В.И.Ленин поручает И.В.Сталину написание специальной теоретической работы, критикующей австрийскую концепцию нации.

К этому времени среди российских социал-демократов И.В.Сталин был ведущим специалистом по национальному вопросу (относительно не сразу превратившемся в один из важнейших вопросов партийной работы). Уже в 1904 году И.В.Сталиным была опубликована статья "Как понимает социал-демократия национальный вопрос?"⁵ Прошли годы полемик по национальному вопросу, и конференция ликвидаторов, созванная в противовес Пражской конференции большевиков и состоявшаяся в Вене в августе 1912 года, приняла постановление о "культурно-национальной автономии". Это постановление, ссылаясь на "последнюю конференцию кавказских организаций РСДРП" и на отражавшееся в партийной печати "мнение кавказских товарищей о необходимости выставить требование национально-культурной автономии", признало, "не высказываясь по существу этого требования", что оно "не идет вразрез" с пунктом партийной программы, признающим за каждой национальностью право на самоопределение. И.В.Сталин, усматривая в этом постановлении "оппортунистическое влияние ликвидаторов перед фактом поднявшейся националистической волны"⁶, писал в статье "На пути к национализму (Письмо с Кавказа)" следующее:

"Упомянутый пункт программы (9-й пункт) говорит о свободе национальностей, о **праве** национальностей свободно развиваться, об обязанности партии бороться против всяких насильств над ними. Говоря вообще, **право** национальностей по смыслу этого пункта не должно быть ограничено, оно может идти как до автономии и федерации, так и до сепарации. Значит ли это, что для партии безразлично, одинаково хорошо, как именно решит свою судьбу данная национальность, в пользу централизма или сепаратизма? Значит ли это, что на основании одного лишь абстрактного права национальностей, "не высказываясь по существу этого требования", можно рекомендовать, хотя бы и косвенно, автономии одним, федерацию другим, сепарацию третьим? Национальность решает свою судьбу, но значит ли это, что партия не должна повлиять на волю национальности в духе решения, наиболее соответствующего интересам пролетариата? Партия за свободу вероисповеданий, за право людей исповедовать любую религию. Можно ли вывести отсюда, что партия будет стоять за католицизм в Польше, за православие в Грузии, за грегорианство в Армении, что она не будет бороться с этими формами мировоззрения?.. И не ясно ли само собой, что 9-й пункт партийной программы и культурно-национальная автономия – две совершенно различные плоскости, которые в такой же степени могут "идти вразрез" друг с другом, как, скажем, Хеопсова пирамида и пресловутая конференция ликвидаторов? А ведь именно таким экивилибристическим путем и "разрешает" вопрос конференция"⁷. И.В.Сталин констатировал "идейный развал среди кавказских ликвидаторов, изменивших старому знамени интернационализма на Кавказе и добившихся от конференции этого постановления"⁸, и рассматривал причины и предпосылки такого идейно-политического поворота.

По поводу статьи И.Сталина "Национальный вопрос и социал-демократия" и попыток А.А.Трояновского (со ссылкой на поддержку *самой Е.Ф.Розмирович* "культурно-национальной автономии") объявить статью "дискуссионной" В.И.Ленин даже в письме Л.Б.Каменеву (Розенфельду) замечает: "Конечно, мы абсолютно против. Статья *очень хороша*. Вопрос боевой и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи"⁹. Показательно, что В.И.Ленин не просто выступает в защиту статьи И.В.Сталина, но

категорически возражает даже против объявления ее *дискуссионной*, полагая ее, таким образом, *программной* статьей, адекватно выражающей позицию РСДРП по национальному вопросу. В заметке "О национальной программе РСДРП" В.И. Ленин с самого начала заявляет, что считает уместным ограничиться чисто партийной постановкой вопроса, не касаясь теории этого вопроса и положения дел в связи с ним: "Останавливаясь на этом, ввиду полной ясности положения дел, едва ли есть надобность. В теоретической марксистской литературе это положение дел и основы национальной программы с.-д. уже были освещены за последнее время (в первую голову здесь выдвигается статья Сталина)" ¹⁰.

С точки зрения И.В. Сталина (диалектически синтезирующей употребление термина "нация" в науке и публицистике предшествующих десятилетий), нация есть "исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры" ¹¹. Шпрингеровское понимание нации как "культурной общности группы современных людей, не связанной с „землей“, а также бауэровское – как "совокупности людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы", – не учитывали объективных признаков нации и условий их возникновения. Фактически "нация" является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма, в процессе создания нации "буржуазия – главное действующее лицо", а рынок – первая школа, где буржуазия учится национализму. Отсюда следует, что "национальная борьба в условиях поднимающегося капитализма является борьбой буржуазных классов между собой". "В существе своем она всегда остается буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии".

Вместе с тем, пролетариат заинтересован в интернациональном объединении с целью скорейшего освобождения от ига буржуазии и, следовательно, в борьбе против угнетения наций. "Поэтому социал-демократия всех стран провозглашает право наций на самоопределение". Но "это не значит, что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации... Нация имеет право вернуться даже к старым порядкам, но это еще не значит, что социал-демократия подпишется под таким постановлением того или иного учреждения данной нации. Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и права нации, состоящей из различных классов, – две вещи разные" ¹².

С точки зрения марксизма, решение национального вопроса должно быть подчинено интересам классовой борьбы пролетариата; национальный вопрос в каждом отдельном случае решается не догматически, не по готовому шаблону или путем "формальных споров", а конкретно и диалектически ¹³. Скажем, требование отделения русской Польши, прогрессивное в период раннего марксизма, в конкретных условиях конца XIX в. – начала XX в. уже не заслуживало поддержки со стороны социал-демократии ¹⁴. Абстрактное, огульное, "безусловное" с точки зрения интересов "всего народа" (или какого-то нравственного принципа-абсолюта) толкование права наций на самоопределение есть, как утверждал В.И. Ленин еще в 1903 г., буржуазная иллюзия.

"А 10 лет спустя, – как отмечает Э.Карр, – в тот год, когда была принята резолюция в Поронини, Ленин с максимальной ясностью размежевал две стадии в марксистском подходе к национальному вопросу и соответственно два этапа революции". В.И. Ленин писал: "Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм. С обеими тенденциями считается национальная программа марксистов, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было привилегий в этом отношении (а также право наций на самоопределение...), а во-вторых, принцип интернационализма" ¹⁵.

Поронинская резолюция "По национальному вопросу" была принята "августовским" ("летним") совещанием ЦК РСДРП с партийными работниками осенью 1913 г.; в ней было особо

сформулировано отношение революционной социал-демократии к австромарксистской позиции в этом вопросе: "Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности. Именно к такому разделению сводится принятый в России всеми буржуазными партиями еврейства и мешанскими оппортунистическими элементами разных наций план так называемой "культурно-национальной" автономии или "создания учреждений, гарантирующих свободу национального развития" ¹⁶. Австрийская теория нации подразумевала увековечение наций и многонациональных государств (империй), а право на политическую независимость пыталась заменить правом в области "культуры"; в качестве эмпирического опровержения иллюзии культурного "равноправия" В.И. Ленин приводил простой пример: "В Америке в южных, бывших рабовладельческих, штатах до сих пор выделяют детей негров в особые школы, тогда как на севере белые и негры учатся вместе" ¹⁷.

Австрийская концепция нации была не просто продуктом интеллектуальной работы социал-демократов, теоретически готовившихся к окончательному переходу на социал-шовинистские позиции; эта концепция воспроизводила общую позицию мелкобуржуазного либерализма в национальном вопросе. В качестве примера пропаганды такой позиции в Российской империи приведем Постановление съезда земских и городских деятелей по вопросу о правах национальностей от 14 сентября 1905 г.:

"1) Основной закон Российской империи должен гарантировать всем населяющим империю народностям право свободного культурного самоопределения, как-то: полную свободу употребления различных языков и наречий в общественной жизни, свободу собраний и союзов, свободу основания и содержания частных учебных заведений и всякого рода учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности и т. п.

2) Русский язык должен остаться языком центральных государственных учреждений, армии и флота. Употребление наряду с общегосударственным местных языков в государственных и общественных установлениях и учебных заведениях, содержимых на средства государства или органов самоуправления, регулируется общими и местными законами и в пределах законов постановлениями подлежащих установлений. При этом должно быть наблюдаемо, чтобы население каждой местности могло получать начальное, а по возможности, и дальнейшее образование, на своем родном языке" ¹⁸.

Вместе с тем, на указанном съезде говорилось о том, что "вопрос об областной автономии не может быть разрешен ранее общего политического освобождения" ¹⁹. Но ожидалось это "политическое освобождение" исключительно из рук царя-батюшки и в области национального вопроса сводилось к *постепенному образованию автономных областей* всё той же империи.

Помимо австрийской теории нации, была и еще одна позиция в национальном вопросе, критике которой большевистские теоретики уделяли серьезное внимание. Это — позиция польских левых, т. е. не того "патриотического" крыла ПСС, которое олицетворял Ю. Пилсудский, а того, что следовало позиции Р. Люксембург. Точка зрения Р. Люксембург, согласно которой пролетариат существенно *интернационален*, а о проблемах национального самоопределения пусть беспокоится буржуазия, была подвергнута критике сначала К. Каутским ("Finis Poloniae?"), а позднее В.И. Лениным ("О праве наций на самоопределение"). С точки зрения большевиков, такая позиция превратила бы российских социал-демократов в пособников крепостников и в национальные господствующие нации; сами польские демократы имели право отвергать для Польши политику отделения, но это еще не значило, что *партия в целом* (и особенно — русские социал-демократы) может *отказывать* Польше в *праве* на отделение. Не может в своей стране пролетариат *господствующей* нации ни при каких условиях отказывать кому бы то ни было в *праве* на отделение. В свое время К. Маркс считал долгом *английских рабочих* поддерживать право ирландцев на отделение, а П. Лафарга осуждал за его отрицание идеи нации, считая это отрицание маскировкой стремления увековечить господство французской нации ²⁰.

Что касается тезиса Р. Люксембург о невозможности реализации права на самоопределения при капитализме, то В.И. Ленин напоминал, что "образование самостоятельных

национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов"²¹ и, следовательно, должно быть поддержано пролетариатом. В качестве конкретного исторического примера буржуазного самоопределения В.И. Ленин приводил отделение Норвегии от Швеции. Кроме того, признание *права* на отделение, неоднократно подчеркивал В.И. Ленин, не есть признание *целесообразности* отделения. Национальное же государство В.И. Ленин считал "для всего цивилизованного мира – типичным, нормальным для капиталистического периода", ибо экономические основания национальных движений состоят прежде всего в том, что "для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией"²².

Первая Мировая война и крах II Интернационала выдвинули на первый план вопрос о соотношении патриотизма и интернационализма. Действительный экономический смысл тезиса основоположников марксизма о том, что пролетарии не имеют отечества, а также связь этого тезиса с принципом патриотизма были диалектически вскрыты В.И. Лениным. Достаточно крайние позиции в этом вопросе занимал Г.В. Плеханов, сначала резко противопоставлявший патриотизм социализму, а в эпоху краха II Интернационала оказавшийся уже по другую сторону от позиции В.И. Ленина, в лагере социал-патриотизма. Степень способности Г.В. Плеханова диалектически, с позиций конкретного историзма применять марксистские положения к анализу текущих событий М.Лядов в своем капитальном труде "История Российской Социалдемократической Рабочей Партии" оценил следующим образом: "До тех пор, пока Плеханов или Аксельрод делали тот или иной вывод из чисто теоретических построений научного социализма и оперировали с фактами исторического прошлого России или ее современного экономического положения, они давали нечто ценное, за чем шли все социал-демократы. Но как только им приходилось, на основании оценки *современного* момента, оценки психологии *действующих классов* и знания *текущих событий*, делать тот или иной *практический* вывод, давать *тактические* директивы, они всегда оказывались не на высоте положения; их оценка событий не отвечала действительности, и практическое руководство уходило из их рук"²³. Аналогичным образом оценивали эволюцию взглядов Г.В. Плеханова по национальному вопросу и другие его соратники и друзья, оставшиеся в оценке соотношения классовых и национальных интересов на почве марксизма²⁴.

Следует, однако, признать, что в период, предшествовавший краху II Интернационала, Г.В. Плеханов правильное, нежели Ж.Жорес и Э.Бернштейн, понял значение тезиса К.Маркса и Ф.Энгельса о том, что рабочие *не имеют отечества*, толкуя этот тезис не как признание преимуществ национального социализма перед интернациональным, но, напротив, как признание *чисто экономического обусловленного* отсутствия национального интереса у пролетариата. Тем не менее, большинство ученых XIX века рассматривали национализм как исторический этап на пути к интернационализму. Такой подход не был чужд и марксизму. В "Манифесте Коммунистической партии" говорилось: "Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле как понимает это буржуазия". Перерастание же этапа *национализма* в этап *интернационализма* обусловлено развитием экономических отношений и динамикой классовой борьбы, переходом от буржуазно-демократических революций к социалистической революции. "Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни. Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата. В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой".

Теория нации не была, вопреки мнению некоторых исследователей (С.Т.Калтахчяна и др.), создана ни К.Марксом, ни Ф.Энгельсом. Но ими был выработан *метод материалистической диалектики*, позволяющий разрабатывать, в том числе, и теорию нации. Принцип же национального самоопределения достался марксизму в наследство от идеологии

Французской революции, где он означал прежде всего признание права народа на создание государства вопреки династическому принципу. В период до 1848 года принцип национального самоопределения использовался в основном (поляками, итальянцами, немцами) как идеологическое обеспечение борьбы за воссоединение, за объединение. После 1848 года принцип национального самоопределения приобрел разрушительный смысл для существующих империй, прежде всего – для Австро-Венгрии и России. В этих условиях К.Маркс и Ф.Энгельс, оценивая те или иные национальные движения, исходили не из абстрактных формул, а из степени исторической прогрессивности этих движений, из степени соответствия их интересам борьбы международного пролетариата против ига капитала. “Национальные” требования отсталых, крестьянских народов отличались основоположниками марксизма от требований более цивилизованных народов. Кроме того, К.Маркс и Ф.Энгельс в зависимости от конкретных исторических условий могли то поддерживать некоторое движение, то выступать против него. К.Маркс писал: “Прежде я считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Теперь я считаю его неизбежным, хотя бы после отделения дело и пришло к федерации”²⁵. В.И.Ленин указывал в этой связи: “Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, доньше сохранивший громадное практическое значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям”²⁶.

Следует указать, что в приложении принципа самоопределения к конкретным условиям К.Маркс и Ф.Энгельс в общем признавали историческую прогрессивность крупных, мощных государств и не были сторонниками раздробления крупных государств на множество мелких. Ф.Энгельс в 1866 г. призывает отличать “большие и четко определенные исторические нации Европы” (в их числе он называет Италию, Польшу, Германию, Венгрию), борьбу которых поддерживали все европейские демократы, и стремящиеся к самоопределению многочисленные “мелкие остатки тех народов, которые фигурировали более или менее продолжительное время на арене истории, но затем были превращены в составную часть той или иной более мощной нации” (в числе таких народов он называет сербов, хорватов, русинов, словаков, чехов): эти последние были в глазах Ф.Энгельса выдумкой или орудием российских панславистов, и не заслуживали поддержки в своих стремлениях к самоопределению. Во времена К.Маркса и Ф.Энгельса еще не была в моде “либеральная идеализация малых национальностей” (выражение Э.Карра).

Именно поэтому марксизм изначально не был склонен уводить принцип самоопределения в дурную бесконечность и прощирать все более мелкие дробления, под флагом этого принципа, существующих государств. Одно дело – исторически конструктивное самоопределение, угрожающее империям Габсбургов и Романовых и требующее создания германского, польского, итальянского и венгерского государств; другое дело – когда уже германскому единству угрожает стремление к самоопределению датчан и чехов, венгерскому – словаков и хорватов, итальянскому – словенцев, британскому – ирландцев, польскому – русинов. Несмотря на соответствие таких стремлений абстрактному принципу самоопределения, они являются исторически деструктивными и могут поддерживаться лишь в исключительных случаях в зависимости от всего комплекса экономических, политических и идеологических факторов.

Именно наличие стремлений к самоопределению среди самых различных (по международному экономическому, политическому и культурному значению) народов со временем сделало одним из важнейших вопросов марксизма вопрос о федерации и централизации. В 1850 г. К.Маркс писал, что, в отличие от буржуазных демократов, поддерживающих федерацию и стремящихся ослабить центральную власть усилением местной власти, “рабочие не только должны отстаивать единую и нераздельную германскую республику, но и добиваться в этой республике самой решительной централизации силы в руках государственной власти”²⁷. В конце XIX столетия Ф.Энгельс, критикуя форму существования “мелких государств” при господстве федеральных конституций Германии и Швейцарии, утверждал, что “пролетариат может употребить лишь форму единой и неделимой республики”²⁸. Хотя Парижская Коммуна заставила марксистов внимательнее присмотреться к опыту федерализма, отрицательное отношение к федерализму является существенным для марксистской теории нации. В.И.Ленин неоднократно отмечал, что марксизм

относится враждебно к федерации и децентрализации и выступал "в принципе против федерации", считая, что она "ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства"²⁹.

Но реальная практика коммунистического движения допускала и стратегические отступления (не путать с отступлениями от стратегии, от принципов) в случаях, когда эти отступления, во-первых, были обусловлены требованиями конкретной исторической ситуации и, во-вторых, делали не более трудным, но более легким последующий выход на магистральный путь развития. В любой борьбе возможно не только наступление, но и отступление. К числу таких отступлений, рассчитанных на облегчение последующего наступления и проводящихся исключительно с позиций наибольшей пользы для коммунистической перспективы, относились и НЭП, и гибкое приложение принципа самоопределения наций, и допущение федеративного принципа.

В марте 1917 г. И.В.Сталин в статье "Против федерализма", отмечая господствующее стремление к централизации, задавал риторический вопрос: "Не ясно ли, что федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и усложняет его докихотскими потугами повернуть назад колесо истории?"³⁰ Тем не менее, весьма скоро реальное отношение народов России к принципу самоопределения наций вынудило большевиков, И.В.Сталина в том числе, воздержаться от практического применения антифедералистского принципа и поддержать на практике федеративное устройство, по крайней мере в рамках РСФСР. Использование народами принципа национального самоопределения автоматически ставило на повестку дня вопрос о *федерации*. По поводу приоритета принципа самоопределения по отношению к антифедералистскому принципу *централизации* В.И.Ленин в конце 1914 г. писал: "Мы безусловно, при прочих равных условиях, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако даже в таком случае... не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах), помогать Романову-Бобринскому-Гуришкевичу душить Украину и т. д."³¹ Ф.Энгельс, критикуя Эрфуртскую программу и однозначно призывая к единой и неделимой республике, допускал при этом, что "в Англии, где на двух островах живут четыре нации", федерация была бы "шагом вперед". В.И.Ленин, ссылаясь в "Государстве и революции" на это замечание Ф.Энгельса, признаёт федерацию "исключением и помехой развитию", но считает, что она же есть "шаг вперед" при известных особых условиях. И среди этих особых условий выделяется национальный вопрос³².

Опыт Первой Мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции подтвердил правильность большевистского решения национального вопроса. Переиздавая в 1920 г. в тульском сборнике статью "Национальный вопрос и социал-демократия", И.В.Сталин в предисловии "От автора" писал о ней: "Статья отражает ряд принципиальных дискуссий по национальному вопросу в рядах российской социал-демократии в эпоху помещичье-царистской реакции за полтора года до начала империалистической войны в эпоху нарастания буржуазно-демократической революции в России. Две теории нации боролись тогда и, соответственно, две национальные программы: *австрийская*, поддержанная Бундом и меньшевиками, и *русская*, большевистская... Последующие события, особенно же империалистическая война и распад Австро-Венгрии на отдельные национальные государства, воочию показали, на чьей стороне правда. Теперь, когда Шпрингер и Бауэр сидят у разбитого корыта своей национальной программы, едва ли можно сомневаться в том, что история осудила "австрийскую школу". Даже Бунд должен был признать, что "требование национально-культурной автономии (т. е. австрийской национальной программы. *И. Ст.*), выставленное в рамках капиталистического строя, теряет свой смысл в условиях социалистической революции" (см. "XII конференция Бунда", 1920 г.). Бунд и не подозревает, что тем самым он признал (нечаянно признал) *принципиальную* несостоятельность теоретических основ национальной программы, *принципиальную* несостоятельность австрийской теории нации"³³.

Выдвинутый В.И.Ленин принцип толкования *права* наций на самоопределение как *права целостного*, не реализуемого по частям, а либо реализуемого полностью, либо не реализуемого вовсе, был принят впоследствии на Версальской конференции по мирному урегулированию (1919 г.): национальное самоопределение подразумевало право национальной

группы на отделение от существующего государства и присоединение ее к другому или образование ею собственного государства, но там, где национальная группа не могла, по тем или иным причинам, осуществить свое право на отделение, она в дальнейшем не признавалась в этом аспекте особой группой, хотя каждому ее члену в отдельности, согласно "договорам с меньшинствами", должны были быть гарантированы политические и гражданские свободы и равенство прав.

Марксистская теория нации, разработанная И.В.Сталиным, в дальнейшем легла в основу всех теоретических изысканий обществоведов-марксистов в области национального вопроса. Это положение по существу не изменилось и после XX съезда КПСС, несмотря на мнимый критицизм дружно перестроившихся авторов, которым вмиг разонравилось даже указание на *устойчивость* нации и признание категории нации категорией *исторической* ³⁴.

Разумеется, никаких теоретических достижений такая борьба с очевидными истинами не породила, вылившись лишь в пустые, лишенные логики разглагольствования. Вместе с тем, даже положенная в основу рациональная теория не всегда гарантировала успех вторичной теории. Сталинская концепция нации была "обогащена" (усилиями этнологов, философов, социологов, историков) специальной теоретической конструкцией, получившей в последние десятилетия названия "триады": племя – народность – нация; в этой конструкции *народность* была превращена из *нации периода становления* в нечто самосущее, в объект, рядоположный *племени* и *нации* (которые даже по отношению друг к другу – отнюдь не однопорядковые явления).

Нынешний кризис этнологии связан не в последнюю очередь с имманентной ей неспособностью четко отделить, по крайней мере на уровне абстракции, сущностно биологические общности от сущностно социальных. В этом отношении полезно обращение к классическому наследию. Именно в работе "Марксизм и национальный вопрос" была обоснована необходимость отличения *исторической* категории нации от *этнографической* категории племени. Термин же "народность" ни в науке, ни в публицистике конца XIX в. – начала XX в. не выражал специальной категории, которая могла бы быть критерием классификации людей. Вместе с тем, именно использование термина "народность" для выражения специальной, но беспредметной категории и подтолкнуло в дальнейшем (особенно после XX съезда КПСС) советскую науку к некритическому восприятию предложенной С.М.Широкогоровым в начале 1920-х годов теории этноса, который и было предложено типологизировать по известной триаде. В этнологии основным апологетом теории этноса (т. е., в строгом смысле, основным этнологом) до сих пор заслуженно считается Ю.В.Бромлей. *Нация* была превращена этнологией в один из типов "этнических общностей". Категория этноса (этнической общности, народа, национальности) номинально оставалась категорией социологической, но покрывала как сущностно биологические группы социальных существ (племена), так и сущностно социальные группы социальных существ ("народности" и нации).

Дуализм социального и биологического является принципиально неустранимым пороком теории этноса, поэтому она не может быть спасена критическим пересмотром среднего члена "триады", а именно – категории *народности*. Но этнологическая литература послесоветского периода подверглась критике (судя по внезапности – чисто конъюнктурной) указанную "триаду" прежде всего в ее среднем звене, чем, вольно или невольно, ослабила свои собственные (столь же конъюнктурные) накладки на сталинское определение нации и на отрицание исторической категории от этнографической ³⁵. В то же время, этнология продемонстрировала и совершенно искреннюю, не подверженную конъюнктуре, неспособность логично разделиться с гордым улоном из трех "типов этнических общностей". Среди предлагаемого современной этнологией наиболее радикальный и не требующий больших интеллектуальных усилий способ распутывания указанной триады, это, согласно В.А.Тишкову, – "Забыть о нации" и "Реквием по этносу" ³⁶. Поскольку из трех сосен "триады" одна, пусть и усохнув, всё еще стоит, "Реквием по племени" буквально носится в воздухе; причем, отсутствие среди нынешних "национальностей" РФ охотников считать *племенем* притупляет и погребальный интерес В.А.Тишкова к категории *племени*, вынуждая известного этнолога ограничиться "Смертельным гамбитом" национальной политики, "Прощанием с пятым пунктом" и "Плачем по концепции" ³⁷. Как бы то ни было, в вопросе о

нации этнологическая мысль возвращается, в лучшем случае, к тем временам, когда К.Маркс уже критиковал П.Лафарга за его великодержавное отрицание "идеи нации". Теория же нации как сущностно социальной общности людей, разработанная на основе диалектико-материалистического понимания истории выдающимися представителями российской социал-демократии, остается одним из высших достижений общественной науки.

- 1 См.: Ленинский сборник. — М., 1924. — Т. II. — С. 144.
- 2 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 1898–1954. — Изд. 7-е. — Ч. I. — [М.], 1954. — С. 94.
- 3 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 7. — С. 104.
- 4 Сталин И.В. Соч. — Т. 2. — С. 365.
- 5 Сталин И.В. Соч. — Т. 1. — С. 32–55.
- 6 Сталин И.В. Соч. — Т. 2. — С. 285.
- 7 Сталин И.В. Соч. — Т. 2. — С. 286–287.
- 8 Сталин И.В. Соч. — Т. 2. — С. 287.
- 9 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Изд. 5-е. — Т. 48. — С. 169.
- 10 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 223.
- 11 В некоторых изданиях (вероятно, по недосмотру редакции) вместо "общности людей, возникшая на базе общности языка" стоит просто "общность языка" и т. д. (см., напр.: Сталин И.В.] Марксизм и национальный вопрос: Сборник избранных статей и речей. — [М.], 1934. — С. 6). Такой вариант формулировки противоречит исходному тезису автора, согласно которому нация есть не общность признаков, но общность людей, имеющая определенные признаки.
- 12 Сталин И.В.] Марксизм и национальный вопрос: Сборник избранных статей и речей. — С. 14.
- 13 См.: Сталин И.В.] Марксизм и национальный вопрос: Сборник избранных статей и речей. — С. 19, 200.
- 14 См.: Сталин И.В.] Марксизм и национальный вопрос: Сборник избранных статей и речей. — С. 15–16.
- 15 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 124.
- 16 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 1898–1954. — Изд. 7-е. — Ч. I. — С. 315.
- 17 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 175.
- 18 О правах национальностей и о децентрализации: Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сент. 1905 года и постановления съезда. — М., 1906. — С. 44.
- 19 О правах национальностей и о децентрализации: Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сент. 1905 года и постановления съезда. — С. 34.
- 20 Когда в июне 1866 г. началась австро-прусская война, прудонисты начали проповедовать мир, объявляя "войну устаревшей, национальности — бессмыслицей". П.Лафарг, в защиту этой позиции, утверждал, что нации — "устарелые предрассудки". К.Маркс усмотрел в этом апологию поглощения этих самых национальностей образцов французской нацией (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 31. — С. 193).
- 21 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 25. — С. 316.
- 22 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 25. — С. 258–259.
- 23 Лядов М. История Российской Социал-демократической Рабочей Партии. — Ч. 2-я: Создание Российской Социал-демократической Рабочей Партии. (1897–1902 года). — СПб., 1906. — С. 85–86.
- 24 См., напр.: Алтекман О.В. Георгий Валентинович Плеханов: Из личных воспоминаний. — Л., 1924. — С. 86–96.
- 25 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 31. — С. 318; Т. 32. — С. 337.
- 26 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 25. — С. 307.
- 27 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 7. — С. 265–266.
- 28 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 22. — С. 238.
- 29 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 48. — С. 235.
- 30 Сталин И.В. Соч. — Т. 3. — С. 27.
- 31 Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 26. — С. 108–109.
- 32 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 33. — С. 71–74.
- 33 Сталин И.В.] Марксизм и национальный вопрос: Сборник избранных статей и речей. — С. 218.
- 34 Об этом см. нашу работу: Элез А.И. Критика этнологии. — М., 2001. — С. 60–75.
- 35 Об этом см. нашу работу: Элез А.И. Критика этнологии. — С. 282–285.
- 36 См.: Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.,

Е. О. Хабенская

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ: "КЛАССИЧЕСКАЯ" КОНЦЕПЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Идея национально-культурной (культурно-национальной, персональной) автономии зародилась в умах австрийских социал-демократов в начале XX в. и была попыткой разрешить внутренние противоречия в полиэтнических государствах Центральной Европы. Авторами концепции – К. Реннером (Р. Шпрингером) и О. Бауэром – была разработана теория экстерриториального персонального самоопределения для представителей этнических меньшинств, дисперсно проживающих среди численно и культурно доминирующих представителей большинства.

Тогда идея НКА не получила политического воплощения, хотя нашла многочисленных последователей в разных странах. Впрочем, после Февральской революции 1917 г. на территории бывшей Российской империи было предпринято несколько более или менее последовательных попыток практической реализации концепции НКА: в Центральной России и Сибири (автономия мусульман, провозглашена в мае 1917 г.), на Украине (январь 1918 г.), в Дальневосточной Республике (1921 г.) и Эстонии (1925 г.).

После распада СССР в период активизации этнокультурных идентичностей интерес к идее НКА в России возродился. В начале 1990-х гг. в период стратегического выбора глобальных концептов этнической политики идея НКА была призвана примирить сторонников консервации принципа национально-территориального деления страны с апологетами идеи деэтнизации федеративного устройства РФ. Наряду с национальными республиками предлагалось создание института национально-культурной автономии, призванного, прежде всего, обеспечить полноценное этнокультурное развитие диаспор, этнодисперсных групп и "нетитульных" этнических меньшинств. Эта точка зрения была законодательно оформлена в 1996 г. посредством федерального Закона "О национально-культурной автономии".

Однако из содержания нового Закона сразу стало понятно, что между современной трактовкой идеи НКА и "классической" австромарксистской концепцией очень мало общего.

Прежде всего, закон "О национально-культурной автономии" провозглашал НКА не более чем общественной организацией, ассоциированной по этнокультурному признаку, а не общим принципом реализации этнокультурной идентичности граждан полиэтнического государства.

В "классической" концепции К. Реннера (Р. Шпрингера) и О. Бауэра¹ создание культурно-национальной ("персональной") автономии предполагает фиксацию физических лиц, заявивших о своей национальной принадлежности, и составление соответствующих списков – кадастров. После того, как в результате такой "переписи" образовалось официально и добровольно заявленное сообщество с фиксированным членством, в его рамках происходят выборы органа самоуправления, который приобретает определенные полномочия на отстаивание прав и интересов членов этого сообщества. (Авторы идеи предполагали, что эти интересы будут, в основном, лежать в сфере культуры, образования, просвещения и информации, потому что все остальные сферы общественного бытия имеет менее выраженный этнический характер). При этом, по предложенной австрийскими социал-демократами схеме, органы самоуправления должны выбираться всеми "официальными" членами общины с тем, чтобы иметь легитимные полномочия выступать от ее имени.

В отличие от такого подхода, формулировки российского Закона делали национально-культурную автономию разновидностью этнокультурной ассоциации, то есть, "национальным объединением граждан". Создание НКА не предполагало какой бы то ни было фиксации

индивидуального членства, что ставило проблему представительности этих организаций. Значительное число подобных образований уже было создано и функционировало на всей территории страны, подпадая под юрисдикцию Закона "Об общественных объединениях" 1994 г.

Статья 4 Закона провозглашала право национально-культурной автономии "обращаться в органы законодательной (представительной) и исполнительной власти, органы местного самоуправления, представляя свои национально-культурные интересы". Из этой формулировки становится очевидным, что речь идет о представлении интересов только групп граждан, объединившихся в данную организацию или связанных с ее деятельностью, а не всей этнической общности в целом. При этом, численность групп граждан, создавших НКА, могла, в соответствии с Законом, быть минимальна.

Закон предписывал формирование сложной трехуровневой системы НКА – местных, региональных, федеральных. Одна местная автономия могла быть создана двумя национальными общественными организациями (НОО). Минимальное число учредителей таких организаций – три человека. Соответственно, местная автономия могла быть образована всего шестью участниками и получала право представлять их интересы.

Таким образом, принципиальное отличие российской модели НКА от "классической" австромарксистской заключается в разных принципах формирования автономии и различными задачами этих организаций. В австрийском варианте речь идет о полномасштабном представительстве членов этнического сообщества в автономии и их участии посредством специального выборного органа в управлении (в этнокультурной сфере). В российском варианте Закон о НКА не прописывает процедуру создания полноценной автономии, а, фактически, позволяет создавать разрозненные организации по этническому признаку, члены которых, даже в рамках одной общины, могут быть никак не связаны между собой, не иметь ни общих интересов, ни целей. Фактически, Закон давал возможность частным лицам выступать от имени "своего этноса" (это не было прописано в самом Законе, но следовало из его духа) и получать государственное финансирование под частные мероприятия и проекты даже в том случае, если не они имели какого-либо общественного значения, но были заявлены как "этнические".

Издание Закона и начало формирования НКА усилило противоречия внутри этнических общин и диаспор в полиэтнических регионах РФ (особенно, в столичном мегаполисе), породив конкурентную борьбу между "старыми" и "новыми" лидерами этнокультурных организаций и автономий за первенство в региональной автономии и получении финансовых средств, предоставляемых властями для поддержки новых структур - НКА.

Не став всеобщим этнополитическим принципом, институт НКА оказался не способен смягчить этноконтактную ситуацию и не оказал сколько-нибудь принципиального влияния на этнокультурные и этнополитические процессы в стране. Национально-культурная автономия в том виде, в котором она была создана в России, не решала главных задач – деполитизации этничности и проблемы реализации этнокультурной идентичности представителей "нетитульных" диаспор и этнодисперсных групп. Представители этнических групп на территории "своих" национально-государственных образований и за их пределами по-прежнему имели неодинаковые этнокультурные права и возможности, равно как и члены "титульных" и "нетитульных" этнических сообществ в "национальных" республиках.

Фактически, новый общественный институт был не столько востребован этнокультурным движением и его организаторами (многие из которых не сочли нужным преобразовывать свои ассоциации в национально-культурную автономию), сколько удобен властям регионов. Диалог с формальными лидерами НКА, в ряде случаев, не являвшихся и не являющимися реальными лидерами этнических общин и, соответственно, не способными оказывать на них сколько-нибудь заметного влияния, создавал и продолжает создавать лишь видимость эффективной этнической политики.

1 См.: Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.; Шпрингер Р. Национальная проблема. СПб., 1909.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА: НАЧАЛО XX И XXI ВВ

Санкт-Петербург – традиционно многонациональный город с пестрым составом населения, при традиционном же преобладании русского населения – 82% на рубеже XIX–XX вв., 89 – 85 % — в конце XX – начале XXI вв. Оба периода в истории нашей страны – эпохи сложных общественно-политических изменений, отразившихся и на положении национальных меньшинств Петербурга.

Первая городская перепись 1869 г. показала, что в Санкт-Петербурге проживали 555 тыс. русских, что составляло 83,2 % всего населения города (667,2 тыс. чел.). Следующие городские переписи – 1881, 1890, 1900, 1910 гг. – фиксируют постоянный рост населения при сохранении этой пропорции: около 83 % населения – русские, около 17 % – представители различных нерусских национальностей. При этом в 1869 г. из нерусских национальностей больше всех было немцев – 45,6 тыс. чел., финнов – 18 тыс. чел., поляков – 14,4 тыс. евреев – 6,7 тыс., шведов – 5,1 тыс., эстонцев – 4 тыс. чел.

Через 40 лет, в 1910 г., почти в четыре раза выросло население – до 1906 тыс. чел. – и несколько изменился состав национального компонента. Русских в Петербурге теперь проживало более полутора миллионов человек. Среди нерусских национальностей самые большие группы составили белорусы – 70 тыс. (в 23 раза больше, чем в 1869 г.) и поляки – 65 тыс. (в 4,5 раз). Быстрее всех росло украинское население – в 34 раза за 40 лет (с 500 чел. до 17 тыс.). В шесть раз больше в Петербурге стало эстонцев, в пять – евреев. Количество финнов осталось прежним, а численность немцев выросла всего на 2 тыс. чел.

С 1916 по 1920 гг. количество нерусского населения Петрограда и его национальная пестрота достигли максимума – в городе оказались сосредоточены огромные массы беженцев из западных губерний России и военнопленных разных национальностей. В 1918 г. из двух миллионов жителей Петрограда около 500 тыс. человек (каждый четвертый) были представителями более 20 различных нерусских национальностей. После массовой отправки пленных и беженцев на родину, оптической кампания (принятие иностранного гражданства), отъезда многих жителей из города из-за разрухи национальный состав Петрограда вновь изменился.

Первая послереволюционная перепись в Петрограде состоялась 28 августа 1920 г., когда непосредственная военная опасность для города миновала, но мирная жизнь еще только налаживалась. Перепись показала, что в значительно обезлюдевшем городе – всего 722 тыс. человек населения – более 120 тыс. чел., или около 17 %, составляли представители различных нерусских национальностей, каждая из которых уменьшилась численно. Самыми крупными и почти равными количественно группами были евреи и поляки – по 25 тыс. чел. Затем шли прибалтийские соседи Петрограда: эстонцы и латыши – примерно по 15 тыс. чел. – и литовцы (10,5 тыс.). Немцев и финнов было значительно меньше, чем до войны – 11,2 и 7,2 тыс. чел. соответственно. Остальные этнические группы (белорусы, татары, украинцы, французы и др.) составляли менее 1 % населения каждая.

В 1926 г. была проведена первая Всесоюзная перепись населения. Утрата столичного статуса и драматические события двух войн и революций лишили Петроград-Ленинград положения самого крупного города страны, и численность его населения не достигла уровня 1910 г. В Ленинграде в середине 1920-х гг. проживало более 1 млн. 600 тыс. чел, из которых почти 1 млн. 400 тыс. (более 86 %) составляли русские. Это на 200 тыс. меньше, чем в 1910 г., но в относительных цифрах процент русских среди всего населения вырос на 4 %. Нерусская часть населения города уменьшилась и в абсолютных, и в относительных величинах, изменился также ее национальный состав. Среди 14% нерусского населения (в 1910 г. – более 17 %) статистически значимыми были 10 национальных групп. Самыми большими из них были евреи – 84,5 тыс. чел. (5,3 % всего населения) – и поляки – 34 тыс., или 2,1 %. Остальные национальности шли со значительным отрывом: примерно по одному проценту населения составляли немцы – 17 тыс., эстонцы – 16 тыс. и белорусы – 14,6 тыс. Латышская и украинская диаспоры насчитывали более 10 тыс. чел. каждая, татар и финнов было примерно по 7 тыс. чел., литовцев – 6 тыс., армян – более 1,6 тысяч. Группы по

несколько сотен человек составляли айсоры, грузины, китайцы, мадьяры (венгры), осетины и цыгане.

Таким образом, за период социальных потрясений этническая картина города значительно изменилась. Из Петрограда-Ленинграда уехали практически все иностранцы, очень резко — почти втрое — сократилась численность немцев (иностранцев и прибалтийских). Образование самостоятельных государств вызвало отток из Петрограда соответствующего национального населения — поляков, эстонцев, латышей, финнов, литовцев. Почти в пять раз меньше стало белорусов, численность украинцев уменьшилась в полтора раза. Эти изменения были связаны главным образом с уменьшением временного населения города, приезжавшего сюда на заработки. В то же время почти в 2,5 раза выросло еврейское население Петербурга-Петрограда-Ленинграда, что явилось следствием отмены антиеврейского законодательства еще в период Февральской революции, а также притока беженцев из-за волны погромов в Белоруссии и на Украине в период гражданской войны.

Несмотря на революционные и военные потрясения начала XX в., Петербург-Петроград-Ленинград был достаточно стабилен в межнациональном отношении. В городе проходила разнообразная и насыщенная культурная жизнь национальных меньшинств, наиболее активная часть которых создавала самостоятельные общества, а в советский период была создана система государственных национальных организаций, включавшая школы, техникумы, театры, клубы, периодическую печать и книгоиздательство.

Последняя Всесоюзная перепись населения состоялась 12 января 1989 г. и проходила в сложной социальной атмосфере — разгар перестройки, начало национального возрождения для многих представителей национальных меньшинств. Население Ленинграда почти достигло 5 млн. чел., из них русских — около 4,5 млн., а примерно 550 тыс. (около 11 %) — представители более 128 различных национальностей (часть жителей — около 4 тысяч человек — не указали свою национальность). Самой крупной национальной группой стали украинцы — 151 тыс. (3 %), несколько уступали им евреи — 106 тыс. (2,1 %) и белорусы — 94 тыс. (1,9 %), а татары составляли 0,9 % населения (44 тыс.). За 30 лет (с 1959 г.) численность белорусов и украинцев выросла примерно втрое, татар — более чем вдвое, а евреев — уменьшилась на треть. Численность азербайджанцев и армян составила по 12 тыс. чел., причем первых — выросла в 4 раза, а вторых — в полтора. Группы от 5 до 10 тыс. чел. составляли чуваша, грузины, казахи, молдаване, мордва, численность которых росла, а также поляки, эстонцы и финны, численность которых уменьшалась. От 3 до 5 тысяч насчитывалось карелов, латышей, литовцев, немцев, башкиров.

К началу XXI века очень многое изменилось, ушел в историю Советский Союз, сменился общественный строй в Российской Федерации, а ее население значительно обновилось и в результате депопуляции, и за счет миграционного обмена с ближним и дальним зарубежьем. Каков же теперь состав населения нашего города?

Численность населения Петербурга составила всего 4 млн. 661 тыс. человек, то есть на 330 тысяч меньше, чем в 1989 году — налицо депопуляция, несмотря на приток в город новых жителей. Русских в Петербурге проживает теперь почти на 500 тысяч человек меньше, чем в 1989 году, — 3 млн. 950 тысяч человек. Снизился и удельный вес русского населения Петербурга — менее 85% по сравнению с 89% в 1989 году. Совокупное же население других национальностей выросло и теперь составляет почти 712 тысяч — на 160 тысяч больше, или 15,3% против 11% в 1989 году. Разумеется, этого следовало ожидать после распада СССР, официальной отмены института прописки, усилившейся миграции. Но в целом, обнародованные итоги переписи по национальному составу населения вызывают куда больше вопросов и откровенного недоумения, чем даже можно было ожидать от, увы, плохо организованной и дописанной в жилконторах и паспортных столах переписи, из которой впервые (!) за всю историю переписей — и в дореволюционной России, и в Советском Союзе — был исключен вопрос о родном языке. Актуальной стала проблема: как минимизировать вред от официальных данных переписи-2002? Но рассмотрим эти данные.

Всего в нашем городе отмечены представители 138 национальностей (в 1989 г. — 128), из них у 47 национальностей численность в Петербурге составляет не менее 500 человек. По-прежнему самыми крупными нерусскими национальностями города остались украинцы, белорусы, евреи и татары, но численность всех четырех снизилась. Украинцев теперь в

Петербурге насчитывается 87 тысяч, или 1,9% всего населения, белорусов 54,5 тысяч (1,2%), евреев – 36,6 тысяч, татар – 35,6 тысяч (по 0,8%). По сравнению с предыдущей переписью, численность украинцев и белорусов снизилась примерно на 42% у каждой группы, татар – на 20%, а евреев – на две трети (на 65,5%). Выросло количество петербургских армян (официально - их 19,2 тысяч), азербайджанцев (официально - 16,6 тысяч), грузин (10,1 тысяч), корейцев (3,9 тыс.), таджиков (4,5 тыс.), немцев (3,9 тыс.), осетин (2,8 тыс.). Напротив, снизилась численность башкиров, казахов, карелов, киргизов, коми, латышей, литовцев, марийцев, молдаван, мордвы, поляков, туркменов, удмуртов, узбеков, финнов, цыган, чувашей, эстонцев, якутов.

Однако эти цифры не вполне отражают реальную картину, о чем говорят и сами представители национальных диаспор. Так, руководители азербайджанской, армянской, татарской национально-культурных автономий Петербурга приводят данные о численности своих диаспор, в несколько раз превышающие официальные. Кроме того, лиц, не указавших свою национальность, в 2002 году в Петербурге оказалось 368 тысяч – почти в 100 раз больше, чем в 1989 году. Такое огромное количество "не назвавших" (не опрошенных? побоявшихся?) свою национальную принадлежность петербуржцев – почти 8% населения – также путают картину. Однако именно официальные цифры являются базой для этносоциальной политики Петербурга.

Но в любом случае, в начале XXI в. население Петербурга продолжает оставаться полиэтническим при росте нерусского населения, при этом часть его не имеет петербургских корней – это люди, сорванные с мест своего прежнего обитания вихрями перестройки и катаклизмами политических и экономических "реформ" конца века. Большинство из них – выходцы из Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья, есть и представители "дальнего зарубежья" – афганцы, вьетнамцы, африканцы. Увеличился и приток русского населения из бывших республик Советского Союза, нынешних независимых государств, где не всегда уютно чувствуют себя представители нетитульных наций.

Значительная часть новых переселенцев из бывших республик и регионов Советского Союза – экономические мигранты, прибывшие в Петербург для ведения бизнеса (разной степени легальности) и для работы по найму. Их деятельность вызывает неоднозначную реакцию местного населения, органов внутренних дел и администрации города, так как эти мигранты часто становятся конкурентами в определенных видах занятости (строительство, торговля, мелкое и среднее предпринимательство, охранный сектор и др.) и вступают в сложные экономические отношения с утвердившимися на петербургском рынке предпринимателями и финансистами. Кроме того, некоторые отрасли экономики, прежде всего строительство, в настоящее время практически невозможны без привлечения гастарбайтеров из ближнего зарубежья. С другой стороны, торговля наркотиками, связанная с некоторыми этническими группировками, представляет несомненное зло и серьезную угрозу для безопасности города. Наконец, опасность терроризма – важный фактор роста этносоциальной напряженности.

Эта новая ситуация в совокупности вызывает негативную реакцию петербуржцев любой национальности, но ведь проще увидеть опасность в чем-то непохожем, в ком-то "другом". При этом социально-экономические факторы чаще всего не принимаются во внимание, и недовольство устремляется по этническому, межнациональному руслу. И среди русского большинства горожан распространяется неприязнь к "понаехавшим", переходящая иногда в неприятие всего нерусского населения, независимо от рода занятий, укорененности в петербургскую почву и культуру. Это чревато нетипичным для нашего города обострением межнациональных и расовых отношений, первые всплески которого уже зафиксированы.

Межнациональная напряженность растет в Российской Федерации в целом. При этом наиболее опасным становится необъявленный курс, выражающийся в принятии репрессивного миграционного законодательства, отказа признать охватившую общество ксенофобию, стремлении свести ростки фашизма только к агрессивному национализму, игнорируя его социально-экономические факторы. На практике подразумевается, что "легальные" граждане РФ – только русские или, в крайнем случае, "лица славянской национальности". Актуализация конфессиональной принадлежности в нашем светском государстве, при явном выделении одной из конфессий, также не способствует межнациональной

стабильности. Наметилось движение к ликвидации национальных субъектов федерации — пока только в виде слияния автономных округов с краями и областями, но "процесс пошел", а его последствия просчитываются слишком одномерно, с позиций унитаризма, без учета исторической многонациональности страны.

В Петербурге на рубеже XX-XXI вв. сложилась и действует система культурной жизни национальных меньшинств, включающая общественные национально-культурные объединения, в т.ч. национально-культурные автономии, и межнациональные организации, координирующие их деятельность. Во многом благодаря работе этих общественных организаций, в Петербурге в целом поддерживаются традиционные цивилизованные межнациональные отношения. В конце 2004 г. принят закон "О межнациональных отношениях в Санкт-Петербурге", создан Консультативный совет по делам национально-культурных объединений при Правительстве города. Важнейшая общественная задача сегодня — воспитание межнациональной толерантности. Нельзя допустить, чтобы "другой" воспринимался обязательно как "чужой", чтобы наши этнокультурные различия превратились в преграду для общения, сотрудничества, добрососедства. Наша Конституция начинается словами "Мы, многонациональный народ Российской Федерации...". А жители нашего города с полным правом должны говорить о себе: "Мы, многонациональный Петербург".

В.В. Кнорринг

"НУЖЕН СИНТЕЗ!": ИДЕИ С. М. ДУБНОВА О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ И ШКОЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ В РОССИИ

Слова, вынесенные в заголовок, являются квинтэссенцией взглядов Семена Марковича Дубнова — выдающегося историка, мыслителя, политического и общественного деятеля. В наши дни наблюдается возрождение интереса к его трудам и политической концепции — почти каждый год какая-либо книга Дубнова выходит в свет солидным тиражом. Прошел и специальный форум, посвященный идейному наследию С. М. Дубнова¹. В начале же XX века авторитет С. М. Дубнова был огромным, у него было множество единомышленников и последователей, а его общественная и политическая деятельность имела широкий резонанс.

Семен Маркович (Шимон бен Меир) Дубнов родился в Мстиславле в 1860 г. Подобно многим своим ровесникам, он был автодидактом — не получил какого-либо систематического образования, но приобрел самостоятельно поистине энциклопедические знания. В двадцать с небольшим лет Дубнов начал литературную деятельность в журнале "Восход", где впоследствии долгие годы вел раздел литературной критики. Далеко не сразу он осознал, что его подлинным призванием является история. Но после того, как это случилось, Дубнов подчинил всю свою жизнь решению главной задачи — созданию всеобщей истории еврейского народа. Сегодня принято считать, что оригинальный вклад Дубнова в разработку этой темы связан с углубленным изучением восточноевропейского еврейства, его истории и этнографии. Этот аспект еврейской истории был самым тесным образом связан для Дубнова с современностью.

Современность же была наполнена противоречивыми веяниями. В России начала XX в. бурлила общественная жизнь, возникло множество политических движений и объединений, в том числе — специфически-еврейские. Их лидеры и идеологи по-разному представляли себе будущее еврейского народа. Одним из наиболее влиятельных течений стал политический сионизм, сторонники которого стремились к созданию самостоятельного еврейского государства. Набирало силу и еврейское рабочее движение, в авангарде которого шла партия "Бунд". В то же время многие еврейские интеллигенты относились к программам различных партий вполне индифферентно. Они были далеки от классовой

борьбы, а массовое переселение евреев в Палестину считали утопией, — в особенности те, которые почти не воспринимали себя евреями, будучи воспитанными в русской культуре.

Итак, диапазон мнений относительно настоящего и будущего еврейского народа, положения евреев в России и судьбы еврейской культуры был огромным. Наиболее радикальные сионисты отрицали не только возможность, но и необходимость любой общественной или культурной работы в странах рассеяния евреев. Они ставили под сомнение даже необходимость изучения евреями какого-либо языка, кроме иврита, поскольку считали, что в Палестине этот язык наравне с религией станет объединяющим фактором для переселенцев из разных стран. Излишне говорить, что родной язык большинства русских евреев, идиш, такие сионисты презирали. С другой стороны, лидеры рабочего движения считали иврит пережитком прошлого и языком религии, мечтая о строительстве светской еврейской культуры на языке идиш. Имелось и немало убежденных ассимиляторов, стремившихся к полному слиянию с русским народом и, соответственно, с русской культурой. Каждая из перечисленных концепций страдала односторонностью, и попытка проведения их в жизнь неизбежно привела бы к провалам и неудачам.

В этих условиях С. М. Дубнов разработал оригинальную концепцию, основанную на историческом опыте восточноевропейских евреев и учитывавшую реалии современности во всем их многообразии. В серии публицистических статей, позднее объединенных под заглавием "Письма о старом и новом еврействе", Дубнов выдвинул и обосновал теорию национально-культурного автономизма. Суть ее — в синтезе двух начал. Дубнов прибегает к диалектической триаде, утверждая, что тезис (обособленность евреев от окружающей среды, вызванная национально-религиозной традицией) породил антитезис (стремление к слиянию с окружающей средой, гражданскому и политическому равноправию, к аккультурации и, в конечном итоге, — к ассимиляции). Дубнов был уверен, что XX век станет веком синтеза и писал об этом так: "Он должен установить гармонию между гуманизмом и национализмом, между требованиями современного еврейского человека и требованиями национального коллектива. Современный автономизм исходит из представления о еврействе не как религиозной нации, а как культурно-исторической нации вообще. Если прежде единицей самоуправления была религиозная община, то теперь такой единицей должна стать национальная община, объединяющая и верующих, и неверующих. Секуляризованная община может ныне стать более сильным орудием национального объединения, чем прежняя религиозная община, автоматически отсекающая всю свободомыслящую интеллигенцию. Союз таких общин в каждой стране и всееврейский союз союзов во всей диаспоре должны быть высшими представительными органами нашей интернациональной нации"².

В 1906 г. С. М. Дубнов основал свою политическую партию, которую назвал "Народной" ("Фолксспартай"). В основу ее идеологии лег принцип автономизма. Собственно, партия создавалась для конкретизации и проведения этого принципа в жизнь. Далеко не случайно одной из центральных проблем для членов "Фолксспартай" стал вопрос о национальном воспитании.

В России начала XX в. существовала система еврейских конфессиональных школ в том виде, в каком она сложилась в раннем средневековье: начальное образование евреи получали в хедере, углубленное — в иешиве. Оба этих учебных заведения были надежно изолированы от светских знаний: согласно распоряжению Министерства народного просвещения, преподавание любых общенаучных дисциплин и даже русского языка в них было строжайше запрещено. Между тем, большинство выпускников хедеров не получало в дальнейшем никакого иного образования.

Знания по общенаучным предметам еврейские дети могли получить в светских еврейских школах или в общих учебных заведениях. Правда, поступить туда было нелегко из-за жесткой процентной нормы. Лишь немногие евреи могли поступить учиться не только в ВУЗы страны, но даже в обычные гимназии. Для них оставались доступными светские еврейские школы, но их программа, как правило, приближалась к общерусским, и содержала минимум предметов "еврейского цикла". Под "еврейскими предметами" подразумевались древнееврейский язык, библейская литература и история, пост-библейская история еврейского народа и, в исключительных случаях, идиш.

В этих условиях ассимиляция была предрешена: по окончании школы евреи впитывали в себя русскую культуру и искренне считали себя русскими. Но вот происходил очередной погром – и молодежь расставалась с иллюзиями. Дубнов с горечью писал о трагедии еврейской молодежи, "которую враждебный мир толкает обратно в ряды родной нации, между тем как они отчуждены от нее по своему воспитанию. ... И тут нужен синтез. Старая школа, хедер и иешива, воспитывала только еврея, новая воспитывает беспочвенного "человека"; новейшая должна формировать одновременно еврея и человека. Нужно гуманизировать старую школу и национализировать новую"³.

Почти за полвека до провозглашения этого лозунга в России была основана общественная организация, на долю которой и выпало строительство новейшей еврейской школы на принципе синтеза культур. Речь идет об Обществе для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ). Оно было основано в конце 1863 г., чему способствовали два основных фактора: внутренняя политика императора Александра II, первый этап правления которого называют "Эпохой великих реформ", и еврейское просветительное движение Хаскала. Термин на иврите означает "Просвещение", а само движение возникло в Германии в последней четверти XVIII в. Это было идейное, литературное и общественное течение, выступавшее против культурно-религиозной обособленности еврейства. Сторонники Хаскалы видели в усвоении светского образования залог улучшения положения еврейского народа.

Первые три десятилетия существования ОПЕ его деятельность в основном была направлена на помощь еврейским юношам в получении высшего образования, а следовательно, и гражданских прав. ОПЕ также активно занималось книгоизданием. В 1880-е годы оно первым начало разрабатывать тему еврейской истории в Польше – Литве – России. И все же Общество Просвещения оставалось кружком меценатов, который правительство пыталось использовать в своих целях до тех пор, пока не произошел перенос центра тяжести в работе ОПЕ на среднюю и начальную еврейскую школу. Именно это обстоятельство способствовало постепенной демократизации и росту авторитета ОПЕ. К своему полувековому юбилею Общество превратилось в многотысячную организацию с обширной и четко организованной инфраструктурой, с сетью собственных учебных заведений и более чем тремя десятками провинциальных отделений.

В одном из них, Одесском, на рубеже веков и разразились первые бои за национализацию еврейской школы. Об этом сохранились красочные воспоминания участников, в т. ч., Дубнова и Жаботинского⁴. Комитет местного отделения ОПЕ выступал за русификацию еврейской школы, оппозиция же требовала увеличения количества учебных часов, отводимых еврейским предметам. Этот эпизод получил большой общественный резонанс, но впоследствии борьба ОПЕ за увеличение объема еврейских предметов в программах еврейских школ стала обыденным явлением. Общество Просвещения имело свои школы в Петербурге, Витебске, Киеве, Риге, Вильне и в других городах. Все они, особенно столичные училища, стали испытательным полигоном для тех новшеств, которые ОПЕ хотело ввести в масштабе всей страны. Речь шла не только об объеме, но и о содержании программ по еврейским предметам. Разработка таких программ была важнейшим направлением работы педагогов Общества Просвещения. Затем, с помощью разъездных уполномоченных Общества, эти программы внедрялись в школах черты оседлости. Обязательным элементом обучения в школах ОПЕ были русский язык и литература, а также – русская история. При этом руководство ОПЕ внимательно следило за сбалансированностью учебных планов, стараясь не допустить крена в сторону какой-либо крайней позиции. Большинство членов Комитета ОПЕ составляли сторонники дубновской Фолкспартай. В течение пяти лет в руководство ОПЕ входил и сам Дубнов. Будучи чрезвычайно загруженным разработкой проблем еврейской истории, он, по его словам, тем не менее не мог отказаться от участия в строительстве народной школы.

Опыт, приобретенный Обществом Просвещения, в предвоенное десятилетие, пригласился в годы Первой Мировой войны. Район традиционной черты оседлости более всего пострадал от военных действий, а евреи, проживавшие в нем, оказались заброшенными в самые дальние уголки Российской империи. Беженцы оказались и в таких районах, где никогда до этого не было евреев, где их языка и обычаев никто не понимал. Общество

Просвещения сумело "с нуля" наладить беженские школы даже в самых труднодоступных местах и уберечь от разрушения систему учебных заведений в прифронтовых районах. К концу 1916 г. практически все дети беженцев учились в школах ОПЕ. Оно повсеместно стремилось ввести идиш как язык преподавания, но одновременно уделяло большое внимание преподаванию древнееврейского языка, литературы и изучению традиции. Общество также настаивало на углубленном изучении русской культуры в еврейских школах.

При этом ОПЕ испытывало давление со всех сторон: ортодоксы требовали сохранить конфессиональный характер школы и выбросить из программ светские предметы, их противники, тяготевшие к Бунду, добивались как раз обратного, а ассимиляторы утверждали, что в Поволжье или за Уралом еврейским детям знание еврейских предметов ни к чему — они должны ограничиться лишь изучением русского языка. На одном из форумов, созванном ОПЕ в 1916 г., прозвучали все эти точки зрения. Но там же прозвучало и выступление С. М. Дубнова, который доказывал правильность направления деятельности ОПЕ в области национального воспитания. От имени еврейского учительства на этом совещании была выражена благодарность Обществу Просвещения за спасение еврейской школы в годы войны.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть: в годы Первой Мировой войны ОПЕ сумело сохранить еврейскую школу как явление. Тем самым оно спасло еврейскую культуру в целом от преждевременного разрушения, что можно считать одной из главных заслуг ОПЕ. Но это стало возможным благодаря тому, что руководство Общества приняло на вооружение дубновские идеи о синтезе культур.

В заключение — немного о дальнейшей судьбе названных героев. Семен Маркович Дубнов занимался в основном историческими исследованиями, ради этого отказываясь от непосредственного участия в политической и общественной деятельности. Октябрьскую революцию он не принял, а в 1921 г. эмигрировал и продолжал трудиться над завершением еврейской истории и книги мемуаров в Берлине, затем — в Риге. Там он и погиб в 1941 г., в первые же недели немецкой оккупации. Созданная им Фолксспартай пользовалась немалой популярностью в Польше, где нашла множество сторонников и просуществовала до конца 1920-х годов. Как уже говорилось, сегодня происходит возрождение интереса к ее идеологии и в нашей стране.

Общество Просвещения в 1917 г. приняло участие в общинном строительстве и подготовке к созыву Всероссийского еврейского съезда. Попытка провозглашения еврейской национальной автономии не удалась, но ОПЕ уцелело в годы революции и гражданской войны, несмотря на то, что в 1918 г. все его школы были национализированы. Оно вновь активизировалось в начале 1920-х гг., но сосредоточилось лишь на научной, публикаторской и библиотечной деятельности. ОПЕ было закрыто в конце 1929 г.

В течение многих десятилетий Общество Просвещения было забыто. Но без него невозможно представить полную картину многонациональной культурной жизни России начала XX в. Помимо этого, думается, что конструктивная деятельность Общества Просвещения и сегодня заслуживает внимания и уважения, а опыт, накопленный им, можно частично перенять.

1 Дубновские чтения : материалы 1-й Междунар. науч. конф. "Наследие Семена Дубнова и изучение истории евреев в странах СНГ и Балтии", посв. 140-летию со дня рождения ученого : сб. ст. — Минск : Четыре четверти, 2001. — 186 с. : ил.

2 Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени — СПб. : Петербургское востоковедение, 1998. — С. 227.

3 Там же.

4 Дубнов С. М. Указ. соч.; Жаботинский В. Е. Избранное. — СПб. ; Иерусалим, 1992. — 334 с.

СТОЛЫПИНСКАЯ РЕФОРМА КАК ШАНС ЕВРОПЕЙСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ВКЛАД НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ

Иностранные колонисты появились в Поволжье в 60-х гг. XVIII в. по инициативе самого русского правительства. Несколько манифестов, изданных в 1762-1764 гг., определили дальнейшую жизнь иммигрантов. Это был первый опыт подобного массового приглашения иностранных подданных. До этого лишь отдельные личности на собственный страх и риск решались отправиться в Россию. В данном случае переселенцам гарантировались поддержка со стороны государства, а также привилегии в вопросах вероисповедания. Этим объясняется, почему среди иностранцев преобладали лютеране, а также то, почему первая попытка приглашения иностранцев в 1762 г. не имела успеха. Хотя нельзя забывать и о тяжелой экономической обстановке в немецких княжествах. Несмотря на то, что среди них были люди разных национальностей, за ними закрепилось общее название "немецкие колонисты".

Приглашая колонистов в Россию, правительство преследовало определенные колонизаторские цели. Колонисты, по замыслу Екатерины II, должны были превратить пустынные земли в обжитые территории с развитым земледелием. В манифестах открыто не указывалось, что приглашают именно землевладельцев, а селиться разрешалось в любом месте Российской империи. Тем не менее, перечень земель, которые предлагались вновь прибывшим, определенно указывал на то, что стране нужны были именно земледельцы. Поэтому правительственными чиновниками проводился определенный отбор среди тех, кто изъявил желание поселиться в России. Однако частные вербовщики не отнеслись к этому вопросу так же ответственно и набирали практически всех, кто к ним обращался. Многие из прибывших, помыкавших в незнакомой стране в течение нескольких лет, были вынуждены вернуться на Родину.

Первые несколько лет были действительно трудными, что вполне понятно, если учесть незнание подавляющим большинством колонистов мест, где им предстояло жить. Возможно, именно этими трудностями физического выживания и необходимостью общения, всем обществом, преодолевать возникшие сложности следует объяснить тот факт, что очень скоро, вразрез с объявленным в Манифестах принципом подвального землевладения, колонисты перешли к общинному пользованию землей. Во всяком случае, уже с конца XVIII века в Саратовских колониях иностранных поселенцев распространена именно эта система землепользования. Причем, через 100 лет колонисты уже не могли вспомнить, что когда-то в колониях существовало подвальное землевладение. Слишком короткий промежуток времени было отведено ему историей. Парадокс в данном случае состоял в том, что официально правительство вплоть до 1871 г. не изменило изложенного в Манифесте принципа наследования. И только в "Правилах об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов)", в пункте "ж" Статьи 19 обычай получил статус закона.

Надежды российского правительства на то, что колонисты будут не только способствовать колонизации пустынных поволжских земель, но и, в определенной мере, помогут поднять уровень сельского хозяйства, не оправдались. На протяжении почти всего XIX века хозяйства колонистов мало чем отличались от русских крестьянских подворий. Однако колонисты постоянно улучшали сельскохозяйственные орудия труда и, наряду с привычными для России этой полосы сельскохозяйственными культурами, такими, как рожь и пшеница, стали выращивать подсолнечник, просо и ряд других видов. В конце века колонисты начинают понемногу использовать сельскохозяйственные машины, а к началу XX века относятся первые попытки колонистов перейти от трехполья к четырехполью и т.д. Кроме того, в силу замкнутости колониальных обществ, последние и не могли оказывать реального влияния на ближайших соседей. Изолированности колонистов способствовали и незнание русского языка, и различная конфессиональная принадлежность. Особое положение колонистов подчеркивалось существованием специального органа управления — Канцелярии конторы опекунов иностранных граждан. Закон от 4 июня 1871 г., уравнявший их в правах с крестьянами, стал первым шагом к интеграции основной массы колонистов в

структуру российского общества. В дальнейшем этому способствовали также законы 1874 г. о несении колонистами военной службы и о ведении официальных бумаг на русском языке.

Конец XIX – начало XX вв. был ознаменован кризисом сельского хозяйства в стране. Коснулся этот кризис и поволжских немцев: происходит дальнейшее обезземеливание, растет эмиграция за границу.

Столыпинская реформа, призванная, по замыслу ее организаторов, вывести сельское хозяйство страны из тупика, в котором оно долгое время пребывало, в качестве экономической опоры пыталась использовать зажиточные слои населения.

Лишь с 1909 г. колонисты начали активно проводить землеустроительные работы. Однако в дальнейшем стали активными сторонниками реформы. Так, в Камышинском уезде Саратовской губернии показатели, характеризовавшие проведение реформы в уезде, складывались в основном из сведений, касавшихся немецких обществ. Реформа в немецких обществах имела несколько особенностей: так, пик активности колонистов в реформировании хозяйств, пришелся на 1910-1914 гг., т.е., тот период, когда в русских селениях этот пик уже прошел; более широким, по сравнению с русским населением, был охват колонистов, участвовавших в реформах; колонисты, в отличие от российских крестьян, выходили на отруба и хутора целыми селениями, в то время как среди русских крестьян только отдельные домохозяева изъявляли желание выделить свою наделную землю. Причины этого видятся в более устойчивом, в сравнении с крестьянским, хозяйстве колонистов.

Правительство считало, что бывшие колонисты не нуждаются в помощи Крестьянского Поземельного Банка, т.к. достаточно обеспечены и землями, и средствами для приобретения земель. В связи с этим были введены неофициальные ограничения на покупку колонистами угодий из банковских имений и при содействии самого Банка. Для каждого такого случая требовалось специальное разрешение Управления Крестьянского Банка и Министерства внутренних дел. Подобное настороженное отношение к колонистам было характерно в изучаемый период для верхних эшелонов власти. На местах же часто власти ходатайствовали о разрешении колонистам приобретать земли при содействии Банка.

Еще в конце XIX в. немецкие крестьяне начали переселяться за Урал, беря у Сибирского казачьего войска земли в аренду. В годы Столыпинской аграрной реформы миграция усилилась, но теперь крестьяне поселялись на казенных землях. В целом, движение немецких крестьян в Сибирь было тесно связано с крестьянской колонизацией окраин Российской империи.

По сравнению с русскими и украинцами переселенцами, немецкие крестьяне сумели лучше устроиться на новом месте. Этому было несколько причин: более высокая материальная обеспеченность немецких мигрантов, высокий уровень грамотности и культуры, ряд национальных черт. В совокупности, это позволило им достаточно быстро - в течение жизни одного поколения - основать крепкие хозяйства.

Разные группы немцев привозили в Сибирь не только капитал, домашний скот, но и свое понимание ведения сельского хозяйства, свои традиции в обработке земель и землепользовании. Колонисты из Поволжья и здесь сохранили общину. Меннониты же, у которых на юге было подворное землевладение, в Сибири также придерживались этого способа. В результате переезда все группы переселенцев увеличили свою обеспеченность землей. В старых местах расселения немцы были лучше обеспечены землей, чем русские и украинцы; эта же тенденция сохранялась и в Сибири. Немцы сумели выровнять социальный состав переселенцев. Если на родине 16% немецких крестьян не имели вообще земли, то в Сибири безземельных хозяев стало в 5 раз меньше. При этом возросло количество хозяйств, имевших свыше 6 дес. пашенной земли. Если на прежних местах проживания их было 42,4%, в Сибири эти показатели равнялись уже 67,95 %.

Обеспеченность переселенческих хозяйств скотом также оставляет первенство за немецкими хозяйствами. Так, у русских крестьян на одно хозяйство приходилось 10,4 голов скота, у украинцев – 12,62, у немцев эта цифра составляла 14,43. Уже через 4-7 лет 98,5% немецких переселенцев имели свое жилье.

Сельскохозяйственные машины имели 13,51 % немецких хозяйств в Сибири. Эти пока-

затели такие были выше, чем у других национальных групп: у русских – 3,9%, а у украинцев – 6,83%. Исследователи выделяют факторы, позволившие немецким переселенцам основательнее устроиться в Сибири:

- более высокая материальная обеспеченность немецких переселенцев (русская семья при переселении обычно имела – 75,92 руб., украинская – 115,22 руб., немецкая – 159,59 руб.);

- наличие крупного скота;
- рациональное использование трудовых и денежных ресурсов;
- национальные черты немецких переселенцев – трудолюбие, бережливость, аккуратность.
- более высокий уровень грамотности среди переселяющихся немецких крестьян по сравнению с другими национальностями.

Умение немецких крестьян лучше устраиваться на новом месте не прошло незамеченным и для чиновников, занимавшихся переселением крестьян. Так, в сборнике статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии прямо указывалось, что наиболее “культурную и зажиточную часть населения Кулундинской степи представляют немцы, особенно, меннониты...”¹. Всего немецкие крестьяне основали в Сибири около 300 населенных пунктов.

Немецкие крестьяне были готовы занимать самые неудобные для земледелия земли. В телеграмме Степному генерал-губернатору заведующего переселенческим делом в Акмолинском районе от 16 августа 1908 года фон Штейна, содержавшей просьбу о разрешении поселиться немцам на участках Сулу-куль и Ащи-куль Омского уезда, прямо говорилось, что “никто более не соглашается занять эти отделенные степные, с легкими почвами участки”².

Те, кто сумел устроиться на новых местах, улучшили свое материальное положение по сравнению с прежним. Но почти четверть уехавших, не устроившись в Сибири, была вынуждена вернуться в Поволжье, а здесь их положение ухудшилось, т.к. общества отдавать обратно земли не соглашались.

Относительным свидетельством благосостояния немецких колонистов является следующее признание М. Гульчака: “Здесь (АССРНП-Р.Е.) есть районы многоземельные (левобережье) в прошлом с большой прослойкой кулацкого элемента - ещё в 1920 г. было 17% хозяйства, имевших 4 и более голов рабочего скота, и, наоборот, малоземельные (правобережье), районы исключительно сельскохозяйственные и смешанные с кустарным промыслом”³.

В целом, колонисты поддерживали проводимую правительством реформу, однако по достоинству правительство этого так и не оценило. С началом Первой мировой войны антинемецкие настроения ещё более усилились, а в 1915 г. были приняты так называемые “ликвидационные законы”, принудившие немцев к выселению с приграничных территорий.

1 Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири 1895-1917. Сост. П.П.Вибе. Омск, 2000. С.188.

2 Там же. С.108.

3 М.Гульчак. Немецкая деревня как она есть. Саратов. 1929, С.5.

В.Р. Кравчук

ПРАВО НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ДУМСКОЙ МОНАРХИИ

Изменение религиозной ситуации в России было связано с кризисом самодержавия, который 9 января 1905 г. перерос в первую русскую революцию. Она вывела на политическую арену широкие слои народа, в том числе армию. Частью революционного движения явилась борьба верующих инославных и иноверных исповеданий за свои права и свободы. Под ее влиянием 17 апреля 1905 г. был опубликован Указ “о веротерпимости”, а 17 октября - Манифест “о свободе совести”. Введением этих законодательных актов самодержавие

рассчитывало снизить религиозно-национальную и социальную напряженность, которая росла на протяжении многих лет и достигла апогея из-за обострения внутренних противоречий в обществе и неудач в русско-японской войне. Введенные Указы расширили права и свободы верующих основных конфессий и объединений, кроме православия, которое, сохраняя статус государственной религии, оставалось в полном его подчинении.

Процессы, повлиявшие на расширение свободы совести и вероисповедных прав в обществе, значительно сказались и на положении иноверцев в армии. Ко времени выхода Указа и Манифеста, армия значительно изменилась, что отразилось на остроте этих процессов. К данному периоду существенно расширился призыв в армию инородцев, которые ранее были освобождены от воинской повинности, сектантов и даже "неблагонадежных". Так, в 1901 г., в одном из докладов Военный министр отметил, что "было взято с населения 286.800 новобранцев и, кроме того, 5.600 человек выставлено населением Кавказа". В 1903 г. Главным штабом (ходатайство № 45750 от 28.10.1903 г.) был поставлен вопрос "об общем привлечении мусульман Кавказа к выполнению воинской повинности"². В самый канун войны с Японией губернатор Дагестанской области докладывал, что "отчетный год (1904) ознаменовался в жизни области выдающимся фактом — формированием в ней 2-го Дагестанского конного полка³". В Туркестанском крае, в связи с началом войны, было принято решение о том, чтобы расширить поступление в стрелковые войска конно-охотников из местного туземного населения⁴. В этом же году был произведен второй призыв новобранцев Великого княжества Финляндского для пополнения лейб-гвардейского 3-го стрелкового Финского батальона (190 человек), а перед Министерством внутренних дел был поставлен вопрос о привлечении к отбыванию воинской повинности мужского населения из некоторых отдаленных областей и инородцев⁵.

Наряду с этим, в армию активно начали призывать сектантов, несмотря на их протесты и отказы. Так, 12 июля 1905 г. Министр внутренних дел циркуляром, адресованным губернаторам, еще раз подтвердил обязательность призыва запасных из числа членов "вредных сект": иконоборцев, молокан, скопцов, духоборов, бегунов, которые отвергали молитву за царя и военную службу⁶. Это привело к тому, что, как видно из приведенной ниже таблицы, в русской армии стал увеличиваться количественный и процентный состав инославных и иноверных верующих, раскольников и сектантов⁷.

Вероисповедания	1903 г.	1905 г.
Православные и единоверцы	237.414	351.736
Раскольники	4.206	5.674
Прочие христиане	44.251	54.082
Менониты	200	327
Сектанты инославных христианских исповеданий	123	124
Евреев	17.844	16.725
Караимов	18	21
Магометан	10.292	14.592
Язычников	448	688
Итого	314.796	443.969

Несмотря на утверждение, что "лишь истинный христианин может быть истинно доблестным воином"⁸, в армии проходило службу уже около 30% (29,7% в 1905 г.) иноверцев. Это заставило военное руководство принимать дополнительные меры для решения их вероисповедных проблем.

С этой целью был частично расширен введенный в 1896 г. штат инославного (магометанского - в 1904 г.) военного духовенства, как во всей русской армии, так и в действующей (воюющей) армии. Об этом свидетельствуют представления к награждению указанных священнослужителей при штабах 2 и 3 Манчжурских армий, стрелковых дивизий, санитарных отрядов и т.д. Из награжденных представлений видно, что некоторые священнослужители инославных и иноверческих исповеданий входили в состав воинских частей сверх штата⁹.

После опубликования Указа от 17 апреля 1905 г. возник вопрос о порядке и способах обеспечения религиозных нужд находящихся на военной службе, в дополнение к инославным и иноверческим воинам, старообрядцев и сектантов.

В этой связи Департамент общих дел МВД в своём отношении № 2500 от 28 января 1907 г., адресованном на имя Обер-Прокурора Св. Синода, заявил о готовности некоторых высших военных чинов к учреждению штатных должностей для наставников военнослужащих-караимов, старообрядцев и армян, а также о целесообразности составления календаря праздников для отдельной категории старообрядцев и сектантов¹⁰.

Своими предложениями Департамент общих дел стремился подвинуть военное ведомство к более решительному разговору с православным духовенством о расширении армейских вероисповедных прав инославных и иноверных нижних чинов, а Св. Синод - к некоторым уступкам. Однако, Св. Синод и военное ведомство отказались от принятия поспешных и неверных, как они считали, мер такого порядка.

В целом, проведенный анализ указывал, что демократические изменения положения неправославноверующих в армии были сведены к минимуму из-за косности и рутины в деятельности военного руководства на местах, а также его зависимости от мнения Военного министерства и Министерства внутренних дел, от Св. Синода и Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Трагизм положения заключался в том, что даже в момент, когда веротерпимость уже была провозглашена официально, на театре военных действий в далекой Манчжурии раненые и умирающие старообрядцы были лишены возможности услышать от своих духовников последнее напутственное слово перед смертью. Старообрядцы просили разрешать их священнику посещать места нахождения больных и раненых из среды их единоверцев, но в этой просьбе им было отказано¹¹. Только после указания из Главного штаба их стали допускать в госпитали к больным и раненым. Сектанты вообще услышаны не были.

Расширение в законодательных актах 1905 г. вероисповедных свобод иноверцев почти не повлияло на господствующее положение православной религии в армии. Изменения в основном коснулись порядка исполнения религиозных треб военнослужащими и роли командиров в их осуществлении. Например, командиры частей с этого времени должны были только содействовать священникам, а не наблюдать и контролировать, как ранее, за исполнением военнослужащими религиозных обрядов¹². Тем не менее, это привело к тому, что в некоторых воинских частях к голосу священника перестали прислушиваться даже в вопросах воспитательного характера. Иногда дело доходило до конфликтов. Отдельные командиры даже специально мешали священникам. Протопресвитер военного и морского духовенства А.А. Желобовский, опасаясь конфронтации, которая могла возникнуть на этой почве, был вынужден просить православное военное духовенство действовать в конфликтных ситуациях "в духе любви и кротости", избегая резких речей и жестких объяснений. По его мнению, обыденную деятельность воинских частей следовало согласовывать по возможности с религиозными обрядами¹³.

Пополнение русской армии иноверцами, старообрядцами и сектантами усугубило проблемы, связанные с обеспечением их вероисповедных прав и свобод. Это, в свою очередь, вызвало и с их стороны усиление протеста, который, в большинстве случаев, выражался в отказах и уклонениях от службы, присяги, выполнения обязанностей с оружием в руках и др. Военное министерство и Министерство внутренних дел вынуждено было по-иному взглянуть на данную проблему и для ее разрешения встать на путь поиска компромиссов.

Так, министр внутренних дел П.Дурново выступил с разъяснениями об отношении к таким военнослужащим. В ответном письме на запрос Военного министра от 14 мая 1905 г. за № 658 он указывал, что "весьма значительное число имеющихся в Российской империи сектантских толков и старообрядческих согласий признают по своим религиозным убеждениям войну недопустимой, восстанут против присяги, повиновения, законов, властей и поставляют себе за правило не носить оружия. К ним относятся: меннониты, духоборы, молокане, штундисты, немояки, толстовцы, странники, лужковцы, неглатильщики и др.". Несмотря на их отношение к службе и, исходя из того, что защита Престола и Отечества составляет священную обязанность каждого русского подданного, он требовал всех приверженцев упомянутых толков привлекать к отбыванию воинской повинности на общих основаниях. "Засим однако, - отмечал П.Дурново, - если означенные лица по определению их в войско будут сопротивляться исполнению обязанностей и ношению оружия, то в заслуживающих случаях надлежит секретным распоряжением Военного министра

освобождать их от строевой службы и ношения оружия"¹⁴.

Однако в данном вопросе мнения государственной верхушки различались кардинально. Так, Департамент духовных дел иностранных исповеданий в данном вопросе оставался бескомпромиссным. В циркуляре департамента № 3843 от 15 февраля 1906 г. отмечалось, что "установление для сектантов, склонных отрицать воинскую повинность, льгот едва ли представлялось целесообразным, так как это могло бы искусственно содействовать распространению учения, а равно уклонению от воинской повинности под видом принадлежности к данному вероучению"¹⁵.

Требования департамента подкреплялись и жестким законодательным актом, но только против вообще отказывающихся от несения службы. 18 августа 1906 г., в дополнение Раздела II Главы III "Воинского устава о наказаниях" была введена статья 125 (прим), в которой определялось, что "за упорный отказ, с целью совершенного уклонения от исполнения воинской повинности, от несения строевой или нестроевой службы, виновные подвергаются отдаче в арестантские отделения на время от 4-х до 6-ти лет или ссылке в каторжные работы на время от 4 до 6 лет"¹⁶.

В дальнейшем, комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности, созданная 11 мая 1911 г. при Главном штабе, в свою очередь отмечала, что "Военное министерство, являясь принципиально против всякого рода изъятий от воинской повинности, признает, что насильственное привлечение сектантов в армию вряд ли послужит на пользу армии и государству. Подлежащие военной службе сектанты могли бы прилепкаться к санитарной службе или в рабочие команды. В военное время их также могли бы привлекать для военно-санитарной службы и для работы в тылу"¹⁷.

Правительство, военное ведомство понимали, что в целях сокращения количества отказов и уклонений от службы по религиозным мотивам, оставлять на прежнем уровне удовлетворение вероисповедных прав иноверцев и сектантов в армии уже невозможно. Поэтому в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий был разработан 27 февраля 1912 г. и направлен в войска циркуляр, определявший, что, "авиду Высочайшего Указа от 17 апреля 1905 г. об обеспечении каждому из русских подданных свободы вероисповедания, в Главном штабе разработаны правила удовлетворения религиозных нужд военнослужащих старообрядцев, иноверцев и сектантов".

По действующему положению религиозные нужды военнослужащих - последователей римско-католического и евангелическо-лютеранского исповеданий - удовлетворялись в армии штатным духовенством в военных округах. Равным способом было определено удовлетворение религиозных нужд армяно-грегориан, магометан, евреев и караимов. Таким образом, надлежало обеспечить удовлетворение религиозных потребностей военнослужащих: а) старообрядцев всех согласий; б) отпавших от православия сектантов: молокан Донского толка, шундистов-баптистов, пашковцев, адвентистов и эноховцев; в) сектантов-христиан: баптистов, меннонитов, гернгутеров и мариавитов и г) ламаитов на следующих основаниях: 1) в пунктах стоянок войск, где есть местные духовные лица соответствующих исповеданий - увольнять к ним нижних чинов или приглашать названных лиц в части войск для выполнения религиозных треб, обрядов и привода к присяге; 2) в местах стоянок войск, где нет соответствующих духовных лиц, - приглашать их из ближайших мест"¹⁸.

Эти, как и некоторые другие решения правительства, Военного министерства и Министерства внутренних дел позволили несколько снизить напряженность и проблемы, связанные с обеспечением свободы совести и вероисповеданий в русской армии. Удалось также добиться определенного прогресса в организованном привлечении к службе в армии иноверцев, старообрядцев и сектантов. В отношении первых проблем почти не возникало, что же касается призывников-сектантов, то они в своем большинстве, наряду с остальными верующими, исполняли воинскую повинность. Только незначительная часть фанатично настроенных сектантов, несмотря на жестокие преследования их со стороны закона, оставались на позициях категорического отказа от службы.

1 Всеподданнейший доклад по Военному министерству 1901 г. Численный состав, организация и комплектование войск. - СПб.: Гл. штаб, 1902. Раздел 1. - С. 2.

2 РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 93. Л. 1.

3 См.: РГИА. Ф. Библиотечный. Оп. 1. Д. 23. Всеподданнейший отчет Военного губернатора Дагестанской области за 1904 г. - Л. 4.

4 Всеподданнейший доклад по Военному министерству 1905 года. Численный состав, организация и комплектование войск. Часть 1. Меры, вызванные войною. - СПб.: Гл. штаб, 1906. Раздел 1. - С. 15.

5 Там же. Часть 2. Комплектование нижними чинами. - С. 49.

6 РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 3766. Л. 72.

7 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 829. ЛЛ. 71, 80.

8 Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской Армии: Рос. воен. сб. / Под общей ред. А.Е. Савинюк. - М.: Русский путь, 1997. - Выпуск 12. - С. 494.

9 РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 81. ЛЛ. 91-135.

10 РГИА. Ф. 805. Оп. 4. Д. 5687. Л. 22.

11 Мельгунов С. Церковь и государство в России. - М., 1907. - С. 122.

12 Собрания военных священников в Финляндии // Вестник военного и морского духовенства. - 1912. № 18. - С. 572; См. также: Устав внутренней службы 1910 г. - СПб.: Воен. типография, 1911. - Пф. 549: "Командиры частей обязаны оказывать содействие своим подчиненным, не исключая и прикомандированных, в исполнении религиозных обязанностей, налагаемых на них их вероисповеданиями".

13 Обозрение Протопресвитером военного и морского духовенства А.А. Жалобовским подведомственных ему церквей. - СПб., 1891. - С. 67.

14 РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 147. ЛЛ. 53-57 об.

15 РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 147. Л. 72.

16 См.: там же. Л. 59.

17 См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 147. ЛЛ. 64 об, 65.

18 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 589. ЛЛ. 1-2.

H. R. Peter

„SO GENANNTEN RUSSEN“: VERÄNDERUNGEN IM TYPUS UND SELBSTVERSTÄNDNIS RUSSISCHER STUDENTEN IN DEUTSCHLAND NACH DER REVOLUTION 1905

Die Studenten wurden im vorrevolutionären Russland als eine Art Seismograph für den allgemeinen Zustand der Gesellschaft betrachtet. Michail Bernackij schrieb 1910 in „Zaprosy i zni“, dass die gesellschaftliche und kulturelle Physiognomie der Studenten, ihr intellektuelles und moralisches Niveau das geistige Wesen der werdenden Intelligenz präge und die Erklärung für aktuelle gesellschaftliche Stimmungen liefere.¹ Unter den Bedingungen der reaktionären Wende nach der Revolution 1905-1907 diagnostizierte Bernackij einen allgemeinen „gesellschaftlichen Verfall“, der sich auch auf die Studentenschaft ausgewirkt habe. Belege dafür sah er in einer Differenzierung der einst überwiegenden linken Orientierung, einer verbreiteten politischen Gleichgültigkeit, dem Anwachsen rechter Tendenzen sowie stärker werdenden antisemitischen und antifeministischen Tendenzen. Daneben beklagte er eine Verschlechterung der materiellen Situation: Die Begriffe „Student“ und „Armut“ konnten synonym gebraucht werden. Trotzdem meinte Bernackij, dass solche neuen Erscheinungen nicht zu hoch bewertet werden sollten: Im Grunde sei der „neue Studententyp“ aus dem gleichen Holz geschnitzt und der Zukunft zugewandt wie der „alte“.²

Dieser Beitrag wird untersuchen, ob sich nach der Revolution 1905 in analoger Weise auch in der russländischen Studentenschaft an den Universitäten und Hochschulen in Westeuropa ein Wandel vollzog. Da sozialstatistisches Material nicht in ausreichendem Umfang zur Verfügung steht, stützt sich die Studie in erster Linie auf Berichte von Zeitgenossen sowie Beiträge und Korrespondenzen in der russischsprachigen Publizistik. Besondere Beachtung wird dem Material der bisher kaum ausgewerteten studentischen Zeitungen und Zeitschriften geschenkt. Solche subjektiven Befunde werden anhand von Datenmaterial aus Befragungen der russländischen Studenten im Ausland sowie unveröffentlichten Archivquellen wie Lageberichten der deutschen Polizei und der Korrespondenz des Zentralbüros der Auslandsgruppen der RSDRP in Paris mit sozialdemokratischen Unterstützungsgruppen in deutschen Universitätsstädten kritisch überprüft. Auf diese Weise sind zumindest wesentliche Tendenzen in der Stimmung und im

Verhalten der Studierenden festzustellen und in Vergleich mit den Entwicklungen in Russland selbst zu stellen.

„Wahrnehmungstypen“: Zur Perception russländischer Studenten in Deutschland

Zunächst ist davon auszugehen, dass die Motive und Ziele für ein Studium im Ausland und die Varianten des sozialen und akademischen Verhaltens der Studenten aus dem Russischen Reich in Westeuropa sehr vielfältig waren und einem historischen Wandel unterlagen. Schon deshalb ist eine schematische Unterscheidung von Studententypen wenig sinnvoll. Hinzu kommt, dass eine solche Differenzierung nach klaren Kriterien wie sozialer Abstammung, Konfession, Fakultäten und Studienfächern oder Mitgliedschaft in studentischen Vereinen und politischen Exilorganisationen aufgrund der Quellenlage höchstens mit Hilfe von Fallbeispielen für ausgewählte Hochschulen geleistet werden kann. Andererseits wurden bereits in der zeitgenössischen Diskussion Begriffe geprägt, die ganz allgemeine Veränderungen im Habitus und im Auftreten der Studierenden kenntlich machen. Diese tauchten in der späteren Literatur immer wieder auf und sind direkt oder in Abwandlungen auch auf die akademischen Migranten aus dem Russischen Reich anwendbar. Hinzu kamen Stereotype der Wahrnehmung „fremdstämmiger“ Studenten in Deutschland auf der einen und der Landsleute an westeuropäischen Hochschulen in Russland auf der anderen Seite, welche das öffentliche Bild prägten. Die hierbei beobachteten Studententypen spiegelten durchaus nachvollziehbare Motive und Ziele für ein Studium im Ausland und daraus resultierende Verhaltensweisen wider. In der politischen Polemik wurden dabei gezeichnete Bilder zum Teil instrumentalisiert und prägten die öffentliche Meinung ungeachtet realer Veränderungen in der Studentenschaft. Nachfolgend sollen einige dieser „Wahrnehmungstypen“ charakterisiert werden.

Bereits im Aussterben begriffen war um 1900 der „**akademische Reisende**“, der bis ins letzte Drittel des 19. Jahrhunderts das Bild der russländischen Studenten im Ausland wesentlich geprägt hatte. Er kam in aller Regel aus gutem – oft adligem – Haus und schrieb sich nicht an einer Universität ein, um einen bestimmten Abschluss zu erwerben, sondern weil er seine allgemeine Bildung erweitern wollte. Solche Studenten bevölkerten vor allem die klassischen Universitätsstädte wie Göttingen oder Heidelberg, wohin sie neben den grossen Namen einzelner Gelehrter auch die Vorzüge der Kultur und Landschaft oder benachbarte Kurorte zogen. Beschreibungen dieses Studententyps begegnen uns u.a. in der reichhaltigen Literatur über das „russische Heidelberg“ oder die „russische Seele“ der Universität Göttingen.³

Zu Beginn des 19. Jahrhunderts dominierten in der Wahrnehmung der Studenten aus Russland durch die Behörden und die Öffentlichkeit in Deutschland die „**Anarchisten**“ und „**Revolutionäre**“. Ja. Lescinskij beschreibt sie als „**Zugvögel**“, die zwar nebenbei ein paar Vorlesungen hörten, ihre Zeit aber meist mit dem Studium von Parteiprogrammen verbrachten und von Beginn an darauf eingerichtet waren, bei der ersten sich bietenden Gelegenheit nach Russland zurückzukehren.⁴ Ihr Dasein an den Hochschulen des Auslands habe daher nur Übergangscharakter getragen. Dementsprechend verfolgten ihre Organisationen vorwiegend politische Ziele und weniger die akademischen Interessen der Studierenden. Dieser Typ des revolutionär gesinnten Studenten wurde von den deutschen wie von den russischen Polizeibehörden voller Misstrauen beobachtet. Vereinzelt Zwischenfälle erharteten diese Vorurteile und verankerten sie im öffentlichen Bewusstsein. Ein breites Echo in der Presse fanden z.B. die Ermordung des russischen Kultusministers Bogolepov durch den Berliner Studenten Karpovich im Februar 1901 oder die Proteste polnischer und russländischer Studenten gegen antislawische Ausfälle in den Vorlesungen des Historiker Schliemann. Auf dem Königsberger Prozess 1904 wurde eine Verwicklung von Studenten in den Schmuggel von revolutionärer Literatur behauptet. Die Diskussionen darüber beschäftigten selbst den Deutschen Reichstag. In Jena dienten die Präsenz von Studenten aus Russland auf der Gästetribüne des Parteitages der SPD im September 1905 und ihre Beifallsbekundungen für die Rede von August Bebel als Anlass für politische Verdächtigungen. Und in Sachsen wurden den Studierenden aus Russland „**Wahlschlepperdienste**“ für die Sozialdemokratie bei den Wahlen zum Reichstag vorgeworfen.

Parallel zu den „politischen Aktivisten“ erregten um 1900 die in wachsender Zahl an die Hochschulen dringenden sozialen Aufsteiger aus minder privilegierten Schichten den Unmut konservativer Teile der Gesellschaft. Diese „**Brotstudenten**“, wie man sie in Deutschland bezeichnete, waren häufig weder in der Lage noch interessiert, ein „standesgemässes“ Studentenleben zu führen. Von den

konservativen Studenten wurden sie als Gefahr für die privilegierte Rekrutierung des akademischen Nachwuchses aus den Kreisen des Adels, der höheren Bürokratie und des Grossbürgertums und als Konkurrenz auf dem akademischen Arbeitsmarkt betrachtet. Besonders an den Technischen Hochschulen in Deutschland, aber auch an den medizinischen Fakultäten der Universitäten, gab es eine beträchtliche Zahl von Studierenden aus dem Russischen Reich, die diesem Typus nahe kamen. Sie hatten zum Teil bereits den Abschluss einer russischen Hochschule erworben und waren zur Vertiefung ihrer Kenntnisse oder zum Erwerb zusätzlicher Qualifikationen ins Ausland gekommen. Exemplarisch beschrieben sind sie in den biographischen Arbeiten von Ja.N. Scapov über das Studium seines Vaters in Darmstadt und Zürich.⁵

Charakteristisch für diese Studenten war ein konzentriertes, zielbewusstes Studium. Ein grosser Lerneifer zeichnete aber auch jene jungen Russländer aus, die ihre Hochschulreife nur an siebenklassigen Gymnasien oder Real- und Kommerzschulen mit Ergänzungskursen erworben hatten und Lücken in der Vorbildung sowie sprachliche Defizite mit vermehrtem Arbeitsaufwand ausgleichen. Zu ihnen gehörten besonders jüdische Studenten, die mit dem Weg ins akademische Exil den Numerus clausus für Juden umgingen und mit Hilfe akademischer Diplome die soziale Diskriminierung in Russland überwinden wollten. Ihr Fleiss und ihre Disziplin riefen nicht nur Befremden hervor, sondern wurden auch zur Erhärtung des Vorwurfes genutzt, „ungeeignete Elemente“ für ein Hochschulstudium zu sein. Verstärkt wurden solche Betrachtungsweisen dadurch, dass die akademischen Gäste aus Russland in besonders grosser Zahl an den Medizinischen Fakultäten der Universitäten und an innovativen Fachbereichen der TH wie Elektrotechnik und Maschinenbau zu finden waren. Letzteres diente dazu, vor einem Schaden für die deutschen Exportinteressen und einer Schwächung der deutschen Wehrkraft zu warnen.

Die zurückhaltende Lebensweise vieler Studenten aus Russland hatte auch materielle Ursachen. Gerade jene, die aus sozial weniger privilegierten Schichten stammten, konnten sich ein ausschweifendes Studentenleben nicht leisten. Sie hatten oft Mühe, auch nur die notwendigen Mittel für die Studiengebühren, die Miete und die Kosten für den Lebensunterhalt aufzubringen. Solche „Hungerleider“ wurden auch aufgrund ihrer Kleidung und ihres fremden Erscheinungsbildes mit Misstrauen beobachtet: Der deutsche Michel konstatierte russischen Geruch, berichtete ein Korrespondent eines Petersburger Studentenblattes, und begegne ihnen mit der Furcht der westlichen Bourgeoisie vor dem Einfall des Sansculotten.⁶

„Die ganze Horde – alles Revolutionäre“

Im Russischen Reich hatten die in Deutschland immer wieder aufflammenden Auseinandersetzungen um die „akademische Ausländerfrage“ zunächst wenig Beachtung gefunden. Das Schicksal der hier studierenden Landsleute fand wenig Interesse. Erst als die Situation 1911/1912 eine neue Qualität annahm, nachdem die Kultusministerien in Bayern, Preussen und Sachsen – zum Teil unter dem wachsenden Druck der Öffentlichkeit – verschärfte Beschränkungen für die Immatrikulation russischer Reichsangehöriger verfügten, nahmen die liberale und die russisch-jüdische Publizistik und anschliessend auch die regierungsnah Presse davon Notiz. Dabei fällt auf, dass sich die konservativen Blätter von der offiziellen „Rossija“ bis zur antisemitischen „Zemscina“ weitgehend derselben Stereotype bedienen wie die nationalistischen Kreise in Deutschland. Forderungen nach einer grosseren Fürsorge des Staates für die Landsleute an den deutschen Hochschulen wurden brüsk zurückgewiesen. „Die Ganze Horde – alles Revolutionäre“, schrieb „Rossija“ in einem Grundsatzartikel. Und sie applaudierte der westeuropäischen Gesellschaft, die zu Recht gegen diese Fremdlinge protestiere. Mit dem russischen Volk hatte diese „kulturlose Horde“ nichts gemein. Die Studenten würden nur Schande über den guten russischen Namen bringen.⁷ Die „Zemscina“ meinte, dass die Studenten weder die Regierung noch die russische Öffentlichkeit überhaupt etwas angingen. Voll Empörung wandte sie sich gegen eine „Gleichsetzung mit den Juden“. Man werde „selbstverständlich nicht einen Finger rühren, um diesen Opfern des europäischen Chauvinismus beizustehen“.⁸

Zwei Aspekte bestimmten somit die deutliche Distanzierung des offiziellen Russlands gegenüber der in Westeuropa studierenden Jugend – die pauschale Disqualifizierung der Bildungsmigranten als „Revolutionäre“ und die Verachtung gegenüber den Juden. Das politische Misstrauen gegenüber den Studentenkolonien im Ausland bestand bereits seit den 1880er Jahren. Sie erfreuten sich traditionell statt staatlicher Fürsorge lediglich einer beständigen Überwachung durch das Polizeidepartement.⁹ Die antisemitischen Töne waren in ihrer Schärfe neu und sind in erster Linie

Ausdruck des erstarkenden grossrussischen Nationalismus und der jüdenfeindlichen Stimmen im Lande selbst. In der Wahrnehmung der Studenten im Ausland als „jüdische Revolutionäre“ gingen beide Betrachtungsmuster eine Symbiose ein. Ein solcher intellektueller Nachwuchs war den staatstragenden politischen Kräften in Russland wenig willkommen.

Mahnende Hinweise auf die grosse intellektuelle Potenz der Studenten im Ausland und den dringenden Bedarf des Staates an gut ausgebildeten Fachkräften blieben dagegen selten und kamen vor allem aus dem studentischen Milieu. So forderte die parteiunabhängige und politisch zurückhaltende Studentenzeitung „Gaudeamus“ im Februar 1911 dazu auf, doch den Nutzen zu bedenken, den eine nach Zehntausenden zählende Studentenschaft für Russland bringen konnte, die unter dem Einfluss der westeuropäischen Kultur erzogen wurde.¹⁰ In ähnlicher Weise betonte ein Bericht aus Italien in „Studenteskie gody“ die grosse Rolle, die den dort studierenden Studenten aus Russland nicht nur als Fachleuten, sondern auch als Agenten russischer Kultur im Ausland und Sendboten der grossen italienischen Kultur in Russland zukomme.¹¹ Der Sozialmediziner L.B. Granovskij erinnerte in einer Rede auf dem Kongress der Pirogov-Gesellschaft für 1913 in Moskau an den medizinischen Notstand in der russischen Provinz und den allgemeinen Mangel an gut ausgebildeten Ärzten.¹² Und der Soziologe Lescinskij beklagte den erheblichen intellektuellen Verlust, den Russland mit der Migration von Studenten erleide: Zwar ströme ein erheblicher Teil von ihnen wieder nach Russland zurück. Aber die fremde Atmosphäre und der vergebliche Kampf mit widrigen Lebensumständen fordere einen Tribut an intellektueller Kraft, der nicht zu beziffern sei.¹³

Jagd nach Diplomen, Entpolitisierung und Nationalisierung

Zeitgenössische Darstellungen und Selbstzeugnisse der Studierenden stellen die Annahme, dass junge Revolutionäre und „Anarchisten“ das Bild der russländischen Studenten im Ausland prägten, für die Zeit nach 1905 in Frage. Besonders die studentische Presse berichtete von einem grundsätzlichen Stimmungswandel. Dies soll an einigen Beispielen illustriert werden. „Unnormale“ Verhältnisse in der russischen Kolonie konstatierte schon 1907 ein Brief aus Wien an die „Studenteskie golos“ nach Odessa. Sein Absender beklagte eine Kluft zwischen den proletarischen Migranten und den Studierenden. Es gebe keine Lesehalle, wo sich beide begegnen könnten. Während junge Studenten noch vor einiger Zeit glücklich gewesen seien, den Arbeiterm Wissen und Erkenntnisse vermitteln zu können, würden sie jetzt ihre Freizeit in besseren Cafés verbringen.¹⁴ Die Moskauer „Golos studentestva“ beschrieb eine wachsende Distanz der Studenten gegenüber dem politischen Exil. Die Mehrheit sei ausdrücklich wegen des störungsfreien Studiums ins Ausland gekommen, nur noch ein Teil als Emigranten. Die Zeitung stellte auch einen sozialen Wandel mit gravierenden Auswirkungen für die geistige Physiognomie der Studenten fest: Da sowohl die Anreise als auch das Studieren selbst teuer seien, würden Kinder aus wohlhabenden Familien überwiegen. Losgelöst von den Nöten der russischen Wirklichkeit, fehle es an einem lebendigen Interesse für Probleme ausserhalb des Lehrprogramms, und es herrsche völlige Gleichgültigkeit gegenüber den sozialen Problemen der Zeit. Das brodelnde Studentenleben, welches dem Land viele energische politische Aktivisten gegeben habe, existiere nicht mehr.¹⁵ In ihrer Neujahrsausgabe von 1911 beschrieb das Blatt ein „trauriges Bild“ der Studentenschaft im Ausland: Während die Kommilitonen in Russland nach dem Tod Tolstoj und den Ereignissen in Vologda in Aufruhr seien, feiere die Pariser Kolonie das neue Jahr und bringe nicht einmal eine Spendensammlung zustande.¹⁶

Auch andere Beiträge schilderten den schwindenden revolutionären Geist der Studenten in Westeuropa. Laut „Studenteskie mir“ gab es in den schweizerischen Zentren der Emigration immerhin noch eine Verbindung zum politischen Exil. In Paris sei der Niedergang der Kolonie dagegen bereits so weit fortgeschritten, dass die Maxime der französischen Kleinbürger übernommen worden und ein Teil der Studenten sogar den Weg zur Universität vergessen habe.¹⁷ Der Geschichtsstudent Puskarev stellte bei seinem Eintreffen in Heidelberg erstaunt fest, dass die Mehrheit der Studenten ganz entgegen seinen Erwartungen Söhne reicher jüdischer Kaufleute und Unternehmer und nicht wie erwartet politische Emigranten waren.¹⁸ „Gaudeamus“ vermisste im Leben der Kolonien das einende sozialistische und revolutionäre Interesse, das pulsierende politische Leben mit Versammlungen, Referaten, Zirkeln für Propaganda und Selbstbildung. Die Studentenschaft sei unpolitisch geworden, Referenten würden vor leeren Stühlen auftreten, Parteiliteratur könne kaum noch vertrieben werden und revolutionäre Organisationen hätten wenig Zulauf. Es gehöre schon fast zum schlechtesten Ton, Sozialdemokrat oder Sozialrevolutionär zu sein. Als vorherrschenden Studententyp beschrieb

die Zeitung den „Pauker“, dessen „Alpha und Omega“ der schnelle Weg zum Diplom sei. Die Tätigkeit der Studentenorganisationen beschränkte sich laut dem Bericht auf materielle Fragen. Zusammenfassend wurde ein allgemeines Sinken des intellektuellen Niveaus der Studierenden konstatiert. Es gebe kein ernsthaftes wissenschaftliches Interesse mehr, und selbstständig arbeitende Studenten seien eine Seltenheit.¹⁹ Auch in Meldungen aus Prag, Neapel und anderen Städten wurde ein Rückgang der Aktivitäten oder sogar das Auseinanderfallen studentischer Organisationen berichtet. Auf Versammlungen der Kolonien wurde kaum noch das notwendige Quorum erreicht. Selbst Hilfskassen führten, wie es vereinzelt hiess, wegen des hohen Lebensniveaus vieler Studenten ein erbärmliches Dasein.²⁰

Diese Schilderungen eines allgemeinen Niedergangs des politischen und gesellschaftlichen Lebens in den gesamtrossischen Studentenkolonien wurden durch die Beobachtung einer immer stärkeren Differenzierung der Studentenschaft nach der nationalen Abstammung ergänzt. Auffällig war dabei nach Meinung der Berichterstatter nicht der Fakt, dass die politische Arbeit unter der Jugend nationale Besonderheiten und Interessen berücksichtige oder dass polnische, jüdische oder armenische sozialistische Parteien ihren Nachwuchs in der Studentenschaft rekrutierten. Während diese „nationale Färbung“ der sozialen und politischen Bewegung jedoch in den Jahren 1904-1905 eine gemeinsame Arbeit nicht behindert habe, sei die Situation nun völlig anders: Heute gebe es, schrieb ein Korrespondent der „Golos studentestva“ 1911, keine gemeinsamen gesellschaftlichen Perspektiven und kulturellen Anstrengungen mehr; welche die Jugend der verschiedenen Nationalitäten vereine. In Momenten des gesellschaftlichen Aufschwungs habe die Jugend den Nationalismus noch abgewehrt. Jetzt werde das nationale Gefühl tiefer, der nationale Romantismus verschwinde, und es bleibe der nationale Realismus.²¹

Die augenfälligste Tendenz dieser „Nationalisierung“ bestand zweifellos in dem faktischen Austritt der jüdisch-national gesinnten Studierenden aus den gesamtrossischen Studentenkolonien. Den Grundstein dazu legte eine von 1910 bis 1914 andauernde Welle der Gründung russisch-jüdischer Studentenvereine an den deutschen Hochschulen, von denen sich eine wachsende Zahl zum Zionismus bekannte. Nach einer Umfrage der Berliner Zeitschrift „Evrejskij student“ gab es 1913 in den grossen akademischen Zentren bis zu drei oder vier Organisationen im jüdischen Studentenumfeld, darunter in aller Regel eine überparteiliche Lesehalle, einen partellosen Kulturverein, einen zionistischen Verein und eine Hilfskasse.²² Die überparteilichen jüdisch-nationalen Vereine in den zehn untersuchten Universitätsstädten (Heidelberg, Darmstadt, Königsberg, Leipzig, München, Strassburg, Freiburg, Basel, Zürich und Graz) zählten insgesamt 420 Mitglieder. Dies entsprach 24 Prozent aller dort immatrikulierten russischen Juden. Hinzu kamen in neun der zehn Studentenkolonien zionistische Vereine mit 127 Studenten.²³

Als die russländische Studentenschaft 1912/13 zur Verteidigung ihrer akademischen Rechte an den deutschen Hochschulen den Versuch unternahm, sich zu einer reichsweiten Vereinigung zusammenzuschliessen, prallten die Interessen nationaler Gruppen recht heftig aufeinander. Jüdisch-nationalistische Gruppen blieben dem Kongress russländischer Studenten vom 22. bis 28. Februar 1913 in Karlsruhe²⁴ entweder von vornherein fern oder plädierten dort für eine separate jüdisch-nationale Studentenorganisation. Trotzdem protestierten grossrussisch-nationalistisch gesinnte Studenten der russischen Landsmannschaft in Berlin um Maximilian von Hamm während der Vorbereitung des Kongresses und in Karlsruhe gegen die jüdische Dominanz in den Studentenvereinen. Für diese „echten Russen“ richtete sich der Unmut der deutschen Öffentlichkeit ganz im Stile der „Rossija“ oder „Zemschina“ gegen die jüdischen und nicht gegen die russischen Studenten. Anfang März 1913 konstituierte sich in Darmstadt der deutsche Zweig des internationalen Verbandes der Vereine jüdischer Studenten „Hechowet“. Die gemässigt-nationalen jüdischen Studenten schlossen sich auf dem russisch-jüdisch-westeuropäischen Studententag in Zürich vom 7. bis 14. März 1914 zu einer eigenen Organisation zusammen. Somit endete der Versuch einer besseren organisatorischen Koordinierung der Verteidigung gegen den wachsenden Druck an den deutschen Hochschulen letztlich in einer Manifestierung der Zersplitterung.

Die alten Traditionen sind vergessen

Veränderungen in den studentischen Kolonien wurden nicht nur in den Berichten von Zeitgenossen beschrieben. Auch die Ergebnisse diverser Unfragen unter russländischen Studenten, die wie in Russland selbst seit 1909 auch in westeuropäischen Hochschulenstädten in Mode kamen, ergründeten

solche subjektiven Eindrücke. Das Material dieser Befragungen ist selten überliefert. Granovskij stützte sich in seinem Vortrag vor dem Pirogov-Kongress der Ärzte 1913 auf eine Untersuchung, die im Auftrag des „Komitees zum Schutz der Interessen der Studierenden aus Russland in Deutschland“ durchgeführt worden war. Er zitierte allerdings nur Angaben über die Zahl der Studenten und ihre Verteilung auf die deutschen Universitäten und Hochschulen. Auf Veränderungen in ihrem Habitus und ihren Studien- und Lebensgewohnheiten ging er nicht ein.²⁵ Die Studentenzeitung „Golos studentestva“ berichtete 1910 von einer Befragung von Studenten in Lausanne. Dort waren 300 Fragebogen ausgegeben, aber nur 50 auch ausgefüllt worden. Schon dieses geringe Echo wurde als Indiz für die Stimmung in der Kolonie bewertet: „Die alten Traditionen sind vergessen, die neuen Interessen gehen nicht über die Grenzen des Spiessbürgerturns hinaus.“²⁶ Konkrete Ergebnisse der Umfrage enthält der Beitrag leider nicht.

Umfangreicheres Datenmaterial über eine Umfrage in der Münchener Studentenkolonie im Winter 1911 wurde von Lescinskij in einer Artikelserie für den „Novyj voschod“²⁷ und in einem Beitrag für die „Russkaja mysl“²⁸ veröffentlicht. Hier waren von den 500 ausgegebenen Fragebogen mit 104 Fragen immerhin 235 zurückgegeben worden. Die Ergebnisse veranlassten Lescinskij, auf gravierende Veränderungen in den Studentenkolonien in Deutschland während der letzten acht Jahren zu schließen: Vor der Revolution 1905 seien sie lediglich „bergangsquartiere“ für gewesen. Ihre Bewohner hätten in der Erwartung eines baldigen Sieges der Revolution in Russland gelebt, der sie vom „Nomadisieren“ durch die europäischen Städte befreien würde. Ganz anders sei die gegenwärtige Situation: Die „Zugvögel“ seien selten geworden. Neu eintreffenden Studenten würden sich darauf einrichten, ihr Studium im Ausland auch zum Abschluss zu bringen. Die grössere Dauer ihres Aufenthalts und fehlende Hoffnung auf einen Wandel in Russland würden eine Lockerung der Bindungen an die Heimat bewirken. Diese Studenten seien eher bereit, sich mit der deutschen Kultur auseinander zu setzen und an das Leben im Ausland anzupassen. Diese kulturelle Annäherung betrachtete er als Grundlage einer neuen Wahrnehmung der „Russen“ in der Bevölkerung: Der Deutsche sehe in ihnen nicht mehr nur den fremden Nichtsnutz und Bombenwerfer.

Aus dem Material der Umfrage konstatierte Lescinskij eine relativ gute materielle Situation der russländischen Studenten in München. Die Umfrage bestätigte somit die oben angeführten subjektiven Beobachtungen. Allerdings verwies der Soziologe auf Unterschiede zwischen den Universitätstypen. Neben eher reichen Kolonien wie München, Berlin, Zürich oder Karlsruhe nannte er auch ärmere wie Leipzig, Paris oder Bern. Insgesamt, so sein Schluss, sei Hochschulbildung ein Privileg begüterter Klassen geworden. Der selbstlose Adept der Wissenschaft, welcher auf den Strassen des jüdischen Stells so häufig anzutreffen sei, werde immer seltener. Auch andere Daten der Befragung in München bestätigten Veränderungen in der Studentenschaft. So wiesen die Antworten zum Beispiel eine recht lange Verweildauer der Studierenden aus: Mehr als die Hälfte studierten hier bereits zwei und mehr Jahre²⁹, was als Indiz für ernsthafte akademische Interessen gewertet werden kann. Nur 29 Befragte gaben an, illegale Literatur zu lesen. Immerhin 170 von 230 besuchten politische Vorträge. Andererseits besuchten sogar 200 von 214 regelmässig das Theater, mehr als die Hälfte von ihnen mindestens wöchentlich.³⁰ Kulturelle Interessen und das Streben nach Zerstreuung konkurrierten somit offensichtlich erfolgreich mit politischen Neigungen. Die Antworten auf Fragen über politische Interessen bezeugten zwar eine Dominanz sozialistischer Orientierungen. Aber sie belegten auch eine Tendenz zum Meinungswandel nach der Revolution 1905, wobei sich gerade jüdische und polnische Studierenden verstärkt nationalen Ideen zuwandten.³¹ Auch in dieser Hinsicht bestätigt das Datenmaterial aus München also die subjektiven Beobachtungen.

Die „Russenbewegung“ hat nachgelassen

Veränderungen in den Interessen und im Verhalten der Studenten aus Russland an den deutschen Hochschulen werden auch aus den Berichten jener deutschen Behörden sichtbar, die mit ihrer Überwachung beauftragt waren. Die deutsche Polizei hielt zunächst auch nach 1905 an der allgemeinen Stigmatisierung der russländischen Studenten als „Anarchisten“ und „Bombenwerfer“ fest. Umso überraschender waren die Ergebnisse einer Untersuchung, die das preussische Innenministerium im Sommer 1910 im Auftrag gegeben hatte. Die Polizeipräsidenten der Universitätsstädte Berlin, Königsberg, Halle und Breslau wurden aufgefordert, belastendes Material über „die zahlenmässige und lebhaftige Beteiligung russischer Studenten an [...] sozialdemokratischen und sozialrevolutionären Bestrebungen“ zu sammeln, weil es „ausserordentlich erwünscht [sei], wenn ihrem Zuzuge an preussische

Universitäten, insbesondere nach Berlin, intensiver als bisher entgegengetreten werden konnte".³²

Mitte August trafen die Antworten in Berlin ein.³³ Sie entsprachen allerdings nicht den Erwartungen des Innenministeriums. Aus Halle wurde zum Beispiel berichtet: „Die [russischen] Vereine halten keine Versammlungen ab und erhalten auch keine Postsachen. Der sonstige Verkehr der Russen, unter denen Emigranten nicht sind, findet ungezwungen in besseren Schankwirtschaften statt. Keiner der hier studierenden Russen unterhält Verkehr mit den hiesigen Anarchisten und Sozialdemokraten oder nimmt an deren Zusammenkünften teil oder unterstützt deren Bestrebungen.“ Auch der Breslauer Polizeipräsident meldete, dass bezüglich der dort studierenden Russen „Beobachtungen nicht gemacht worden [sind], die auf ihre Beteiligung an anarchistischen, sozialdemokratischen und sozialrevolutionären Bestrebungen schliessen lassen.“ Und der Oberpräsident der Provinz Ostpreussen schrieb: „Seit der 1906 erfolgten Auflösung des Vereins ‚Maxim Gorki‘ sind auch mir sozialrevolutionäre Bestrebungen russischer Studierender nicht bekannt geworden.“ Das Berliner Polizeipräsidium lieferte einen umfangreichen Bericht, der systematisch alle grösseren Vorkommnisse politischer Art aufführte und auch eine Liste aller verdächtigen Studenten³⁴ enthielt. Aber auch dieser kam zu dem Schluss, dass seit 1907 „die hiesige Russenbewegung erheblich nachgelassen [hat], was teils dem Misslingen der russischen Revolution, teils dem diesseitigen polizeilichen Einschreiten zuzuschreiben ist, durch das fast sämtliche hiesige revolutionären Organisationen der Russen nach und nach zum Eingehen gebracht worden sind“. Seit 1909 seien im „Landespolizeibezirk Berlin öffentliche Organisationen revolutionärer Russen nicht mehr vorhanden. Ja, man darf annehmen, dass auch die geheimen Organisationen aus dem Landespolizeibezirk verschwunden sind.“ Den wirklich Studierenden stellte die Berliner Polizei ein positives Urteil aus. Sie hätten sich in den letzten Jahren von der politischen Betätigung absichtlich mehr und mehr zurückgezogen“, weil ihnen eine Ausweisung viel erheblichere Nachteile bringen würde als dem wurzellosen sonstigen russischen Revolutionär. Damit bestätigten alle vier befragten preussischen Polizeipräsidenten, dass – im Gegensatz zur Zeit vor der Revolution 1905 – von einer besorgniserregenden revolutionären Stimmung in den russländischen Studentenkolonien nicht mehr die Rede sein konnte.

Zu ähnlichen Einschätzungen gelangte auch die Polizei anderer deutscher Staaten. In Sachsen wurden seit Anfang 1907 massive Anstrengungen unternommen, den Studenten aus Russland Wahlschlepperdienste für die deutsche Sozialdemokratie im Reichstagswahlkampf nachzuweisen. Ziel der Aktion war nach Ansicht der „Sächsischen Arbeiter-Zeitung“ die Suche nach einem Anlass zu „einem schon längst ersehnten Kesseltreiben gegen die Russen“.³⁵ Aber weder aus Leipzig noch aus Freiberg konnten Beweise für politische Aktivitäten der Studenten geliefert werden.³⁶ In Dresden kam es zwar zu einem Prozess gegen Studenten aus Russland, der jedoch im Juni 1907 mit dem Freispruch der Angeklagten endete.³⁷ Im Jahre 1909 sorgte der so genannte „Dresdner Geheimbundprozess“ noch einmal für Aufregung: Nachdem bei einem Studenten des Technikums in Mittweida eine Liste mit den Adressen von Gruppen zur Unterstützung der SDAPR und Protokolle des Kongresses dieser Gruppen im Dezember 1908 in Basel gefunden worden waren, hatten Polizei und Staatsanwaltschaft gehofft, Verbindung des studentischen Milieus mit dem revolutionären Exil und zur deutschen Sozialdemokratie beweisen zu können. Die Ergebnisse der Ermittlungen blieben jedoch bescheiden. Der Prozess endete mit einem milden Urteil. Die Hauptangeklagten Peskin und Grinblatt wurden wegen „Geheimbünderei“ zu je zwei Monaten Gefängnis verurteilt, drei weitere Angeklagte zu Haftstrafen von einem Monat bzw. sechs Wochen. Alle Strafen waren durch die Untersuchungshaft verbüsst, so dass die Betroffenen nur noch aus Sachsen ausgewiesen wurden.³⁸ Die sächsische Polizei nutzte jedoch die Situation, um die in Dresden verbliebenen Studenten aus Russland energisch zu disziplinieren. Ihnen wurde die Schliessung der akademischen Lesehalle für den Fall angedroht, dass sie durch sozialrevolutionäre Elemente missbraucht würde. Das Abonnieren von sozialdemokratischen Zeitungen und Büchern wurde verboten. Der Vorstand der Lesehalle musste durch politisch unverdächtige Elemente ausgetauscht werden.³⁹

Die Korrespondenz der Zentralbüros der Auslandsgruppen der RSDRP

Eine letzte Quelle, die hier befragt werden soll, sind die Berichte von Gruppen zur Unterstützung der SDAPR an das von Cicerin geleitete Zentralbüro der Auslandsgruppen in Paris. Diese bestätigten auf fragwürdiger Weise die Untersuchungsberichte der deutschen Polizei und die Eindrücke von Zeitgenossen über einen desolaten Zustand der politischen Arbeit in den Studentenkolonien. So geht aus der Korrespondenz mit der sächsischen Hauptstadt Dresden zwar hervor, dass es dort vor dem

„Geheimbundprozess“ tatsächlich eine aktive sozialdemokratische Gruppe gegeben hatte. Die Abreise ihrer führenden Mitglieder nach dem Prozess und der erwähnte Druck der Polizei führten jedoch zu ihrem völligen Zerfall: In einem der Briefe beklagte der Autor, dass es in Dresden ausser ihm selbst keine Sozialdemokraten mehr gäbe. In der Studentenkolonie beherrsche nun ein Publikum die Szene, dessen einziges Ideal das Geld sei. Diese Leute hätten auch die Lesehalle ihren Bedürfnissen unterworfen und seien ängstlich um den Nachweis bemüht, dass von ihnen keine revolutionären Bestrebungen zu befürchten seien.⁴⁰ Ein Bericht aus Jena beschreibt die Studenten als fleissig und politisch desinteressiert: Sie seien so stark mit ihren wissenschaftlichen Arbeiten beschäftigt, dass ihnen für die Politik keine Zeit mehr bleibe. Und der Studentenverein habe sich gegen jede Parteilarbeit ausgesprochen, sei an sozialpolitischen Themen nicht interessiert und würde nur Zeitungen und Zeitschriften wie „Rev“, „Russkie vedemosti“, „Russkoe bogatsvo“ und „Sovremennyj mir“ abonnieren. Zu Vorträgen, die in den Wohnungen der Studenten stattfinden müssten, würden nicht einmal zehn Zuhörer kommen. Selbst simple Geldsammlungen zu Gunsten von Verbannten seien ein Problem.⁴¹ Ähnlich desolat war die Situation in Leipzig. Aus einem Bericht geht hervor, dass in der Stadt etwa 700 Russländer lebten, darunter ca. 500 Studenten. Trotzdem gehörten der Unterstützungsgruppe der SDAPR nur elf Mitglieder - alles Studenten - an. Diese kleine Gruppe sei die einzige geschlossene Kraft in der Kolonie und habe immerhin entscheidenden Anteil an der Wiederbelebung des Russischen Akademischen Vereins gehabt. Verbindungen zum politischen Exil beständen aber nicht.⁴² Aus Heidelberg berichtete ein Korrespondent des Buros von einer Spaltung innerhalb der Studentenkolonie. Obwohl ihnen die Behörden und die Polizei kaum Hindernisse in den Weg legen würden, sei es schwer, überhaupt noch Vorträge und Geldsammlungen für die Partei zu organisieren. Im Sommersemester 1910 habe, so die traurige Bilanz, nicht eine einzige Veranstaltung stattgefunden.⁴³ Und die sozialdemokratische Gruppe an der TH Darmstadt musste sich, wie aus einem anderen Schreiben vom Januar 1909 hervorgeht, sogar mit Boykottdrohungen von Kommilitonen gegen Bälle und Vergnügensabende auseinandersetzen, die nur dazu missbraucht würden, den gutwilligen Leuten in die Taschen zu greifen.⁴⁴

Zusammenfassung

Das hier ausgewertete Quellenmaterial macht deutlich, dass es auch in der russländischen Studentenschaft an den Universitäten und Hochschulen in Westeuropa nach der Revolution 1905 deutliche Veränderungen gab. Diese betrafen sowohl ihre Zusammensetzung als auch die Motive und Ziele ihres Studiums im Ausland, ihre akademischen und sozialen Verhaltensweisen, ihre politischen Interessen und die Tätigkeit ihrer Organisationen. Der in der offiziellen Wahrnehmung nach wie vor dominierende Typ des revolutionären „Zugvogels“ war in der Realität dem zielstrebigen „Pauker“ und Diplomjäger gewichen, der einen raschen Abschluss des Studiums anstrebte. Die Vision dieser meist jüdischen Studenten war nicht mehr unmittelbar an den Erfolg der sozialen Revolution geknüpft, die ihnen kollektiv den Weg zu nationaler Gleichberechtigung öffnen würde. Ein Teil von ihnen verfolgte die Strategie, individuell über den Erwerb eines akademischen Abschlusses einen Weg zu beruflichem und sozialem Aufstieg in Russland zu finden. Ein anderer sah seine Perspektive im Engagement für die jüdische Nationalbewegung, wobei eine immer häufiger gewählte Option der Zionismus und die Vorbereitung auf eine Tätigkeit in Palästina war.

Die Folge solcher Veränderungen war ein Wandel der Stimmung in den Studentenkolonien. Diese waren weniger eng mit dem Rhythmus des sozialen und politischen Lebens in Russland verknüpft. Individuelle Interessen und Neigungen spielten eine wachsende Rolle. Die Bereitschaft zur Öffnung gegenüber der Kultur und Gesellschaft des Studienlandes wuchs. Auch die Tätigkeit der studentischen Vereinigungen wurde vielfältiger. Ihr Gewicht verschob sich in Richtung der Befriedigung materieller, geistiger und kultureller Bedürfnisse. Gleichzeitig führte eine zunehmende „Nationalisierung“ zu Gegensätzen und zur Verstärkung zentrifugaler Tendenzen, die auch ihren Niederschlag in organisatorischen Strukturen fanden. Damit wird fraglich, ob überhaupt noch von „russländischen“ Studentenkolonien die Rede sein kann.

Ein Vergleich der Studierenden im Ausland mit der Studentenschaft in Russland selbst zeigt zunächst, dass es parallele Veränderungen in der Zusammensetzung, dem akademischen Verhalten und der politischen Orientierung gab. Der Typ des „Brotstudenten“ und „Paukers“ trat ebenso verstärkt in den Vordergrund wie in Russland der „Akademist“. Für beide Gruppen ist eine deutliche Neigung zur Verfolgung individueller Ziele und Strategien zu beobachten. Die politischen Milieus waren weniger homogen, nationale Sonderinteressen traten stärker in den Vordergrund. Allerdings scheint

es, als seien einige Aspekte dieses Wandels im Ausland stärker ausgeprägt gewesen. Dies betrifft sowohl die tendenzielle Entpolitisierung, Akademisierung und Individualisierung des studentischen Lebens als auch die Umorientierung von gemeinsamen politischen Idealen, geknüpft an einen revolutionären Umbruch in Russland, hin zu separaten Interessen nationaler Gruppen. Hier spielte sicher die ethnisch-konfessionelle Zusammensetzung der russländischen Studenten – das Übergewicht von Angehörigen national diskriminierter Minderheiten – im Ausland eine massgebliche Rolle. Gleichzeitig schufen die liberaleren gesellschaftlichen Bedingungen günstigere Voraussetzungen für solche Differenzierungsprozesse.

- 1 M. Bernackij: K charakteristike sovremennogo studentstva, in: Zaprosy zizni, Nr. 10, 7.3.1910, S. 645-646.
- 2 Ebenda, S. 652.
- 3 Vgl. dazu u.a.: A.J. Andrejev: Die „Güttinger Seele“ der Universität Moskau. Zu den Wissenschaftsbeziehungen zwischen Moskau und Güttingen im frühen 19. Jahrhundert, in: Jahrbuch für Universitätsgeschichte, 4 (2001), S. 83-101; T. Maurer: Balten, Polen, Juden – und strebsame Frauen. Die „russischen“ Studenten Güttingens um die Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert, in: Russland und die „Güttingische Seele“ – 300 Jahre St. Petersburg, Hgg. E. Mitter, S. Glitsch, Güttingen 2003, S. 453-473; W. Birkenmaier: Das russische Heidelberg. Zur Geschichte deutsch-russischer Beziehungen im 19. Jahrhundert, Heidelberg 1995; Ders.: Biographisches Lexikon des russischen Heidelberg, 2. Auflage, Heidelberg 1998; Ders.: Heidelberger Professoren in russischer Sicht. Dokumente aus der Zeit um 1900, Heidelberg 2000.
- 4 Ja. Lescinskij: Iz materialov odnoj studenteskoj ankety, in: Russkaja mysl Nr. 7, 1914, S. 119.
- 5 Vgl. J.N. Scapov: Russkie studenty v zapadnoevropejskoj vysszej škole v nasale XX v., in: Istoricheskie zapiski, Nr. 115 (1987), S. 193-203; N.M. Scapov: Ja veril v Rossiju, Moskau 1998, S. 203-219.
- 6 Vgl. Russkie zagarnicej (Zarubeznoj ocerk), in: Studenteskie gody, Nr. 1, St. Petersburg 1913, S. 15-16.
- 7 Rossija, Nr. 2048, 18. Juli 1912
- 8 Rusanov: Kto vinovat?, in: Zemščina, 26. Juli 1912.
- 9 Vgl. A.E. Ivanov: Russische Studenten an deutschen Hochschulen am Ende des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts anhand von Archivmaterial des Polizeidepartements, in: H.R. Peter, N. Tikhonov (Hgg.): Universitäten als Brücken in Europa. Studien zur Geschichte der studentischen Migration // Les universités: des ponts à travers l'Europe. Etudes sur l'histoire des migrations étudiantes, Frankfurt/Main 2003, S. 241-246.
- 10 V.M.: Rossijskoe studentstvo za granicej, in: Gaudemus. Literaturno-chudozestvennyj žurnal, Nr. 3, (10.2.1911), S. 13.
- 11 Russkoe studentstvo v Italii, in: Studenteskie gody, Nr. 9 (2), St. Petersburg 11.2.1914, S. 3.
- 12 Vgl. L.B. Granovskij: O položenii russkoj učascejsja molodezi, v castnosti – studentov mediciny, v vyssich ucebnych zavedenijach Germanii, in: Obščestvennyj vrac, Nr. 8 (1913), S. 944.
- 13 Lescinskij: Iz materialov odnoj studenteskoj ankety, in: „Russkaja mysl“, Nr. 7 (12914), S. 125.
- 14 Vgl. Pis'ma iz Verj. Iz zizni russkoj kolonii, in: Studenteskiy golos, Nr. 5. Odessa 19.11.1907.
- 15 Vgl. Za granicej, in: Golos studentstva, Nr. 4, Moskau 7.10.1910.
- 16 Vgl. Za granicej, in: Ebenda, Nr. 1 (14), Moskau 12.1.1911.
- 17 Vgl. [K.S. Micheev]: Russkoe studentstvo za rubežom. (Iz nedavnyh vpečatlenij), in: Studenteskiy mir, Nr. 2, Moskau 8.2.1910 und Nr. 3, Moskau 15.2.1910.
- 18 S.G. Puskarev: Vospominanija istorika. 1905-1965, Moskau 1999, S. 34.
- 19 V.M.: Rossijskoe studentstvo za granicej, in: Gaudemus, Nr. 3, St. Petersburg 1911, S. 13-14.
- 20 Za gamicej, in: Golos studentstva, Nr. 7, 28.10.1910
- 21 [R.V.]: O nacionalizme evrejskoj molodezi, in: Golos studentstva, Nr. 8, 4.11.1910.
- 22 Nasa anketa, in: Evrejskiy student, 2 (1913).
- 23 Ebenda.
- 24 Vgl. den Polizeibericht im Archiv der Humboldt-Universität Berlin vom 11.3.1913, in: Universitätsrichter, Nr. 3095, Bl. 141-158.
- 25 L.B. Granovskij: O položenii russkoj učascejsja molodezi, v castnosti – studentov mediciny, v vyssich ucebnych zavedenijach Germanii, in: Obščestvennyj vrac, Nr. 8 (1913), S. 942-971.
- 26 Golos studentstva, Nr. 9, 11.11.1910.
- 27 Ja. Lescinskij: Ob odnoj studenteskoj ankety, in: Novyj voshod, Nr. 46 (17.11.1911), 47 (24.11.1911) und 50 (15.12.1911).
- 28 Ders.: Iz materialov odnoj studenteskoj ankety.
- 29 Ebenda, S. 126.
- 30 Ebenda, S. 130-131.
- 31 Ebenda, S. 133-138.
- 32 Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz Berlin, Rep. 77, Til. 46, Nr.40, Bd. I, Bl. 9.

- 33 Ebenda, Rep. 76 Va, Sektion 1, Titel VII, Nr. 78, Bd. III, Bl. 276-279.
- 34 Diese Liste ist im Archiv leider nicht erhalten.
- 35 Schamloses Denunziantentum, in: Sächsischer Arbeiter-Zeitung, 15.2.1907.
- 36 Rossijskij Gosudarstvennyj Archiv Socialno-Politiceskoj Istorii Moskva (RGASPI), Fond 192, Opis 1, No.247 (= Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden /SHSIA/ Außenministerium, No. 4803), Bl. 19, 23.
- 37 Ebenda, Bl. 35-36.
- 38 Vgl. Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden, Innenministerium, Nr. 11013, insbesondere Bl. 145-147.
- 39 Ebenda, Bl. 147.
- 40 RGASPI, Fond 276, Central'noe Bjuro Zagranicnych Grupp, Opis 2, Nr. 205, Bl. 10-13.
- 41 Ebenda, Bl. 1-9.
- 42 Ebenda, Nr. 208, Bl. 3-4.
- 43 Ebenda, Nr. 167, Bl. 12-18, Nr. 1939, Bl. 1-20.
- 44 Ebenda, Nr. 171, Bl. 5-6.

Е.Л.Петренко

О НЕИЗДАННОЙ БИОБИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ Г.В.ПЛЕХАНОВА

Долгие годы в сейфе библиографического зала Государственной общественно-политической библиотеки хранилась подготовленная к изданию рукопись уникальной библиографии сочинений Г.В.Плеханова. Она называлась «Г.В.Плеханов. Био-библиографический указатель» (редактор - директор Института К.Маркса и Ф.Энгельса Д.Б.Рязанов, выход в свет запланирован на 1934 г. в Госиздате; отработан экземпляр корректуры). Однако труд Вагаришака Арутюновича Тер-Ваганяна¹ (1893-1936) так и не увидел свет. Да и имя автора - директора кабинета Г.В.Плеханова в Институте К. Маркса и Ф.Энгельса - возникло из небытия только в годы горбачевской «перестройки»², точнее, в июне 1988 г., когда Пленум Верховного суда СССР удовлетворил протест Генерального прокурора СССР по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», отменил приговор Верховного суда СССР, и дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Тер-Ваганян пришел в науку в 1920 г., став сотрудником Института К.Маркса и Ф.Энгельса. По своим теоретическим воззрениям - марксист, сторонник диалектического материализма (исторический материализм ему казался теорией «партикулярной», сужающей перспективы марксистского анализа), научного социализма и коммунизма. Уровень его теоретической аргументации не слишком высок. Он характерен (за немногими исключениями) для 1920-х гг., когда в гуманитарную науку «по партийному призыву» пришло немало бывших профессиональных революционеров. Они развернули «новый фронт» борьбы - за утверждение марксистского мировоззрения, теоретических истин марксизма в истории, политэкономии, философии. Большинство среди этих борцов «идеологического и теоретического фронта» исходило из тезиса о марксизме как истине в последней инстанции. В этой ситуации было важно доказать, что развитие марксистского знания - есть движение от аргументов Маркса и Энгельса к учению Ленина. Интересы Тер-Ваганяна как историка сосредоточились на периоде становления российской социал-демократии и большевизма. Опыт эволюции социал-демократической традиции воплотился для него в творчестве Г.В.Плеханова.

Биографию Тер-Ваганян считал «самым трудным видом истории»³. Именно с этих позиций он и строит свою исследовательскую работу в Институте К.Маркса и Ф.Энгельса. В его стенах произошла встреча Тер-Ваганяна и его директора Д.Б.Рязанова, одного из самых проницательных исследователей наследия Плеханова. Он оценил интерес, проявленный Тер-Ваганяном к творчеству Плеханова, вскоре в Институте создается Кабинет Плеханова.

Прежде всего, это библиотека, коллекция книг, документов, архивных материалов.

Все это «работало» на издание 24-томного собрания сочинений Г.В.Плеханова, которое готовили Рязанов и Тер-Ваганян. Шел процесс собирания источников, классификации идей и аргументов, периодизации этапов духовной эволюции одного из основоположников «русского марксизма». Промежуточным итогом в этой работе стало появление в 1923 г. работы Тер-Ваганяна «Опыт библиографии Г.В.Плеханова»⁴. Предисловие редактора составил Д.Б.Рязанов, авторское – написал Тер-Ваганян. Благодаря вкладу в плехановедение 1920-х гг. Рязанова и Тер-Ваганяна удалось зафиксировать связующие линии между воззрениями Маркса и Энгельса и ленинскими трактовками вопросов теории и практики социалистической революции. Это касается и базовых проблем – о возможности осуществить социалистическую революцию в России – периферии Европы; о переходе от буржуазно-демократического к собственно пролетарскому этапу социальной революции в эпоху промышленного капитализма. Кроме того, это комплекс тем, связанных с поиском союзников пролетариата, предпосылок революции, диалектики насильственного и мирного путей продвижения к власти пролетариата и его партии. Одним из таких объединяющих звеньев стало творчество Г.В.Плеханова. Он стоял у истоков формирования марксистской традиции в освободительном движении в России, создал первую марксистскую организацию – «Группу «Освобождение труда»». Эволюция взглядов Плеханова, его отношения к различным направлениям освободительного движения в России – либерализму, народничеству, анархизму очертила то пространство мысли, в котором совершалось развитие взглядов Ленина, Сталина, а также многих других лидеров меньшевизма и большевизма. Не случайно многие современники Октября в оценке политических новаций Ленина придерживались тезиса «Плеханов – теоретик, Ленин – практик», «в институте Маркса и Энгельса должен существовать кабинет Плеханова, уголок в котором по праву займет Ленин». Забвение позиции Плеханова в теории и практике социал-демократического движения в России означало и выпадение из сознания политической элиты тех лет многих существенных моментов в политической и теоретической конфронтации большевизма и меньшевизма, социал-демократизма и легального марксизма, что вело к схематизации реальной истории, к иллюзии об осуществимости социально-политических идеалов Маркса и Энгельса в политической истории России в первые десятилетия XX в.

И Рязанов, и Тер-Ваганян исходили из того, что «время не ждет». Научная обработка и критика материала истории революционной теории и практики вряд ли состоятельна, если она не опирается на факты и документы. В предисловии редактора к «Опыту библиографии Плеханова» Рязанов писал, что «без фактов, без документов, предварительно собранных, проверенных, исследованных невозможна никакая научная работа. Из пальца можно высотать только новую комбинацию слов, иногда звучащих по-новому, но быстро исчезающих в историческом пространстве... Такими фактами, такими документами являются события, определившие жизнь того или иного мыслителя, и произведения, в которых под влиянием – косвенным или непосредственным этих событий кристаллизовались его мысль, его настроения, его планы»⁵. Обращаясь к классикам марксистской теории революции – будь то Маркс или Плеханов, нельзя адекватно осмыслить и оценить его аргументы, не учитывая «основных дат его жизни, полного перечня его произведений, данных о том, какой отклик они вызвали в определенной исторической среде, какими путями они распространялись»⁶. Такого рода исследовательскую работу Рязанов и его сотрудники называли «биобиблиографией». Они сознавали, что биобиблиография требует «большой затраты энергии, большой кропотливости в розысках, но, раз сделанная, она, даже в том случае, если проделавший ее по какому-нибудь причинам не в состоянии был сам обработать этот материал, представляет большую научную ценность. Она является исходным пунктом для работ других исследователей, дополняющих и проверяющих ее, чтобы сделать из нее необходимое пособие для научного исторического исследования»⁷. В созданном Д.Рязановым Институте К.Маркса и Ф.Энгельса таким библиографическим и биобиблиографическим разработкам придавалось особое значение. По мысли Рязанова, они должны сосредоточиваться не только на творчестве отдельных теоретиков – Маркса, Энгельса, Плеханова, Каутского, но и на теоретических проблемах и географии распространения той или иной идеи и концепции⁸.

В подготовленный Тер-Ваганяном первой в нашей стране биобиблиографии Плеханова («Опыт биобиблиографии Г.В.Плеханова») было зафиксировано большинство сочинений из опубликованного наследия Плеханова, в прилагаемых к сочинениям аннотациях давалась история создания работы. Все это дополнялось хроникой событий, имеющих решающее значение для литературной деятельности. Учитывались отклики на выступления Плеханова, выделялись статьи и заметки, содержащие оценки его деятельности. Прилагались некрологи, юбилейные статьи, в подстрочниках напечатаны тексты ряда документов. Кроме того, представлены списки псевдонимов Плеханова, перечень периодических изданий, в которых он сотрудничал. Первый вариант биобиблиографии не был свободен от недостатков. О них говорил и сам составитель⁹. Главный изъян – неполнота, не были учтены многие издания работ Плеханова в разных странах, далеко не все отклики и отзывы оказались доступными.

Корректурный экземпляр, предлагаемый вниманию читателей, свидетельствует о том, что биобиблиография, подготовленная Тер-Ваганяном к изданию в начале 1930-х гг., является значительно более масштабным исследованием. В нем реализованы все обозначенные установки по созданию биобиблиографий. Эта работа охватывает, однако, не только факты, связанные с работой Плеханова над тем или иным сочинением, публикацией и откликами на него. Тер-Ваганян занят поисками печатных комментариев и документальных фактов, подтверждающих факты биографии Плеханова в целом. По сравнению с «Опытом библиографии» в тексте существенно расширены документальные ссылки, перечень фактов, источников. Хронологически биобиблиография продолжена до 1929 г. Детально расписаны материалы, связанные с празднованием пятилетней и десятилетней годовщины смерти Плеханова (в СССР и за рубежом). Представлена библиография работ политических мыслителей русского зарубежья, переоценивавших творчество Плеханова в контексте эволюции теории и практики марксизма-ленинизма, СССР к сталинизму. Новым моментом является попытка Тер-Ваганяна иллюстрировать документами и ссылками на источники все более или менее значительные факты из жизни Г.В.Плеханова. В биобиблиографии, как и в «Опыте библиографии», хронологической точкой отсчета является 1856 г., год рождения Плеханова. Но если в «Опыте» это просто констатация факта, то в биобиблиографии он приводит выписки из метрической книги. Дана сноска на ее публикацию в журнале «Каторга и ссылка» (1928. № 5). Перечислены авторы, сведения которых о детстве Плеханова нуждаются в проверке. Выделены свидетельства и оценки, заслуживающие внимания. Приводятся ссылки на публикации о Воронежской военной гимназии (бывшего Михайловского кадетского корпуса), в которой учился Плеханов. Приведены исследования по истории Тамбовской губернии тех лет.

Еще один пример. Комментируя речь Плеханова на демонстрации у Казанского собора (6 декабря 1876 г.), Тер-Ваганян классифицирует это событие как знаковое для 1876 г. и связывает с начальным этапом его революционной деятельности. Он называет работы, где можно найти комментарии Натансона, Аптекмана, Михайловского. Обсуждает высказанное А.Н.Потресовым мнение об определяющем влиянии П.Б.Аксельрода на политические воззрения Плеханова в те годы, ссылается на брошюру П.Б.Аксельрода «Накануне», опубликованную в 1917 г. Суммирует противоположные точки зрения. Отмечает позицию, озвученную Л.Г.Дейчем в его работе о Плеханове (Дейч Л.Г. Г.В.Плеханов. М., 1923). Приводит данные о работе Плеханова в кружках, участии в сходках; документально подтверждает факт исключения Плеханова из числа студентов Горного института «за невзнос платы», приводит номер документа (Постановление № 51 от 27 сентября 1876 г.). Факт первого публичного выступления Плеханова Тер-Ваганян подтверждает ссылками на информационное сообщение о демонстрации (опубликовано в «Правительственном вестнике» № 1/276 от 9 декабря 1876 г., рассказом самого Плеханова в его статье «Русский рабочий в революционном движении»). Кроме того, приводятся в качестве источников мемуары П.Б.Аксельрода, воспоминания В.Фигнер, М.Н.Покровского. Оценки предлагается искать в статье Ю.Мартова «Юбилей казанской площади в Санкт-Петербурге», опубликованной в «Искре». Тер-Ваганян специально выделяет рубрику «Речь на демонстрации», где приводит текст листовки и ее последнюю перепечатку (в «Историко-революционном сборнике»), считает важным привлечь внимание исследователей к полемике, развернувшейся между

Плехановым и П.Г.Зайцевым по поводу действий «Земли и Воли» в последующие дни, 7-8 декабря. Так же тщательно Тер-Ваганян разбирает практически все события и даты. И все же, более всего его привлекают (и это видно по тексту биобиблиографии, по числу систематизированных фактов, событий и приведенных источников) эволюция Плеханова от народничества к марксизму, его деятельность в группе «Освобождение труда», эпоха первых съездов РСДРП, выработка политической стратегии и принципов организации партии в годы первой русской революции, споры о формах политической борьбы за социализм, отход от большевизма, поиск новых форм политической организации пролетариата в социал-демократической партии¹⁰.

Работая над биобиблиографией, Тер-Ваганян не мог не учитывать идеологических ограничений, которые налагала на автора политическая ситуация в стране. По тексту видно, как, начиная с 1924-25 гг., разворачивается процесс изоляции исследователей в СССР от марксистов меньшевистской ориентации; в тексте все меньше упоминаний о зарубежных публикациях на тему «Плеханов»¹¹. Несмотря на пропуски, отсутствие некоторых авторских правок и новых редакций статей из политико-публицистического наследия Плеханова, опубликованных за границей, в том числе, посмертно¹², биобиблиография Тер-Ваганяна не теряет своей ценности. Это не только документ эпохи, позволяющий судить о степени несвободы исторических исследований в СССР тех лет, особенно, если они связаны с идеологией и политикой. Эта работа ценна и в плане теории. Она показывает нестыковки, которые возникают в социально-политическом знании даже в самом первом приближении – в систематизации фактов. Не случайно в оценках плехановского творчества так радикально разошлись его авторитетнейшие исследователи в 1920-е гг. – Б.И.Николаевский и В.А.Тер-Ваганян. Для первого идейная эволюция Плеханова является прообразом утверждения меньшевизма как единственно жизненной версии марксистской теории и практике в России; для второго творчество Плеханова – образец революционного марксизма, отрицающего авторитаризм сталинской модели политической власти в послеоктябрьской России. Во второй половине 1920-х гг., по мере того, как формировался культ Ленина и ленинизма, росло влияние Сталина, не испытывающего симпатий к Плеханову, уважительное отношение к аргументам «первого русского марксиста» сменяется критикой его ошибок¹³. В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) Сталин говорил о том, что после раскола РСДРП Плеханов, (а также Мартов и Аксельрод) «выпали из тележки» партийного руководства, что имело положительное значение для судьбы русской революции¹⁴. Через три года появилась директивная установка Сталина: «Плеханова надо разоблачить. Он всегда свысока относился к Ленину»¹⁵. Между тем собирая свою личную библиотеку, Сталин поставил произведения Плеханова в списке на пятом месте после работ К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, К.Каутского. Сталин понимал, что многие эпизоды из политической и творческой биографии Плеханова – полемика с ревизионизмом, народниками, А.А.Богдановым, работа в «Искре», выступления на II съезде дополняют идеологический арсенал партии. Однако Плеханов как меньшевик и оборонец вряд ли мог рассчитывать на его снисхождение. И когда издание его сочинений под редакцией Д.Б.Рязанова подошло к 25 тому, в котором были собраны произведения 1914-1918 гг., оно было прервано. На восьмом выпуске было прекращено, вследствие начавшейся Великой отечественной войны, издание документального сборника «Литературное наследие Г.В.Плеханова».

Возрождение интереса к Плеханову всегда связано с некими переломными моментами в общественной жизни России, поиском новых путей и практик в политике. Аргументы Плеханова – его размышления «за» и «против» стратегии европеизации для России, демократии и диктатуры, партийного авторитаризма и плюрализма мнений актуальны и сегодня. Следовательно, востребована и документальная основа для их анализа, представленная в биобиблиографии В.А.Тер-Ваганяна, воссозданной сегодня на CD.

1 Часто он публиковался под именем В.А.Ваганяна; оно же фигурирует и в большинстве справочных изданий.

2 См. подробнее: Крылов В.В. Имя, изъятые из энциклопедии (О В.А.Тер-Ваганяне)//Советская библиография. 1990. № 3. С. 61-71.

3 Там же.

4 См.: Тер-Ваганян В.А. Опыт библиографии Г.В.Плеханова. С предисловием Д.Рязанова. М.: Пг., 1923.

5 Д.Рязанов. Предисловие редактора/Тер-Ваганян В.А. Опыт библиографии Г.В.Плеханова. М.; Пг., 1923.

- С. 3.

6 Там же.

7 Там же. С. 3-4.

8 Примечательно, что, несмотря на многолетние преобразования фрагменты этой работы, проданных сотрудниками и учениками Д.Рязанова, сохранились и сегодня — в виде некоторых каталогов Государственной общественно-политической библиотеки, унаследовавшей фонды Института К.Маркса и Ф.Энгельса.

9 См.: Предисловие автора // Тер-Ваганян В.А. Опыт библиографии Г.В.Плеханова. С. 5-6.

10 Тер-Ваганян не принял критики Плеханова в адрес Ленина, опыта Октября и большевизма. Но он не сомневался в искренности плехановских суждений и оценок, воздерживался по мере возможностей от обвинений в ренегатстве. Об этом свидетельствуют и текст фундаментальной, но незаслуженно забытой монографии Тер-Ваганяна «Г.В.Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений» (1924).

11 К публикации были запрещены все произведения Плеханова, содержащие критику большевизма.

12 На это указывает и Б.И.Николаевский, активно участвовавший в пополнении фондов и коллекций Института К.Маркса и Ф.Энгельса. Его интересовали и коллекции Кабинета Плеханова. Несмотря на существовавшие между ним и Тер-Ваганяном принципиальные расхождения (а, может быть, именно благодаря им) в оценках творчества Плеханова и его роли в политических судьбах России в первые десятилетия XX в., Николаевский тщательно отслеживал все появляющиеся в России материалы о Плеханове и обращал внимание Д.Б.Рязанова на них, не считая возможным для себя вступать в непосредственные контакты с Тер-Ваганяном.

13 См. об этом подробнее: Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997. С. 3-15.

14 См.: Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. С. 369.

15 Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 64-65.

W. Hedeler

PLECHANOV UND DIE BERICHTERSTATTUNG ÜBER RUSSLAND IN DER „NEUEN ZEIT“ VON 1904-1908

Zu den Quellen, die über die Vorgeschichte, den Verlauf und die Nachwirkungen der russischen Revolution von 1905 Aufschluss geben, gehören auch die überlieferten 14 Briefe, die Georgi Plechanov und Karl Kautsky einander von Mai 1904 bis Juni 1908 schrieben. Ihre Korrespondenz enthält aufschlussreiche Hinweise auf die vielfältigen Kontakte zwischen russischen und deutschen Sozialdemokraten und die nicht immer einfache Gestaltung ihrer Beziehungen.

Die in dieser Zeit begonnene Beschäftigung und Auseinandersetzung der Deutschen mit den Ereignissen in Russland und deren Auswirkungen auf die Arbeiterbewegung fand nach dem Februar 1917 ihre Fortsetzung. Zahlreiche, in beiden Parteien nachweisbare Diskussionslinien — wie die über eigene Wege zum Sozialismus, das Parteiprogramm, den Verlauf der Weltrevolution, das Verhältnis von Demokratie und Diktatur — reichen bis 1905 zurück. Die Haltung vieler Akteure zur Revolution 1917 wird klarer, wenn die Debatten aus der Zeit der ersten russischen Revolution Berücksichtigung finden.

Leider steht eine Untersuchung der Rezeption der 05er Revolution durch deutsche Sozialdemokraten, die mit Ull Schülers Untersuchung über die Beschäftigung mit der Revolution von 1917 in der SPD „Despotischer Sozialismus“ oder „Staatssklaverei“ vergleichbar wäre, immer noch aus.¹

Eine aus der Beschäftigung mit der Berichterstattung deutscher Sozialdemokraten über die russischen Ereignisse resultierende Fragestellung zielt auf die Person Plechanovs. Im Juli 1904 erschien im Auftrag des SPD-Verlages Plechanovs Broschüre „Anarchismus und Sozialismus“². Es war nicht das erste Buch Plechanovs, der in der SPD den Ruf eines „kompetenten Berichterstatters“ genoss. In Anbetracht dieser Wertschätzung ist die Frage berechtigt, warum im genannten Zeitraum nur ein einziger Artikel von ihm in der „Neuen Zeit“, dem theoretischen Organ der SPD, erschien. Andere deutsche und russische Autoren, die sich zur Entwicklung in Russland aussem, sind weitaus häufiger vertreten. Eine, wenn auch nicht hinreichende Erklärung ist die Monopolstellung

einiger Publizisten in diesem Ressort, schliesslich lag die Russlandberichterstattung der „Neuen Zeit“ 1904 in den Händen von Rosa Luxemburg, David Rjazanov und Karl Kautsky.

Rosa Luxemburgs und David Rjazanovs, z.T. prinzipielle Meinungsverschiedenheiten, mit Plechanov sind bekannt und u.a. von Stanislav Vasil'evic Tjutjukin untersucht worden.³ Tjutjukin sieht in Plechanov einen Theoretiker, der im Hinblick auf den russisch-japanischen Krieg auf revolutionär-internationalistischen Positionen stand, der als Parteipolitiker auf Positionen eines „spezifischen Zentrismus“, d.h. zwischen den Menschewiki und Bolschewiki steht.⁴ Genau in diesem Geiste ist der Briefwechsel zwischen Plechanov und Ljubov Akselrod vom Sommer 1905 gehalten.⁵ Ähnlich argumentierten Michail Trifonovic Iovcuk und Irina Nikolaevna Kurbatova in der für die Serie „Zizn i Zamecatel'nyh Ljudej“ verfassten, 1977 veröffentlichten Biographie.⁶

Seit März 1905 gab Plechanov auf eigene Kosten den „Dnevnik social-demokrata“ heraus.⁷ Plechanovs Artikel aus dem „Dnevnik social-demokrata“ wurden in der „Neuen Zeit“ nicht rezipiert. Ein russischer Autor mit dieser Position hatte es im deutschen sozialdemokratischen Milieu schon deswegen schwer, weil die Deutschen – wie Kautsky schrieb – nicht objektiv, sondern parteiisch urteilten. Als Rosa Luxemburg in der „Neuen Zeit“ zu den Organisationsfragen der russischen Sozialdemokratie publizierte, stützte sie sich auf Informationen aus der „Iskra“.⁸ Von einer Episode, die das Verhältnis zwischen Plechanov und Kautsky schlaglichtartig beleuchtet, soll im folgenden die Rede sein.

Die Redaktion der „Neuen Zeit“ öffnete aus Interesse an der Entwicklung der revolutionären Ereignisse in Russland ihre Seiten russischen Autoren, mit denen Plechanov zerstritten war.

Ende 1904/Anfang 1905 schreiben für die „Neue Zeit“ David Rjazanov, ein Armenier, Rosa Luxemburg, Karl Kautsky und zwei weitere Autoren insgesamt 10 Beiträge. Sie kommentieren die russische Aussenpolitik, die Bauernfrage und die Leibeigenschaft. Dies waren die theoretisch und tagespolitisch dominanten Themen, zu denen auch der in Genf lebende Plechanov regelmässig publizierte.

Im ersten Halbjahr 1905 geht die Zahl der Beiträge über Russland in der „Neuen Zeit“ etwas zurück. Man wartet auf genaue Informationen aus Russland. In der „Neuen Zeit“ schreiben 6 Autoren, darunter Karl Kautsky, Leo Dejc, Davidow, Dan, und August Bebel. Im zweiten Halbjahr 1905 ändert sich die Situation grundlegend: Die Zahl der Artikel über Russland steigt auf 17. Unter den Autoren sind Martov, der über das Verhältnis zu den Liberalen schreibt, und Dejc. Weitere Themen sind die Entwicklung im Baltikum, Franz Mehring schreibt am 1. November 1905 über die Revolution in Permanenz, Kautsky über die Agrarfrage, andere Beiträge nehmen zum Entwicklungsweg des russischen Proletariats Stellung.

Anfang bis Mitte 1906 schreibt S. I. Anin über den Vereinigungskongress der russischen Sozialdemokratie. „Von nun an schreitet die russische Sozialdemokratie vereint und in geschlossenen Reihen“, heisst es in der „Neuen Zeit“ Ende Mai 1906.⁹ Ida Axelrod informiert die Leser über die Geschichte der russischen Sozialdemokratischen Partei von 1898 bis 1903. „Die Geschichte der russischen Sozialdemokratie hürte mit 1903 auf. Jetzt gibt es wieder eine neuzusammengeschweisste Partei“, lautete er ihr Resümee. „Wir werden sehen, was die Zukunft bringt.“

Unter den über Russland berichtenden Autoren waren u.a. Abram Deborin, Karl Radek, Parvus, Franz Mehring, Karl Kautsky und Max Beer. Ausserdem lieferte die „Neue Zeit“ Anfang Juni die Übersetzung des Programms der Sozialrevolutionäre vom Januar 1906.

1907 waren es 10 Artikel und Berichte von insgesamt 10 Autoren. Zu den russischen Autoren, die in der „Neuen Zeit“ publizierten, gehörte u.a. Leo Trockij, der den Artikel zum 25-jährigen Jubiläum der „Neuen Zeit“ beisteuerte.¹⁰ Die Zeitschrift ist so alt, wie die russische Bewegung. Trockij, der dem Konzept der Revolution in Permanenz folgte, geht auf „das Elend des russischen Liberalismus“ ein. Genau das war der Streitpunkt zwischen ihm und Plechanov, der für ein Bündnis mit den bürgerlichen Demokraten plädierte. Auf diese Weise sollte verhindert werden, dass die Liberalen zu Feinden der Arbeiterklasse würden. Sich mit ihnen zu verbinden, bedeutet nicht, sich auf ihr Niveau herabzulassen, schrieb Plechanov am 18. Dezember 1905 an die Redaktion des „Natschalo“¹¹.

Trockijs Äusserung aus dem zitierten Jubiläumsartikel: „Marxismus kann den Mangel an politischer Erfahrung nicht ersetzen“, kann auch als Polemik gegen Plechanov gelesen werden. Trockij schloss mit einem „Wort des Dankes: Noch vor Ausbruch der russischen Revolution, als viele europäische Genossen aus Gründen, die sehr erklärlich sind, uns, die russischen Sozialisten, nicht ernst nehmen wollten, da war die „Neue Zeit“ die unermüdliche Vertreterin der Interessen der russischen Revolution vor dem Forum des europäischen Sozialismus.“

Wie kam es dazu, um die Ausgangsfrage aufzugreifen, dass Autoren wie er, die Deutschen, die nach Auffassung von Kautsky überhaupt nichts von den russischen Verhältnissen verstehen, dass deutsche Publikum über die Situation in der russischen Parteienlandschaft aufklären durften. Die Vorwärts-Redaktion setzt sich – schrieb Kautsky am 16. September 1904 an Plechanov – größtenteils nicht aus theoretisch vorbereiteten Marxisten, sondern aus (Wirkupfen) Sumbur-Sozialisten zusammen, die dort immer das letzte Wort haben.

Plechanov antwortete Kautsky am 28. September 1904 mit dem Hinweis auf den Missbrauch des Vorwärts-Artikels „Social-demokratija i terrorism“ vom 11. August 1904¹² durch die Sozialrevolutionäre.

Für Kautsky wurde es immer problematischer, Neutralität zu wahren und die „Neue Zeit“ aus dem Streit der Russen herauszuhalten. Er versuchte, zu vermitteln. Da das Zentralorgan „Vorwärts“ – wie z.B. im März 1905 – einseitige Stellungnahmen publizierte, in diesem Fall zugunsten der Sozialrevolutionäre, drängten ihn nunmehr auch seine russischen Freunde zu einer Erklärung. Am 12. April 1905 kommt Kautsky endlich Plechanovs Drängen nach und veröffentlicht in der „Neuen Zeit“ den Artikel „Die Differenzen unter den russischen Sozialisten“. Das ist unmittelbar am Vorabend des von den Bolschewiki einberufenen 3. Parteitag der SDAPR in London. Im Mai 1905 verlässt Plechanov die „Iskra“ und den Parteirat. Den Briefwechsel mit Kautsky nimmt er erst 1906 wieder auf.

Da es in Deutschland keinen im Hinblick auf die russischen Ereignisse unparteiischen Genossen gibt, will Kautsky das „Chaos der Zwistigkeiten und Streitigkeiten, die das sozialistische Lager (in Russland) zerrissen“ (haben) erdulden. „Gern hätte ich freilich die Schilderung der russischen Differenzen einer berufenen Feder überlassen, einem Genossen, der den russischen Dingen näher steht als ich. Aber jeder derartige Genosse ist in den zu schildern den Differenzen Partei, und seine Darstellung käme dadurch, selbst wenn sie völlig unparteiisch wäre, in den Verdacht, eine gefärbte zu sein.“ D.h. parteiisch zu sein. Nicht alle „Zwistigkeiten sind gleicher Natur“. Es können drei Gruppen unterschieden werden.

„Die erste ist die der nationalen Reibungen.“ Die Rückständigkeit des Verkehrs und die Unmöglichkeit einer öffentlichen Organisation verstärken noch die organisatorische Selbstständigkeit einzelner Gruppen. Oft eine Frage nicht nur theoretischer Einmütigkeit, sondern auch der des Taktgefühls und der Solidarität. Das eigentlich bemerkenswerte sind für Kautsky deshalb nicht die Differenzen, sondern die Tatsache, dass es die Russen immer verstanden haben, „sie in hohem Grade zu überwinden“.

Die zweite Gruppe sind die sachlichen Differenzen innerhalb der Organisation, die zu zwei Fraktionen geführt haben. Einerseits Plechanov, Zaslulic und Dejc auf der anderen Lenin. Lenin für strengsten Zentralismus und diktatorische Befugnisse des ZK, während Akselrod und Freunde größere Bewegungsfreiheit lassen. „So dringend es wünschenswert ist, dass die beiden Richtungen zu einem Einverständnis kommen, so wenig kann das Ausland dazu tun.“

Die dritte Gruppe ist die zwischen den Sozialisten und den Terroristen.

In einer Anmerkung zum Artikel von Martov in der „Neuen Zeit“ vom 4. Oktober 1905 weist die Redaktion auf die erfolgte Vereinigung der bisher gespaltenen russischen Sozialdemokratischen Fraktionen um „Proletarij“ und „Iskra“ hin. Einige Organisationen haben föderative Vereinigungen gebildet. Auch zum Programm-Artikel aus „Natschalo“ vom 28. November 1905, (Übersetzung in der „Neuen Zeit“ vom 27. Dezember 1905) gibt es eine aufschlussreiche redaktionelle Anmerkung: Die Einigung der beiden Richtungen in der russischen Sozialdemokratie ist nicht zuletzt durch Zeitungsverbote bedingt, wir hoffen, dass die Einigung keine vorübergehende ist, sondern den „Zusammenschluss aller sozialdemokratischen Elemente in einer einheitlichen Organisation“ nach sich zieht.

Dieser Wunsch brachte Kautskys Vorstellung auf den Punkt, der am 20. Juli 1905 an Victor Adler geschrieben hatte: Wir brauchen „Aktion und Organisation und nicht Kritik und Theorie“. Er hoffte, an die Stelle der „Kritiker und Theoretiker“ Akselrod, Plechanov und Lenin würden andere Genossen treten.¹³

Tjutjukin gibt darüber hinaus noch andere Einschätzungen wider. Viktor Adler sah in Plechanov einen „Doktrinär und Buchstabengelehrten“, Rosa Luxemburg, bezeichnete Plechanov im Juli 1905 als „eine traurige Erscheinung“.¹⁴

Im Dezember 1905, während der Debatten über das Parteiprogramm der Sozialrevolutionäre auf dem 1. Parteitag, diskutierten die Delegierten das Minimal- und Maximalprogramm, das Problem der Sozialisierung und der Diktatur des Proletariats. Ein Redner, Tuckin wies in seiner langen Rede auf Plechanovs Definition der Diktatur hin, um auf die Verkrustung der einst revolutionären marxistischen Formeln in der russischen Sozialdemokratie hinzuweisen. Schon deshalb kann das kein Ansatzpunkt

für die radikaleren Sozialrevolutionäre mehr sein. Wenn sie von Diktatur reden, dann meinen sie auch Diktatur.¹⁵

Die Zeit vor dem Stockholmer Parteitag gilt als „Altweibersommer des Revolutionärs“ Plechanov.¹⁶ 1906, nach langer Pause wendet sich Kautsky mit einer Reihe von Fragen an Plechanov: Wie werden sich die Bauern im Hinblick auf die Bodenfrage verhalten? Gorki ist hier, was halten Sie von ihm? Plechanov schickt ihm daraufhin die Enquete zu, die Kautsky im November beantwortet. Die Differenzen zwischen beiden – wegen unterschiedlicher Einschätzungen der Bauernschaft (Kautsky) und der Liberalen (Plechanov) bleiben bestehen.

In der Ausgabe der „Neuen Zeit“ vom 28. März 1906 erscheint Plechanovs Artikel „Die proletarische Bewegung und die bürgerliche Kunst“ über die sechste internationale Kunstausstellung in Venedig 1905 (aus der Moskauer „Pravda“).¹⁷ Auf dem 2. ausserordentlichen Parteitag der Sozialrevolutionäre im Februar 1907 geht es in Vorbereitung auf die Teilnahme am Internationalen Stuttgarter Kongress u.a. um die Forderung nach autonomer Vertretung der sozialistischen Strömungen in Russland im ISB. Plechanov ist für die Autonomie.¹⁸

30. April 1907 Plechanov eröffnet den 5. Parteitag der SDAPR.¹⁹ In seiner nicht gehaltenen Ansprache in Deutschland, datiert vom 1. August 1907, bemerkt Plechanov, der die deutsche Presse und Literatur verfolgt, dass in den deutschen Zeitungen in der Regel „übertriebene Hoffnungen“ im Hinblick auf Russland vorherrschen. Wir müssen in Russland zunächst solche Verhältnisse schaffen, unter denen der Kampf der Arbeiterklasse erst möglich wird. Bis hin zu bevorstehenden Diktatur des Proletariats in Russland. Jetzt hingegen legen sie mit den illusionären Ansichten auch jene ab, die durchaus Aussicht auf Erfolg hatten. So wie ich mich zuvor gegen die Illusionisten gewandt habe, wende ich mich jetzt gegen die Skeptiker.²⁰

1 Uli Schuler: „Despotischer Sozialismus“ oder „Staatsklaverei“. Die theoretische Verarbeitung der sowjetrussischen Entwicklung in der Sozialdemokratie Deutschlands und Österreichs 1917 bis 1929. Münster 1990.

2 G. Plechanov: Anarchismus und Sozialismus. Kün 1995 (Fotomechanischer Nachdruck der Ausgabe 1911.)

3 S. V. Tjutjukin: Pervaja Rossijskaja revoljucija i G. V. Plechanov. M., 1981, S. 302-304.

4 S. V. Tjutjukin: G. V. Plechanov. Sud'ba russkogo marksista. M., 1997, S. 212.

5 Filosofsko-literaturnoe nasledie G. V. Plechanova. T. 1. M., 1973, S. 212.

6 M. Iovcuk; I. Kurbatova: Plechanov. M., 1977.

7 G. V. Plechanov: Socinenija. T. XIII, S. 233 ff.

8 Rosa Luxemburg: Organisationsfragen der russischen Sozialdemokratie. In: Rosa Luxemburg, Gesammelte Werke. Bd. 1/2. Berlin 1970, S. 422-444.

9 Die Neue Zeit, Nr. 36, 1906, S. 307.

10 Die Neue Zeit, Nr. 1, 1907, S. 7-10.

11 Filosofsko-literaturnoe nasledie G. V. Plechanova. T. 1. M., 1973, S. 214-216.

12 G. V. Plechanov: Social-demokratija i terrorizm. In: G. V. Plechanov: Socinenija. T. XIII, S. 141 ff.

13 Vgl. hierzu: Harald Koth: „Meine Zeit wird wieder kommen...“ Das Leben des Karl Kautsky. Berlin 1993, S. 110.

14 S. V. Tjutjukin: Pervaja Rossijskaja revoljucija i G. V. Plechanov. M., 1981, S. 285.

15 Protokoly pervogo s'ezda Partii Socialistov-revoljucionerov. Dekabr' 1905. In: Partija socialistov-revoljucionerov. Dokumenty i materialy. Tom 1. 1900-1907. M., 1996, S. 326/327.

16 S. V. Tjutjukin: G. V. Plechanov. Sud'ba russkogo marksista. M., 1997, S. 234. Plechanovs Reden auf dem Stockholmer Parteitag, in: G. V. Plechanov: Socinenija. T. XV, S. 67 ff.

17 Neue Redaktion in: G. W. Plechanov: Kunst und Literatur. Berlin 1955. S. 198-218.; Mit unkommentiertem Hinweis auf die Publikation in der „Neuen Zeit“ in: G. Plechanov: Kunst und gesellschaftliches Leben. Berlin 1975, S. 187-213. Dieser Ausgabe lag die gleichnamige Publikation „Iskusstvo i literatura“ aus dem Jahre 1948 zugrunde.

18 In: Partija socialistov-revoljucionerov. Dokumenty i materialy. Tom 1. 1900-1907. M., 1996, S. 548.

19 G. V. Plechanov: Socinenija. T. XV, S. 377 ff.

20 Filosofsko-literaturnoe nasledie G. V. Plechanova. T. 2. M., 1973, S. 44-46.

О СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Г.В. ПЛЕХАНОВА

1. В 1909 г. Плеханов, значительно расширив план издания "Истории русской общественной мысли", предложенный издательством "Мир", начал основательное изучение сочинений историков "государственной школы", в числе которых были и труды С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

2. Для методологии исследования истории Плеханова характерно признание "обратного действия политического момента на экономический", что сближало точки зрения Плеханова и историков "государственной школы". В ходе дискуссии о природе петровских реформ в России Плеханов критически отнесся к идее М.Н. Покровского, посчитавшего указание С. Соловьева на военно-финансовую необходимость реформ "метафизикой".

3. Плеханов разделяет мнение С. Соловьева о том, что при Петре Россия "начала поворачивать с востока на запад"¹. Но точка зрения Плеханова от положений, высказанных Соловьевым, отличается тем, что он рассматривал появление московской Руси как поворот с Запада на Восток. Находя в государственном устройстве России черты, сближавшие ее с восточными деспотиями, он не согласился с Ключевским, видевшим в преодолевшей Смуту России появление новой идеи государства, которая, "отделяясь от мысли о государе, стала сливаться с понятием о народе"².

4. Плеханов высоко оценил точку зрения С. Соловьева о значении географической среды в развитии общества. Отмечая, что эта идея совпадает с воззрениями сторонников материалистического взгляда на историю, Плеханов расширил ее указанием на то, что влияние географической среды на отдельных членов общества осуществляется не прямо, а опосредованно, через среду общественную.

5. Рассмотрев историю России, Плеханов пришел к заключению, что Россия еще недостаточно европеизирована. Чтобы устранить эту недостаточность, ей нужен длительный процесс развития капитализма, в ходе которого и рождается новая движущая сила истории - пролетариат. Но трагедия Плеханова состояла в том, что во время революционных событий среди представителей этого общественного слоя оказалось недостаточно тех, кто был в состоянии таким же образом осмыслить эти положения об особенностях исторического процесса в России и поддержать его тактику.

1 С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1908. Ч.3. С. 83.

2 В.О. Ключевский, Курс русской истории. Ч.3. М., 1908. С. 63.

М.В.Пронина

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ТРУДА Г.В. ПЛЕХАНОВА "ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ"

В конце XIX - начале XX вв. значительное место в отечественной историографии заняли проблемы исследования русской общественной мысли. Актуальность темы отражала назревшую потребность концептуально обобщить развитие общественных идей в России, выяснить характер и значение западноевропейского влияния, определить особенности русского самосознания. С разных методологических позиций эти проблемы разрабатывали в своих трудах П.Н. Милюков, Р.В. Иванов-Разумник, А.С. Лаппо-Данилевский и др. В этом же ряду стоит "История русской общественной мысли" Г.В. Плеханова, ставшая первым опытом применения марксистской теории для разработки концепции исторического развития России и изучения эволюции общественных идей. Книга была впервые издана в 1914-1917 гг. в Москве Товариществом "Мир". Последнее издание состоялось в 1925 г.

Труд Плеханова привлекал внимание многих исследователей, но всесторонней историографической оценки не получил до сих пор. Новые возможности для изучения идейного содержания этого фундаментального произведения открываются при обращении к исто-

рии его написания и издания, позволяющей выявить конкретные условия и хронологию работы Плеханова, дать представление об источниковой базе "Истории...", рассмотреть авторские замыслы и намерения в их становлении и развитии, определить, насколько полно они были реализованы в прижизненном издании. Решение названных задач важно также подготовки нового издания книги. Источником изучения темы является переписка Плеханова с издательством Товарищества "Мир".

История создания "Истории..." охватывает 8 лет (1909-1917). За это время вместо книги в 30 листов, которую издатели планировали выпустить к весне 1912 г., к 1917 г. появились три тома, насчитывавшие в общей сложности 56 листов. Предполагалось, что все издание составит семь томов. Но "История..." осталась незавершенной: изложение материала было доведено до конца XVIII в., к рассмотрению направлений общественной мысли XIX в. Плеханов не приступил. В марте 1917 г. в связи с Февральской революцией он отложил научные занятия и стал готовиться к возвращению в Россию.

Продолжительность работы Плеханова над "Историей..." объяснялась объективными неблагоприятными факторами. К числу наиболее значимых относилось отсутствие за границей, где жил Плеханов, необходимых источников и литературы по русской истории и истории общественной мысли. В решении этой задачи большую помощь оказали издатели М.Я. Фитерман и Л.А. Лурье, библиограф Н.А. Рубакин. В переписке Плеханова с ними и другими корреспондентами за период 1909-1917 гг. упоминается почти 400 изданий, 120 из которых нашли непосредственное отражение в "Истории..."

Подготовка издания задержалась из-за несвоевременной доставки и пропаж корреспонденции, участвовавших в военное время. Кроме того, обсуждение и согласование всех текущих вопросов подготовки издания требовало дополнительной переписки между автором и издательством.

В 1909-1917 гг. Плеханов много сотрудничал в периодической печати, поэтому нередко вынужден был прерывать работу над книгой. За эти годы появилось около 137 произведений Плеханова разных жанров, от библиографических заметок и рецензий до статей и книг. Многие из них были посвящены изучению русской и западноевропейской общественной мысли XIX в., поэтому могут рассматриваться как своеобразные эскизы ненаписанных глав "Истории..."

Таким образом, написание "Истории..." и подготовка ее к печати представляли сложный, очень неровный и напряженный процесс. Ход издания зависел от поступления авторских рукописей, которые приходили в издательство очень неравномерно и с большими перерывами. Вопрос о сроках был самым болезненным во взаимоотношениях Плеханова с издателями. Представление об истинных масштабах задуманного произведения сложилось у Плеханова далеко не сразу, поэтому он постоянно переоценивал объем и сроки предстоящей работы.

Первоначальный замысел "Истории..." принадлежал издательству Товарищества "Мир", которое в апреле 1909 г. предложило Плеханову написать с точки зрения экономического материализма книгу по истории русской общественной мысли в XIX в.¹ В ноябре между издательством и автором были согласованы условия выпуска и заключен договор. К этому времени Плеханов представил весьма общий набросок плана, в котором содержались историческое введение и хронологически составленные по эпохам разделы о разных направлениях русской общественной мысли конца XVIII – начала XX вв.

Следующие полтора года, с ноября 1909 до марта 1911 гг., были посвящены поиску, отбору и изучению источников и литературы и обдумыванию книги в целом. Поскольку проблема оставалась актуальной и в дальнейшем, Плеханову приходилось одновременно заниматься поиском материалов, текстом рукописей и корректурой.

С марта 1911 г. до начала июня 1912 гг. с перерывами Плеханов работал над текстом "Введения". Полученная издателями в июле 1912 г. рукопись значительно превышала намеченные размеры. К набору "Введения" приступили почти через год, когда пришла следующая рукопись.

В ноябре 1911 г. первоначальный замысел, согласно которому изложение основного материала должно было начинаться с конца XVIII в., изменился: Плеханов задумал новый раздел о развитии общественной мысли допетровской эпохи и обратился к изучению

соответствующих источников.

С лета 1912 г., в течение двух лет он писал этот раздел, составивший впоследствии вторую часть книги. Рукописи выслались довольно нерегулярно. В середине февраля 1913 г., т.е. через 9 месяцев после "Введения", отправлена рукопись первых пяти глав (гл. 1-5); через год, 3 января 1914 г., - следующих четырех (гл. 6-9); через полтора месяца, 21 февраля 1914 г. - рукопись последних трех глав (гл. 10-12). Сразу по окончании второй части, Плеханов приступил к написанию первой главы следующей третьей части, посвященной общественным идеям XVIII в. В конце мая 1914 г. он отправил первую главу и начало второй.

С весны 1913 до октября 1916 г. Плеханов просматривал корректуру. В результате были дополнены тексты некоторых примечаний, устранены замеченные повторения, исключены по настоянию издателей, опасавшихся цензурных ограничений, отдельные выражения. При подготовке первого тома Плеханову выслали гранки, верстку и оттиски; в дальнейшем, при подготовке второго и третьего томов - только гранки, и то частично. С 1 января 1917 г., в виду запрета пересылки печатной продукции в Италию, пришлось вовсе отказаться от проведения корректурной работы. В результате изданная Товариществом "Мир" книга изобилвала многочисленными ошибками и опечатками. К наиболее серьезным относились неправильные названия глав в оглавлении второй части книги.

Поворотным моментом в ходе создания "Истории..." стало лето 1913 г., когда Плеханов по просьбе издателей составил подробный план всего произведения с аннотациями каждой главы. Импульсом послужило решение Товарищества "Мир" издать книгу по подписке и выпустить проспект с изложением предполагаемого содержания. Согласно плану книга должна состоять из 89 глав. По цензурным условиям последние девять глав, посвященные общественной мысли конца XIX - начала XX вв., были исключены издателем.

Руководители издательства Товарищества "Мир" М.Я. Фитерман и Л.А. Лурье предложили общую композиционную структуру книги, разработали идею ее иллюстративного оформления. Плеханов намеревался даже передоверить издателям решение такого важного вопроса как разделение всего произведения на отделы и составление названий глав. Однако далеко не во всем позиции издателей и автора совпадали.

Особенно остро это проявилось при обсуждении вопросов о принципе всего издания, составе первого тома и содержании предисловия. Первоначально издатели планировали, что первый том завершится второй частью, посвященной допетровскому времени. Плеханов с удовлетворением отмечал, что в этом виде первый том будет иметь самостоятельное значение. Однако в дальнейшем издатели, стремясь ускорить выпуск тома и соблюсти намеченные размеры, отказались от выпуска логически завершенных томов. Получив в феврале 1914 г. большую по объему рукопись 6-9 глав, они решили закончить ими первый том, а заключительные три главы второй части, которые пришли несколько позже, перенести во второй том. На незаконченность содержания первого тома обратили внимание рецензенты. Третья часть, посвященная XVIII в., также произвольно была поделена между вторым и третьим томами.

Сожаление Плеханова вызывала несвоевременность составления предисловия к книге, написанного им для проспекта по настоятельной просьбе издателей задолго до завершения первого тома. Те дополнения и вставки, которые он предполагал внести в предисловие, остались неучтенными, поскольку к 25 апреля 1914 г. первый том уже был отпечатан. В июне 1914 г. из-за перенесения части издательства в Петербург первый том вышел в свет.

Начавшаяся Первая мировая война заставила Плеханова прервать работу над вторым томом. Только в начале марта 1915 г. была приготовлена рукопись, содержащая окончание второй главы и третью. В первой половине июня того же года была отослана четвертая глава. К концу ноября 1915 г. второй том был готов к выходу в свет.

В течение 1916 - начала 1917 гг. Плеханов работал над третьим томом "Истории...". За это время в издательство было отправлено семь посылок с рукописями: в начале января 1916 г. - пятая глава, в конце марта - шестая, 15 июня - седьмая, в июле - восьмая, 22 сентября - девятая, во второй половине ноября - десятая, в конце января или начале февраля 1917 г. - одиннадцатая и двенадцатая. Но десятая глава затерялась и не была получена вовсе, одиннадцатая и двенадцатая пришли с большим опозданием, когда том

был набран. Последнюю незаконченную тринадцатую главу Плеханов не выслал. Из-за отсутствия материала печатание "Истории..." прекратилось еще в феврале 1917 г. Но из-за недоразумений с переплетной мастерской выход третьего тома задержался до июля 1917 г. Девятая глава в нем была последней.

Последние четыре главы, не вошедшие в третий том прижизненного издания, появились в изданиях 1925 г. под редакцией Д.Б. Рязанова. На основании изучения истории создания плехановского труда он выявил существовавшие между издателями и автором разногласия и изменил, в соответствии с плехановской точкой зрения, распределение материала в томах. Из второго в первый том были перенесены последние главы второй части о допетровской эпохе, и, т. о., первый том получил смысловую завершенность. Тринадцать глав третьей части составили содержание второго и третьего томов.

В заключение следует отметить, что далеко не все авторские намерения и пожелания Плеханова оказались реализованными в "Истории...", изданной Товариществом "Мир". Основная причина заключалась в противоречии между творческими потребностями автора и коммерческими интересами издателей.

1 Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1974. Т. 3. С. 251.

В. А. Латышева

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПОПЫТКА СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ)

Одним из перспективных направлений социально-гуманитарного исследования является синергетика, утверждающая необходимость целостного, единого и многоаспектного восприятия мира. В ее рамках обосновывается теория и методология социальных систем, самоорганизующихся посредством прохождения ими циклических режимов зарождения / сохранения порядка. Осмыслению этой парадигмы посвящено немало теоретических работ. Однако вопрос о практическом применении такой модели в историческом исследовании, о создании его некоторого образца остается по существу открытым.

Новая парадигма в истории не отрицает "прошлого" видения Универсума. Она лишь изменяет акценты, давая возможность более объективно представить, скорее понять, чем изучить, историческую действительность. При этом акцентируется внимание на случайности в ходе исторического процесса, роли личности в истории, нарушении структур власти, альтернативности общественного развития и т. д.

В рамках синергетики изучение заданного объекта направлено на его восприятие как системы. Учитывается то обстоятельство, что она подвержена бивариантности, цикличности особого рода, когда одна часть цикла есть порядок, а другая – хаос. Но хаос рождает порядок. Причем его монофункциональность отвергается синергетикой. Хаос никогда не исчезает ни на одном из поворотов истории. Вместе с разрушением он имеет способность конструировать порядок, т. к. мыслится как необходимая компонента существования и дальнейшего развития системы, будь-то естественной или гуманитарной природы.

С позиций синергетики, эволюция социума представляется как периоды стабильного существования "порядка", но где тогда двигатель прогресса? Дело в том, что на смену каждого «порядка» приходит яркоочертанное время господина «хаоса», который будоражит жизнь авантюрами коренных перемен, перестроек глобального масштаба в рамках системы-социума, порождая порядок нового уровня. В результате общего действия многочисленных подсистем на микроскопическом уровне рождается совершенно новая структура, начинают работать законы, которые диктует природа нового образования.

Социум, как часть природы, является сложной системой, но только подсистемой или одной из возможно миллионных структур единой большой системы – Универсума. Одной из особенностей любой системы является память, наследственность, или эвридитарность. Наше настоящее, как и наше будущее, зависит от нашего прошлого, но не детерминировано им. После каждого хаотичного преобразования система стремится приобрести былую

форму, но уже на новом уровне. Древние были правы: в одну и ту же воду нельзя ступить дважды. Так происходит развитие.

Социальные системы открыты и сложно организованы. Они подвержены необратимости, диссипации, нелинейности, неустойчивости. Судьбоносная роль выбора дальнейшего пути следования исторического объекта, принадлежит различным, часто непредсказуемым случайностям. Их сила способна нарастать в критических точках исторического времени. Мир, а вместе с ним и социум, изменчив и поливероятен, но в нем существует упорядочение, которое и является отмеченным выше синтезом взаимопереходов порядка и хаоса.

Индикаторами "здоровья" для исторических объектов выступают хаотические приметы времени, тогда как порядок свидетельствует об их болезненном состоянии. Порядок соответствует состоянию покоя, или застоя, хаос же осуществляет переход от времени, которое остановилось, ко времени, которое грядет.

Вызывает интерес целостное синергетическое видение хода истории. Оно имеет свои преимущества, которые, не претендуя на полноту, можно свести к следующему:

1) объемное видение истории, интеграция добываемых знаний, касающихся всех регионов бывшей Российской империи, в т. ч. Беларуси;

2) последовательное проведение принципа объективности в научном представлении истории, учитывающим как положительные, так и отрицательные явления в жизни, что позволяет вскрывать тенденции в процессе исторического развития, которые ведут к самосовершенствованию социума;

3) конкретный сдвиг предметной области исторической науки с "центра" власти к ее "границам", к жизни многих людей, в большинстве своем "забытых" историей; и др.

Один из возможных вариантов синергетического подхода, на примере отечественной истории, – это представление Российской империи начала XX в. При этом Беларусь может рассматриваться как одной из структур ее системы. Дело в том, что XVIII век в истории Беларуси закончился бифуркацией. Произошла смена одного государства-хозяина на другого. Потенциальные возможности системы Речи Посполитой уже исключали осуществимость самосохранения Беларуси. Единственной возможностью самовоспроизводиться, к тому же на более высоком уровне, было для нее "симбиозное" существование с Россией. Так белорусские земли начали новый цикл развития в границах Российского государства, и их история оказалась тесно связанной и детерминированной последней. Беларусь стала жить циклами России.

Схематично синергетическое представление этих объектов может выглядеть следующим образом:

A. I. Усложнение структур Российского социума на рубеже XIX–XX веков, в том числе

а) экономической структуры системы (развитие капитализма, появление монополий и др.);

б) социальной структуры системы (формирование торгово-промышленной буржуазии, профессионального рабочего класса, буржуазной интеллигенции, дифференциация сельского населения);

в) политической структуры системы (появление политических партий, более высокая как в количественном, так и в качественном отношении организация политических структур);

г) культурной структуры системы (активное, в сравнении с предыдущим временем, формирование национальных культур...).

II. Появление различных форм существования социума (1905–1907 гг.), когда определились его возможные альтернативы – либерально-буржуазная, революционно-демократическая, монархическая.

Б. I. Дифференциация форм всех структур социума (1908–1916 гг.), в том числе

а) экономической структуры системы (усложнение империализма как формы экономической структуры с ее банками, синдикатами, трестами, картелями);

б) социальной структуры системы (дифференциация в связи с разрушением сельской общины, становление сельской интеллигенции, дальнейшее расслоение всего российского социума);

в) политической структуры системы (установление "дуалистической" монархии – системы-государства с сохранением структуры-царя и появлением элемента парламентаризма в лице Думы как законодательного органа и выборности в законодательный орган на основе

как имущественного, так и национального ценза, становление монархического конституционализма, формирование режима личной власти монарха);

г) культурной структуры системы (национальное возрождение, формирование национального литературного языка, появление "национальной" печати...).

Нетрудно заметить, что эта схема дает возможность представить циклы отечественной истории, проследить эвридитарность системы-России в ее циклах, определить аттракторы (возможные альтернативы в бифуркационных моментах), показать поэтапное усложнение системы.

В данную схему свободно вписывается имеющийся фактический материал. При этом выход на второй цикл (Б. 1) обусловлен отторжением "состарившихся" структур и прежде всего, крупного помещичьего землевладения как доминантной в прошлом формы сельскохозяйственной структуры. Этот и другие анахронизмы уже не вписывались в систему того времени. Россия начала свое движение в качестве империалистического государства, а тормозом на ее пути стали многочисленные феодально-крепостнические пережитки.

В рамках системы-России империалистические черты приобрела и ее структура-Беларусь, имевшая свои особенности. И здесь происходила концентрация производства и других регионов России капитала, возникали акционерные товарищества и монополистические объединения, шла капитализация деревни, формировалась буржуазная земельная собственность. Вместе с тем, в Беларуси уровень монополизации промышленности был ниже, чем в индустриально развитых регионах России; доходная часть бюджета превышала расходную; процесс распада дворянской земельной собственности проходил медленнее, отмечался перевес польского дворянско-помещичьего землевладения; и имел место относительно высокий уровень технической оснащенности сельского хозяйства.

Система-государство активно проводило политику "попечения о народных нуждах", использование в целях сохранения порядка полиции, жандармерии, армии. Такая политика, оправданная сама по себе, создавала в новых условиях, скорее, видимость содействия, чем реальную помощь "маленькому человеку". Финансирование было недостаточным, а инициатива общественных структур была заката. Система фактически отказывала обществу в экономических и политических правах. Неизбежным становился хаос перемен.

Общество лихорадило многочисленные формы протеста. Характер борьбы с существующим режимом менял свой облик с экономического на политический. За довольно короткое время в России, в т. ч. Беларуси, возникло немалое количество организаций. Интенсивно шел процесс их укрупнения. При этом, если собственно в России усложнение политической структуры было сопряжено с необходимостью решения социально-экономических проблем, то в Беларуси — со становлением и реализацией национальной идеи. Ее вызревание обеспечивалось потенциалом, почерпнутым у системы-России, а носителем стала возникавшая в 1902 г. на базе кружков, действовавших в Вильно, Минске, Петербурге, Белорусская революционная громада (с 1903 г. — Белорусская социалистическая громада). Нарастала возможность альтернативного выбора пути дальнейшего развития.

Часть политических партий (кадеты, октябристы), к которым присоединились различные политические организации, образовала лагерь, взявший курс на либерально-буржуазное будущее страны. Большевики, меньшевики, Бунд, партия эсеров, объединившая народнические организации и группы, Польская социалистическая партия в Литве, партия Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПил) видели будущее через революционные демократические преобразования. В Беларуси к их числу и относилась Белорусская социалистическая громада. Правительственный лагерь ориентировался на самодержавие, сохранение сословных привилегий дворянства, помещичье землепользование и другие структуры, утратившие жизненную необходимость.

Введение в России конституционной монархии с парламентом, провозглашение свободы слова, печати, собраний, вероисповедания, неприкосновенности личности, отмена ограничительных законов, которые, в частности, распространялись на польских и немногочисленных белорусских помещиков-католиков, появление выборных земств, борьба за строительство социализма, пусть и различными путями, требование еврейской культурно-национальной автономии, социализации земли, самостоятельности Литвы и Беларуси и др., — все это могло означать изменение системы. Поиск путей осуществления этих потенций

также был неоднозначным: революция, диктатура пролетариата, проведение реформ, легализация возможности широкого участия масс в представительных органах власти и др. Таким был образ общества того времени, его стремлений и желаний.

С внешней стороны система—Россия в целом как одна из структур системы—мира стала познавать в начале XX в. такую бифуркационную точку своего развития, как революция. Эта форма выхода, хотя и имела задержку во времени в сравнении с другими структурами—государствами в границах мировой системы, все же подчинялась схеме, когда открытая система обменивалась информацией с окружающей средой, т. е. другими государствами, уже испытавшими революционный вихрь перемен.

Синергетический подход ведет к уравниванию точек зрения по вопросу о взаимоотношении России и такой ее структурой, как Беларусь, позволяет представить их скорее взаимодополняющими, а не противоречащими одна другой.

1. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб., 1999.

2. Гісторыя Беларусі. Вучэб. дапаможнік. У 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў — на люты 1917 г. Мн.: Універсітэцкае, 2000.

3. Калица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. www.sinergetic.ru/science/

Г.П. Волгирева

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ "ПЕРМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ"

Аграрные вопросы начала XX века в Пермской губернии исследовали такие авторы, как П.Н. Першин, В.А. Весновский, П.И. Хитров, Л.П. Вакатова.¹ В настоящее время данная проблематика обретает особую актуальность и требует новых подходов в анализе источникового материала. Наряду с изучением общих статистических материалов, делопроизводственных документов губернских и уездных учреждений, таких как землеустроительные комиссии и земские управы, встают проблемы комплексного сравнительного изучения губернских периодических изданий. Традиционно в отечественной историографии считалось, что в начале XX века шла "организованная пропагандистская компания", в которую активно включались "реакционные журналисты, писатели, экономисты, юристы", в ход были "пущены все политические и экономические рычаги правительства и местных властей".² Исходя из природно-климатической и социально-экономической специфики области, попытаемся, на примере материалов "Пермских губернских ведомостей" рассмотреть проблемы аграрных отношений начала XX века Пермской губернии. Поскольку, периодические издания по своему содержанию отличаются полифонизмом и представляют собой комплексный источник, постольку данная проблема является как чрезвычайно сложной, так и достаточно интересной.

Первый номер "Пермских губернских ведомостей" вышел 8 января 1838 г. С 1 января 1841 г. в газете была открыта неофициальная часть. Наиболее яркий период в истории неофициальной части газеты, как показал исследователь В.А. Кустов, - конец 50-х — начало 60-х годов XIX века. В это время "Пермские губернские ведомости" опубликовали около 600 статей и заметок об истории края, местном хозяйстве, народном образовании и состоянии медицинского обслуживания в губернии. Значительное место среди них заняли сообщения о жизни горнозаводских рабочих и среднеуральских крестьян. В 70-80-е годы XIX века в "Пермских губернских ведомостях" было опубликовано свыше 350 статей и заметок, авторы которых поднимали вопросы изучения народного быта и старины. Авторы сообщений — учителя, врачи, агрономы и мелкие служащие уездных и волостных учреждений — по роду своей деятельности "стояли близко к крестьянской массе".³ Типичными примером может служить деятельность постоянных нештатных корреспондентов газеты И.В. Змиева из Красноуфимска и В.А. Попова из села Сергинского Пермского уезда. В 1894 г. произошла

коренная реформа "Пермских губернских ведомостей". С 5 июля (№ 95) неофициальную часть стали издавать отдельно от официальной. Этот порядок сохранялся вплоть до закрытия издания. Здесь стали появляться редакционные статьи на общественно-политические, экономические и литературные темы. Видное место заняли материалы экономико-статистического характера о сельском хозяйстве и горнозаводской промышленности. С появлением частной прессы, - как пишет советский историк В.А. Кустов, - "Пермские губернские ведомости" стали "терять свою общественную значимость: в них сократилось количество статей на местные темы, их заменили информационные материалы хроники. 10 марта 1917 г. на 55-м номере, "в силу своего характера и несоответствия времени"⁴ газета прекратила свое существование.

Пермская губерния в начале XX века занимала пространство 28 911 080 дес., из них 18 605 540 дес. представляли собой лесной массив. По числу жителей губерния принадлежала к числу наиболее населенных. К 1 января 1915 г. в ней числилось около 3 898 599 чел. обоего пола. Однако, если учесть всю площадь губернии, то плотность населения будет весьма незначительной - 12 жителей на 1 кв. верст, тогда как в Московской губернии приходилось на это пространство 110 человек.⁵ Почва Пермской губернии отличалась значительным разнообразием. Лучшие по качеству почвы находились в Зауральских уездах: Шадринском, Камышловском, Ирбитском и Екатеринбургском; из Предуральских в почвенном отношении лучший Красноуфимский, имеющий до 28% чернозема и 49% высокого качества суглинков. Худшие почвы свойственны были Предуральским уездам: Соликамскому, Пермскому, Чердынскому и отчасти Оханскому и Осинскому. По данным Пермской губернской земской управы, занимающихся земледелием в губернии 70%, горнозаводскою и металлообрабатывающею промышленностью 10,5%, фабричною и кустарною промышленностью - 6,0%, разными другими промыслами и профессиями - 9,5%. Таким образом, 2/3 населения губернии главные средства к своему существованию получали от земледелия.⁶ По подсчетам горного инженера А.Н. Митинского, командированного Министерством торговли и промышленности для исследования причин уральского кризиса, производительность всех горных заводов и приисковых предприятий Урала для 1908 года выразилась в 69 820 000 руб., а главнейшие культуры, возделанные на полях трех Приуральских губерний (Пермская, Вятская и Уфимская) за тот же 1908 год дали население 411 238 700 пудов зерна на сумму 291 миллион рублей, причем стоимость урожая одной Пермской губернии составила почти 109 000 000 рублей. Как видим, доходность сельского хозяйства Приуралья "совершенно заслоняют собой валовую стоимость продуктов горной промышленности". Естественные условия губернии, будучи для некоторых уездов довольно суровыми, не препятствовали сельскохозяйственной деятельности. Здесь создалась прочная сельскохозяйственная культура, которая не только стояла выше среднего для европейской России уровня, но во многих отношениях приближалась к тому, что можно наблюдать лишь в наиболее плодородных губерниях, именуемых обыкновенно житницами России.⁷ Кроме того, некоторые уезды, как, например, Кунгурский, не знали совершенно неурожайных годов, что объяснялось плодородием почвы и тем, что по уезду разбросано много мелких починков, иногда в 2-3 двора, и самобытных хуторов.

Пермская губерния делилась на 12 уездов, из которых семь, Чердынский, Соликамский, Пермский, Оханский, Кунгурский и Красноуфимский, расположены на западной Европейской стороне Урала, а пять, Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский, - на восточной азиатской стороне Урала. Число земских участков на начало XX века по уездам колеблется от 5 до 14, в зависимости от территории уезда и сложности дел. Всего же участков земских начальников в губернии было 106, которые включали в себя 526 волостей и 3679 сельских обществ. Землеустроительные учреждения в губернии начали функционировать в 1907 г., когда (15 мая) было открыто пять землеустроительных комиссий в уездах: Осинском, Красноуфимском, Камышловском, Шадринском и Соликамском. В последующие годы комиссии открывались постепенно, в связи с поступательным движением идеи землеустройства. Так, в 1909 г., была открыта комиссия в Оханском уезде, в начале 1911 г. - в Пермском и Ирбитском уездах, в конце 1911 г. последовало открытие землеустроительных комиссий в остальных уездах губернии: Верхотурском, Екатеринбургском, Кунгурском и Чердынском. Начало действия Губернской

Землеустроительной Комиссии положено 20 августа 1909 г. До того времени функции ее отправлялись Пермским губернским присутствием.

Юридическая природа землевладения крестьянского населения Пермской губернии довольно разнообразна. Среди местных крестьян надел давался или в общинное, или в подворное владение. Такой порядок сложился исторически. В массе селений совершенно отсутствовали переделы земли между домохозяевами: "земля исстари разделена посемейно и доселе остается так".⁸ Мало того, "население расположено именно не только к пожизненному пользованию пахотными участками, но даже как бы наследственному".⁹ Оно не только свободно сдавало свою землю в аренду, но даже бывали случаи и продажи земель "в вечное владение". К тому же из памяти населения совершенно изгладилось самое представление о времени такого "раздела" - оно идет "исстари", как "исстари" каждому домохозяину не возбранялось увеличивать свои запашки путем расчистки свободных лесных пространств там, где такие еще были. "Пахотные земли в Киргишанской волости все расчищены из-под леса... Расчищал каждый домохозяин для себя и в том месте, где он рассчитывал на хорошую почву... Совесть не подымается вычищенные места делить, - говорят крестьяне".¹⁰ С другой стороны, налицо было "общее пользование выгоном, водопоями, рыбными ловлями, каменоломнями", круговая порука, раскладка миром податей и повинностей. В Пермском крае "господствует смешанная форма землепользования".¹¹ Общинное и смешанное землевладение преимущественно было распространено в Камышловском, Шадринском, Ирбитском, Осинском, Соликамском, Красноуфимском и Чердынском уездах, хотя в них встречается и подворное землевладение. В Кунгурском уезде преобладающим являлось подворное землевладение. Из 450 земельных единиц только 9 с общинным землепользованием. В таком же положении отчасти Шадринский, Пермский и Оханский уезд.¹² В Осинском, Оханском, Кунгурском, Чердынском, Верхотурском, Соликамском и др. уездах губернии отмечается наличие издавна образованных самобытных хуторов на наделных землях. Это явление значительно выделяется на фоне крестьянской жизни губернии. Так, село Ашап Осинского уезда, по точно проверенным неперменным членом уездной комиссии сведениям, среди земельного надела имело 301 хуторское хозяйство на площади 4533 дес., т.е. в среднем, на домохозяина приходилось свыше 15 дес.¹³ На этих владениях отмечалось экономическое "преуспеяние". Особенно поражал избыток оборотных средств и количество скота.

Всего к 1 января 1915 г. в Пермской губернии окончательно образовано единоличных хозяйств: 1) на наделных и ненаделных землях 9 689 с площадью 162 642 десятин; 2) на землях Крестьянского Поземельного Банка 1217 хозяйств с площадью в 11 507 десятин.¹⁴ Об общем развитии землеустройства в "Отчетных сведениях Землеустроительных комиссий Пермской губернии к 1 января 1915 года" читаем: "Из общего характера хода землеустроительного дела в губернии можно вывести безошибочное заключение, что дело это, как неопровержимо правильное в своих основах, будет прогрессировать с каждым годом без всякой усиленной пропаганды, единственно потому, что идея современного землеустройства носится в деревенском воздухе, остановила внимание крестьян и завлекла их. Они поняли, что в ней - залог настоящего благополучия крестьянина и его потомства. Разнообразные причины могут движение землеустройства или ускорить или замедлить, но остановить его уже нет сил и возможности. Это уже не во власти людей и учреждений. Решением землеустроительной задачи будет расчищен путь грядущим поколениям для широкого сельскохозяйственного прогресса и подъема сельскохозяйственной культуры. Для деятелей по землеустройству одно только это сознание исторического значения их труда дает силы и энергию для работы, которой нет равной по важности, но также по трудности и ответственности".¹⁵ В 1913 году за улучшенную и доходную организацию хозяйства, т.е. за образцовое ведение хозяйства, 4 хуторянина Пермской губернии были награждены Романовскими премиями в 200 и 300 рублей, причем первые два были награждены 300 руб., а последние два - низшей в 200 руб.¹⁶ Относительно стоимости земли Крестьянский Поземельный Банк для Пермской губернии установил нормы - от 10 до 35 руб. за 1 дес. пашни¹⁷.

В связи с агрономической помощью приходится констатировать отрицательное отношение к делу землеустройства со стороны земства. В первые годы, когда еще только

образовывалась правительственная агрономическая помощь, земству предлагалось принять правительственные кредиты и взять всю организацию в свои руки. Однако губернское земское собрание 42 очередной сессии не нашло возможным оказать содействие землеустроенному населению. Несмотря на это, земские агрономы нередко принимали энергичное участие в обслуживании районов землеустройства соответственно требованиям самой жизни. Вместе с тем, это входило в противоречие с рассуждениями гласных земского собрания. Также, как отмечается в "Отчете...", деятельность земских начальников по землеустройству не была продуктивной, часть дел по землеустройству оказалась недостаточно подготовленной. Именно земские начальники обязаны были проверять на местах в течение двух недель составленные обществами приговоры. Несвоевременная проверка этих приговоров задерживала процессуальное течение дел по землеустройству.¹⁸

Успехам развития сельского хозяйства значительную помощь оказало общество "Русское зерно", основанное в 1909 г. именно в Пермской губернии начальником губернии А.В. Болотовым (1905-1909). В течение пяти лет оно посылало крестьян учиться на практике сельскому хозяйству в Моравию, Данию и Прибалтийский край. На средства общества были осуществлены две крестьянские экскурсии в Лифляндию в 1912 и 1913 годах.

Причинами, задерживавшими успешное развитие единоличного землеустройства, как отмечалось в "Отчетных сведениях", прежде всего были особенности местного землевладения, в частности, горнозаводского населения. "Земли горнозаводского населения по площади очень велики, причем связаны между собой чересполосицей, общностью владений с другими земельными единицами". Из-за больших лесных и заболоченных пространств межевые работы были крайне затруднительными. Не хватало опытных и знающих землеустроительное дело работников, мешало сложившееся "ходячее мнение о землеустройстве, как реформе, выгодной для многоземельных крестьян", проникшее в среду крестьян и вызывавшее в их среде. Вместе с тем, почти во всех уездах губернии наибольшее число хозяйств единоличного владения было образовано на земельных участках в 8, 10, 12, 15, 20 десятин, т.е. равных размерам среднего землевладения.

Материал, касающийся сельского хозяйства, жизни крестьян, земства и новых аграрных преобразований начала XX века, содержится практически в каждом номере "Пермских губернских ведомостей". В среднем он составляет от 16 до 20% всей ежедневной информации. Газета, являясь "общественно-литературной, политической и экономической", достаточно рельефно отражала всю многогранность как общероссийских, так и местных провинциальных проблем, публикуя "аграрные" сюжеты в различных рубриках и жанрах.

Так, в № 56 от 12 марта в рубрике "Телеграммы от С.-Петербургского телеграфного агентства", под заголовком "Сессия сельскохозяйственного Совета", в стенограмме речи Кривошеина подробно сообщается о новых преобразованиях Главного управления Землеустройства, в основу которых положено "содействие, как землеустройству крестьянского населения, так и культурному подъему сельского хозяйства вообще, путем организации правительством в широких размерах агрономической помощи земледельческому населению... широкое привлечение к землеустроительной и сельскохозяйственной деятельности местных сил, соответствующую этому реорганизацию центральных и местных учреждений ведомства, передачу практического осуществления сельскохозяйственных мероприятий местным учреждениям, подвижность личного состава, развитие и надлежащую постановку научно-опытного дела, постоянную живую связь центральных учреждений с местными и последних друг с другом".

Под заголовком "Государственная Дума", в той же рубрике "Телеграммы", печатается стенограмма 75-го заседания Думы 10 марта, на котором обсуждалась смета Департамента земледелия. С критикой выступил Петровский, затем директор департамента Кропотков, который заметил, что "земледельческая культура может подняться не по приказаниям из Петербурга, а только благодаря усилиям местных самоуправлений и сельскохозяйственных обществ". При этом он отметил три принципа, положенные в основу работ департамента: "1) поддержание местной инициативы в сельском хозяйстве во всех его отраслях, в особенности, если она исходит от земства или сельскохозяйственного общества; 2) проведение всех сельскохозяйственных мероприятий посредством сведущих людей в лице специалистов, инструкторов и мастеров; 3) чтобы в центральном ведомстве во главе

заведывания каждой отдельной отрасли сельского хозяйства стоял первый специалист Империи. И далее: "нам часто говорят об убогом положении сельского хозяйства. Во многом это верно, но во многом и неверно. Возьмите, например, маслоделие. Своим созданием маслоделие обязано именно департаменту земледелия. Точно также только благодаря поддержке департамента развилось наше птицеводство. Особенно приятно отметить, что этим делом с увлечением занимаются многие русские женщины, русские хозяйки, и им обязан во многом прогресс этого дела. А прогресс его таков, что экспорт продуктов птицеводства составляет 70 млн., т.е. более вывоза ржи и овса... Много было разговоров о поддержании сельского хозяйства, его важности, но от Думы мы еще лишнего пятачка не видели, наоборот, она все урезывает".

Тем не менее, Дума все равно сообразила кредиты – 25 000 руб. на содержание сельскохозяйственных инструкторов и 40 000 руб. на строительство сельскохозяйственных школ. Относительно развития маслоделия в это время читаем информацию в рубрике "Железнодорожная хроника", напечатанную под заголовком "Перевозка сливочного масла": "Летом нынешнего года предложено к вывозке из Сибири к портам Балтийского моря около 2 850 000 пуд. сливочного масла, для чего потребуются до 200 поездов в составе 24 вагонов-ледников каждый. Половина указанного количества масла будет перевезена по Самаро-Златоустовской ж.д., а другая половина пойдет по Пермской дороге. Главными заготовительными станциями сливочного масла по Сибирской ж.д. являются: Курган, Петропавловск и Омск, местами же назначения порта: Петербург, Ревель, Рига и Либава".

В связи с новым землеустроительным делом газета дает общероссийский информационный материал. Так, в рубрике "Разные известия" сообщается план землеустройства на предстоящее лето по Уфимской губернии: "Работы коснутся размежевания внутринадельных 67 000 десятин, ликвидации 52 000 земель крестьянского банка, 3000 казенных и разбивки хуторами и отрубам, продаваемых владельцами крестьянами – 14 000".

В рубрике "Последняя почта" сообщается о событиях в других губерниях. Под заголовком "Женщины землемеры" находим: "Заведующий Ярославской губернской чертежной обратился в Саратовское бюро землемерных работ с просьбой сообщить ему "о результатах практической деятельности слушательниц политехнических курсов..., исполнивших в 1908 г. работы для надобности бюро... Бюро, как пишут "Саратовские ведомости" дало отзыв, что все лица оказались во всех отношениях вполне полезными помощниками землемеров и к концу полевого периода могли работать совершенно самостоятельно с отдельными партиями рабочих, и что, таким образом, этот опыт применения женского труда в землемерном деле надо считать вполне удавшимся".

Широко освещались в газете проблемы переселенцев. Так, из стенограммы 76-го заседания Думы, опубликованной в рубрике "Телеграммы", следует, что депутатами обсуждалась смета переселенческих управлений. В этом же номере в рубрике "Среди газет" дана перепечатка из "Слова" рассказа очевидца И.В. Жилкина о челябинских впечатлениях: "Бессознательно готовился я встретить на пункте голь, нищету, жалобу, отчаяние выкинутых с родины людей. Впечатление получалось иное. В январе через пункт проходят особые переселенцы. Это, по большей части, уже прочно и хорошо устроившиеся в Сибири и зимой ездившие на прежнюю родину для распродажи имущества. Смотрят они на мир Божий бодро и даже весело. Другой тип зимнего переселенца – ходоки. Они едут на разведки и тоже чаще всего смотрят в будущее довольно бодро. К тому же ходоками выбирают людей бойких и бывалых. Обычно, массового переселенца, которого тучей гонит в Сибирь с плачущими детьми, унылыми женами, мешками, ушатами и всяким скарбом черная нужда, в январе на пункте почти нет. Воронежский мужик с темно-русой бородой широко машет рукой и с одушевлением рассказывает о новой жизни в барнаульском уезде: - Живем-то? Надо бы еще не жить. Как тут хорошо не жить? Земли краю нет. Ужас. Вольная земля. Не обрезана. Где хочешь – паши, где хочешь – сей. Прочно осевшие в Сибири переселенцы считаются старожилами и самый надежный вид переселения – приписаться к таким старожилам. За приемный приговор платят 30-50 руб. Но зато переселенец чувствует себя сразу почти в прежней, родной обстановке. – Вот чему радуемся, - расхваливал между тем вожак переселенцев, - скот выпустишь и спи всю ночь. Гулять ему есть где. И никуда не денется. А поди-ка – на десяти-то саженьях!".

Материал, касающийся Пермской губернии, представлял инициативу местных крестьян и характеристику местного самоуправления, т.е. земства. Так, в рубрике "Хроника", под заголовком "В кредитных товариществах", дается информация в одних случаях о переходе кредитных товариществ на "образцовый устав 1905 г.", в других - "о приступлении к залоговым и посредническим операциям", с указанием нередко от кого, на сколько и на какой срок погашения выдан основной капитал. Ссуды для кредитных товариществ, как правило, в размере 1000 руб., выделял государственный банк и земские кассы мелкого кредита сроком на 13 лет, а повторные ссуды сроком на 6 лет. Перечисляются такие кредитные товарищества, как Ольховское Шадринского уезда, Богородское Пермского уезда, Верх-Язьвинское и Нердвинское Соликамского уезда, Темниковское и Нижне-Исетское Екатеринбургского уезда, Верх-Буевское Осинского уезда и Никитинское Камышловского уезда. К сведению добавим: "Заметно, что в зауральских уездах - Камышловском, Шадринском, Верхотурском, Екатеринбургском, Красноуфимском - учреждения мелкого кредита развиваются сильнее, чем в остальной части губернии. Кредитные товарищества там объединяют более 30 тыс. членов, состоящих в 50 учреждениях этого типа. Ежегодно члены кредитных товариществ получают ссуду на сумму 1,5 млн. руб.". (ПГВ, № 2 от 3 января 1909 г.).

Информационные сообщения о деятельности уездных земств наиболее многочисленны и располагаются в различных рубриках: "Земская хроника", "По Пермскому краю", "Письмо в редакцию", "Земское и городское дело" и др. Нередко основная целевая информация земства бывает завуалирована внешним сюжетом. Так, в рубрике "По Пермскому краю" под заголовком "Нижне-Сергинский завод" (Красноуфимский уезд) сообщается о пожертвованиях иконами по почте в новую церковь: "Все иконы живописные - новенькие, две в киотах со стеклами, а одна на кадере по червонному золоту с чеканкой". Заканчивается информация напоминанием о земских налогах: "Итак, односельчане, не забывайте оставленных без призора стариков своих, жен и детей, помните и о нуждах для церквей, а главное не задерживайте платежа общественных и земских налогов".

Уже на первоначальном этапе изучения информационных материалов "Пермских ведомостей" обращает на себя внимание формирующаяся оппозиция к земству не только крестьян, деятелей землеустройства, но и представителей торгово-промышленной сферы, например, синдиката "Кровля". Земство, используя свои льготы по налогам, ведет торговые операции по продаже кровельного железа по заготовительным ценам, тем самым, способствуя развитию кризиса перепроизводства (ПГВ, № 3 от 4 января). Рубрика "Объявления" представляет разнообразный материал об аренде земли, о торговле, о предложениях и найме работы, рекламу сельскохозяйственных машин и пр. Так, за пять месяцев вперед информируют о публичном торге на ст. Усолье Соликамского уезда "вагона овса по накладной Лебяжье-Усолье весом 750 пуд. с наложенным в 215 руб. платежом. Отправитель Е.Е. Шубин". Наконец, передовая критическая статья в данном номере газеты посвящена экономике "К вопросу удешевления сахара". В ней представлен обстоятельный научный анализ производства, ценообразования и потребления сахара на душу населения в России и за границей, описываются условия снижения цен на сахар.

В целом, даже информация только одного "дня" газеты "Пермские ведомости" показывает разнообразные информационные слои аграрных проблем начала века и открывает возможность системного анализа сельскохозяйственной жизни российской провинции. Газета содержит в достаточной степени достоверную информацию, представляет ее корректно, не перегружая материал элементами пропаганды и агитации.

Включение в сравнительный анализ законодательных, делопроизводственных документов и других периодических изданий, таких как "Пермский землеустроительный вестник" и "Пермская земская неделя" за этот же период, позволит не только уточнить, но и расширить спектр отношений правительства, местного самоуправления и крестьянства по различным направлениям аграрных преобразований начала XX века в Пермской губернии.

1 Першин П.Н. По хуторам Пермской губернии. Пермь, 1912; Он же. Уставное землепользование в России. М., 1922; Он же. Аграрная революция в России. Кн. 1. М., 1966; Весновский В.А. Кооперация на хуторах Пермской губернии. Пермь, 1915; Он же. У хуторян Сосновского района. Пермь, 1915; Хитров П.И.

Период промышленного и финансового капитализма — Пермская область. Пермь, 1959; Вакулова Л.П. Столыпинская аграрная реформа в Пермской губернии (1907-1914). Автореф. дисс. к.и.н. Пермь, 1966.

2 Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т.1. М., 1974. С. 185.

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 05-01-82102 а/У.

3 Кустов В.А. ... С. 71.

4 Там же.

5 Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий Пермской губернии на 1 января 1915 года. Пермь, 1915. С. 7.

6 Отчетные сведения... С. 8.

7 Отчетные сведения... С.9.

8 Красноперов Е.И. Сельскохозяйственные нужды Пермского края. Пермь, 1881. С. 201.

9 Там же.

10 Материалы для статистики Красноуфимского уезда. Пермь, 1891. Т. IV. С. 116.

11 Красноперов Е.И. Указ. соч. С. 203-204.

12 Отчетные сведения... С. 11-12.

13 Отчетные сведения... С. 28.

14 Отчетные сведения... С. 67.

15 Там же.

16 Отчетные сведения... С. 104.

17 Отчетные сведения... С. 110.

18 Отчетные сведения... С. 71.

К.Л.Папулов

БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ НА ПРИМЕРЕ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОЙ СТОЛИЦЕ В ПЕРИОД С АВГУСТА 1904г. ПО ЯНВАРЬ 1906г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕТЕРБУРГСКИХ ГАЗЕТ)

Летом 1904г. Российская империя переживала политический и экономический кризис. К серьезным экономическим проблемам, многочисленным забастовкам и крестьянским волнениям в этом году прибавилась война с Японией, в которой Россия терпела поражение за поражением. С 1902г., когда министром внутренних дел становится Плеве, все проявления народного недовольства подавляются путем репрессий. В июле 1904г. Плеве убит террористом-эсером. Новым министром внутренних дел назначается князь Святополк-Мирский, при котором впервые в эпоху царствования Николая II, представителями высшей администрации делается попытка наладить диалог с общественностью.

Доклад посвящен событиям, происходившим в столице империи с момента назначения министром князя Святополка-Мирского до начала 1906г., когда борьба за политические свободы в России начинает переходить в новую фазу: от прямого вооруженного противостояния к политической и экономической борьбе. Здесь не ставится задача показать и проанализировать все этапы и события социально-политического противостояния в С-Петербурге в указанный период, скорее, предпринята попытка проследить эволюцию борьбы за политические свободы, отразившуюся на страницах городских газет.

Условно события рассматриваемого периода можно разделить на 4 основных этапа.

Первый начинается с назначения министром внутренних дел князя Святополка-Мирского и заканчивается в январе 1905г. Это была так называемая "эпоха доверия", когда некоторые представители власти, в 1-ю очередь министр внутренних дел, стремились сотрудничать с общественностью.

Второй этап начинается после Кровавого воскресенья и включает в себя события вплоть до издания манифеста 17 октября 1905г. В течение этого периода власти, пытаясь жесткими репрессиями подавить народные выступления, вынуждены были постепенно сдавать позиции, делая уступку за уступкой, закончившиеся публикацией манифеста.

Последующие вплоть до середины декабря события можно выделить в особый этап, на протяжении которого шла ожесточенная борьба сторонников углубления и расширения

реформ с консервативно-охранительными кругами, куда входил и Николай II, желавшими затормозить преобразования и ограничиться обещаниями и минимальными реформами.

Следующий этап, начавшийся после подавления Московского вооруженного восстания, знаменует собой переход к ещё более реакционной политике властей. Хронологически можно было бы продолжить события этого периода вплоть до созыва Государственной Думы, но уже к январю 1906г. состоится вполне ясная победа консервативно-охранительного курса, что и отмечали многие петербургские газеты.

25 августа 1904г. Николай II принимает князя Святополка-Мирского по случаю назначения того министром. И князь произносит слова, неожиданные для главы МВД: "Положение вещей так обострилось, что можно считать правительство во вражде с Россией, необходимо примирение, а то скоро будет такое положение, что Россия разделится на поднадзорных и надзирающих...". Так начинается кратковременный этап, который позже назвали "эпохой доверия". Уже в сентябре принимая высших чинов министерства, Святополк-Мирский произносит речь, в которой были такие слова: "...плодотворность правительственного труда основана на искренно благожелательном и искренно доверчивом отношении, к общественным и словесным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы можно получить взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устройства государства". При Святополке-Мирском происходит некоторая либерализация в действиях МВД. Из ссылки возвращены земцы, ослаблены репрессии против демократической печати. По инициативе министра был разработан указ, изданный 12 декабря, в котором прозвучало обещание смягчить цензуру, провести незначительные реформы. В проекте указа был пункт о привлечении выборных от земств для участия в Госсовете, но Николай II вычеркнул его, не желая допускать даже столь незначительной уступки, затрагивающей вопросы управления страной. Надо отметить, что император не слишком одобрительно относился к заигрываниям Святополка-Мирского с общественностью и печатью. Так, 22 ноября принимая министра, Николай II сказал ему, что тот "распустил печать", и Святополк-Мирский был вынужден оправдываться. Но какое-то время князю удавалось проводить свою линию. После издания указа от 12 декабря нужды печати обсуждались в самых высоких инстанциях. В конце января 1905г., уже после снятия Святополка-Мирского, газета "Петербургский листок" так писала о заседании Комитета министров, на которых была признана "несостоятельность цензурных стеснений": "Жалкое, придавленное печатное слово заговорило о себе, запросилось на волю, захотело выйти из сорокалетнего постыдного рабства".

Но эпоха доверия, олицетворяемая либеральным министром внутренних дел, закончилась после кровавых событий 9 января 1905г. Петербургские газеты не имели возможности описать случившееся. Подавляющее большинство из них вышло спустя несколько дней после трагедии и было стеснено цензурными ограничениями. В номерах, вышедших после недельного перерыва, можно было встретить такие объявления: "О событиях 9-го января и последующих дней мы имеем возможность печатать только правительственные сообщения и официальные сведения". Зато свободно можно было печатать сообщения, оправдывающие расправу 24 января "Петербургский листок" поместил заметку "Молебн на Путиловском заводе", где цитировалась речь митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония: "Мы доверились вожакам лживым и лицемерным и отдались водительству их, как бы новых каких Моисеев, в безумных мечтах обрести землю обетованную молоком и медом текущую. За то и предал нас господь... и допустил совершиться тяжкому несчастью".

Сразу после Кровавого воскресенья царская администрация пытается укрепить властную вертикаль. Отправлен в отставку Святополк-Мирский, на место которого назначается Булыгин, и именно от него Николай ждал более жесткого контроля над обществом. Характерна реакция петербургских газет на отставку министра. "Русская печать в лице покинувшего пост министра внутренних дел князя Святополка-Мирского потеряла одного из просвещенных сотрудников, - писала одна из них. - Князь не боялся печатного слова. Оно служило для него надежным оплотом порядка и законности. Вне гласности, вне печати, бывший министр не мог действовать. Его недолгие месяцы на посту министра - эпоха первого русского свободного слова".

Совсем другое отношение к свободному печатному слову было у Д.Ф. Трепова, назна-

ченного на учрежденную 11 января должность Санкт-Петербургского генерал-губернатора. 18 января Трепов пишет министру внутренних дел Булыгину: "...на фабриках и заводах С-Петербурга среди рабочих вновь началось движение в пользу стачек и забастовок, а в столичных газетах продолжают появляться статьи, имеющие характер зажигательный и полемический по рабочему вопросу, я вынужден обратиться с просьбой о немедленном издании циркуляра гг. редакторам периодических изданий — не помещать впредь подобных статей и заметок". 27 февраля следует аналогичная просьба об издании циркуляра "безусловно запрещающего печатать сведения и рассуждения о всякого рода забастовках, а также о беспорядках среди крестьян и об убийствах и покушениях на убийства чинов полиции". Требуемые циркуляры издавались, но редактора не всегда их исполняли в полной мере. Писали и о стачках, и о необходимости свободы слова... Наиболее смелым газетам выносились предостережения, они закрывались на определенные сроки. Но постепенно петербургский генерал-губернатор обретал уверенность. 27 марта в беседе с корреспондентом "Local Anzeiger" Трепов говорил: "Я водворил порядок и могу смело утверждать, что события 9 января более не могут повториться, они могли возникнуть лишь вследствие безграничной снисходительности бывшего министра внутренних дел князя Святополка-Мирского. Должна быть твердая программа; с анархистами и революционерами можно справиться только мерами строгости. Эти элементы не имеют ничего общего с русской народной жизнью...". Однако не все в высшей администрации имели столь жесткие взгляды. В подписанном Николаем II 18 февраля рескрипте, подготовленном министром внутренних дел Булыгиным, говорилось о намерениях привлечь представителей общественности к участию в обсуждении предполагаемых законодательных актов. Правда, при этом оговаривалась неизбежность основных законов империи.

В течение весны-лета в столице особой активности общественности и пролетариата не наблюдалось. Основные события разворачивались в других районах страны.

Но 6 августа ситуация меняется. Император подписывает указ об учреждении Государственной Думы. Согласно проекту, разработанному Булыгиным, Дума должна была стать совещательным органом без права законодательной инициативы. Выборы в неё были предусмотрены неравноправные для различных сословий, а рабочие вообще были лишены избирательных прав. Естественно, такой проект вызвал возмущение практически всей оппозиции. Вместо того, чтобы успокоить общество, попопчинатый характер указа лишь разжег страсти. В сентябре начинаются стачки, вскоре переросшие во Всероссийскую. В обеих столицах и ряде других городов не выходили газеты, встал транспорт, отключено электроснабжение. В Петербурге проходили многочисленные митинги и демонстрации, в ходе которых особую активность проявляли студенты, собиравшиеся на сходы в университете, Горном институте, консерватории, институте путей сообщения, Лесном институте и даже в Петербургской духовной академии.

"Петербургский листок" писал 13 октября: "Под влиянием внешних и внутренних причин страна превращается в вулкан, готовый выбросить клокочущий в недрах его огонь и уничтожить всё, что встретится на пути. Теперь уже никто не отважится сказать, что переживаемый кризис — выдумка и с ним можно справиться чисто административными мерами. Ещё меньше помогут крутые меры... Единственное средство — вывести Россию из состояния анархии... добровольно и открыто пойти навстречу времени и дать обществу реформы, обеспечивающие ему спокойствие и плодотворную работу..."

"Петербургскому листку" вторит консервативное "Новое Время", чьим читателем, как известно, являлся и Николай II: "Что-то кошмарное творится на Руси. История начинает принимать декадентский стиль. И линии и краски её мешаются в хаос. На протяжении одного года мы пережили неслыханный внешний разгром..., постыдный мир с потерей огромных территорий и затем внутри страны видим полное разложение, паралич власти и борьбу всех против всех... Вопрос — что же делать? В стране варварской, политически-одичавшей, первое средство, которое приходит в голову, это, конечно, насилие. "Перехватывать, перестрелять, перевешать!"... Я, боюсь, что при нашей политической неразвитости... схватятся именно за это средство. Перевешайте на зубцах Московского кремля несколько тысяч бунтовщиков, как некогда сделал Петр и народное брожение, вероятно, утихнет. Но неужели мы никогда не выйдем из проклятия глухого варварства, из методов

самоистребления? Неужели, в самом деле нет иных, более разумных, более человеческих способов борьбы с бунтом?... Все прекрасно видят, что составляет скрытую силу народного возмущения... Нужно очень серьезное и быстрое улучшение быта рабочих и главное — нужно немедленное удовлетворение общего недовольства страны. Утолите общую пламенную жажду нового, свободного, человеческого порядка — дайте не обещание, а то, что уже обещано, и страна стихнет..."

А на следующий день — 14 октября — в газетах публикуется печально знаменитое извещение генерал-губернатора Трепова, предостерегавшего население столицы от участия в беспорядках. В документе говорилось, что "Войскам и полиции дано указание всякие попытки к устройству беспорядков подавлять немедленно, а при оказании сопротивления — холостых залпов не давать и патронов не жалеть". Далее события развивались стремительно. В записной книжке хроникера газеты "Новая жизнь" они выглядели так:

"14 окт. — Петербург разделяется на 4 военных округа с 4 генералами во главе. Каждый генерал имеет широкие полномочия насчет стрельбы... — на улицах патрули. — Митинги... — телефонное сообщение в городе прекращается..."

15 окт.... — Бастуют. — ...организуются санитарные отряды. — Численность патрулей увеличивается....

16 окт.— Служащие Госбанка бастуют. — Весь город в войсках. — Технологический институт осаждается по всем правилам военного искусства... — Войскам исполняющим патрульную службу увеличивается содержание....

17 окт. — Забастовка растет. — Улицы переполнены войсками. — Все учебные заведения осаждаются войсками.— Вечером объявлен манифест. — Приказ "патронов не жалеть" начинает действовать. — Осажденный Технологический институт подвергается обстрелу... — Манифест расклеивается на улицах....

18 окт.— Народ огромными толпами и с красными флагами приветствует свободу. — Войска ускакивают публику шашками и пулями. Граф Витте принимает депутации. — Приказ "патронов не жалеть" действует crescendo. — Чернотенцы и хулиганы избивают свободных граждан. — У Технологического института стрельба усиливается.... — Конногвардейцы работают шашками... — Корнет Фролов наносит 3 раны профессору Тарле....

19 окт.— Манифест о свободах заклеивается Треповским приказом, подтверждающим готовность расстреливать.... — Все высшие учебные заведения закрываются; у входов стража. — На Выборгской стороне резня; убитых и раненых около 200 человек. — Приказ "патронов не жалеть" действует вавсю...

20 окт.— Треповский "манифест" заклеивается правительственными сообщениями, возвещающими, что пока действуют старые законы. — Черная сотня "работает", поощряемая полицией. — Приказ "патронов не жалеть" действует....

21 окт.— Весь город в войсках. — Резня утихает... — Черная сотня работает... — Прием депутатий у графа Витте продолжается....

22 окт. — Обнародована амнистия. — Манифестанты с белыми флагами получают Царскую благодарность за патристические чувства. — Рабочий Совет назначает торжественные похороны погибших на улицах. — Трепов напоминает о патронах. — Граф Витте ищет министров... — Рабочий Совет отменяет похороны..."

Как известно, в Манифесте объявлялось, в частности, о даровании гражданских свобод, в т.ч. — неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний... Свобода слова была продекларирована, но оставалась цензура, а назначенный Председателем Совета Министров граф Витте объяснил представителям газет, что полная её отмена пока невозможна. Тогда 19 октября Петербургский Совет рабочих депутатов постановил, что выходить будут только те газеты, чьи редакторы игнорируют цензуру. И 22 октября впервые в Российской истории столичные газеты вышли без цензуры.

Помимо стихийных выступлений и демонстраций, в столице продолжалась организованная борьба рабочих за свои права. Петербургский совет Рабочих депутатов пытался организовать новую всеобщую стачку, явочным порядком ввести на предприятиях 8-часовой рабочий день. Власти, сознавая огромную для себя опасность сплочения пролетариата столицы, развернули наступление на его организационное ядро. Был арестован

председатель Исполкома совета Хрусталев-Носарь, а затем и все 267 членов Совета. После этого центр революционной активности перемещается в Москву, где и произошли кульминационные события революции 1905-07гг.

В разгар московских событий петербургская "Молва" так описывала ситуацию в стране: "Мы испытали всё. Провозглашение и отмену всех основных свобод.... Обещание твердых конституционных законов и ряд временных правил превзошедших в крючкотворстве, мстительности и явном несправедливости всё, что изобреталось... даже до 17 октября. Политическую амнистию и ожесточенное переполнение тюрем всеми, в ком только можно заподозрить избранников доверием народным почтенных..." А вот "Новое Время" винило в кровавых событиях прежде всего революционеров: "Правительство... согласилось ради человечности и справедливости поступиться своими унаследованными формальными правами... и вооружило общество могучим оружием свободы — писала газета, — Но кроме общества... оставалась ещё и революция, которая доказала своё варварство, своё отсутствие государственного смысла именно тем, что на справедливый и человеческий договор она не пошла, а пожелала остаться воюющей стороной..."

9 января 1906г., ровно через год после Кровавого воскресенья, "Молва" подвела неутешительный итог: "Прошел год.... семя горькой смертельной обиды... дало обильные ростки... На политикой кровью невинных жертв почве широко распространилась идея о бесплодности надежды на мирное разрушение тяжелых оков, лежащих на русском народе, и вера в Царя делами слуг его была заменена среди рабочих масс верой лишь в торжество силы и насилия. Так делами правящих подготовлялась и воспитывалась революция на русской почве". Подобные мнения высказывались многими петербургскими газетами. Такого же мнения придерживалась значительная часть общества.

В.В. Быков, М. Б. Конашев

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБНОВЛЕНИЯ МАРКСИЗМА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Об окончательной и необратимой, иначе говоря, абсолютной, смерти коммунизма, а тем самым и марксизма как теории и методологии коммунизма, было громко и радостно заявлено в нашей стране и за рубежом уже более десяти лет назад. Правда, о несомненном «покойнике» потом почему-то приходилось периодически вспоминать и зачем-то его, вроде бы, безусловно, мертвого, добывать и хоронить вновь и вновь. При этом, однако, речь шла скорее о политическом и социальном движении, а не о движении теоретическом. Последнее как будто тоже существовало, но и в России, и в мире в целом, так сказать, на обочине теоретической мысли, как некое маргинальное ее проявление. По этой или по какой-либо другой причине многие посчитали вопрос «закрытым» раз и навсегда. И, похоже, ошиблись.

Выражаясь образно, можно сказать, что *сама история* вновь поставила вопрос о марксизме в «повестку дня». А поскольку история это та дама, которая, в свою очередь, несомненно, любит парадоксы и иронию, то сделала она это не без иронии и даже самым парадоксальным образом. На весь мир объявленная и удостоверенная соответствующими экспертами «кончина» марксизма вдруг оказалась его новым рождением, хотя и прошедшим по вполне понятным причинам почти незаметно, во всяком случае, для широкой публики. Дело в том, что десятилетие «бесславных реформ», инициаторы и радетели которых обещали России (и другим бывшим «социалистическим» странам) возрождение, прорыв в царство демократии, свободы и благосостояния, прыжок (чуть ли не в два-три года) в светлое общечивилизационное будущее, закончилось полным фиаско, подтвердившим правоту и действенность марксизма. Более того, в то время как так называемые либеральные теоретики, точнее, теоретики капиталистической реставрации, несмотря на все их многочисленные и усиленно рекламировавшиеся потуги, не смогли сказать ничего сколько-нибудь внятного по поводу собственного провала, марксизм, в лице всего лишь

нескольких авторов, дал адекватное объяснение происшедшему, подтвержденное и подтверждаемое каждодневно фактами, доказав, что иначе быть не могло и не может, и все разговоры о возрождении и процветании прикрывают реальность совсем другого, весьма печального порядка. Вот почему только на этом основании с полным правом можно сказать: марксизм жив. Впереди же брезжит далеко не многообещающий, хотя давно и не раз обещанный радателями "общесовременного пути" и "гражданского общества" рассвет и череда нескончаемых безоблачных деньков. Грозные очертания совсем небезоблачного, но действительно близкого, будущего уже проступают сквозь псевдоглянец нынешнего псевдоблагополучия и славословий по поводу воистину пировых побед недавнего прошлого. Подступают и совсем нежелательные напоминания. Вот уже и столетие революции 1905 г, а там не за горами и столетие первой мировой войны и, о ужас!, Великого Октября 1917 г. Кое у кого от приближения этой даты уже сейчас как-то нехорошо екает где-то там, где, по анатомическим сведениям, должно располагаться сердце.

В тоже время остались вопросы, поставленные не только самой «кончиной» марксизма в 1990-е годы, но и огромным, многочисленным и многообразным горьким опытом предшествующих лет и десятилетий, всего XX-го, а теперь и XIX века. Еще во времена «перестройки» ряд осмелевших официальных и неофициальных (профессиональных и нет) авторов, заговорил достаточно внятно и убедительно о том, что нужен, и нужен как воздух, обновленный марксизм, марксизм способный ответить на «вызовы» дня сегодняшнего и дня будущего. Обновленный, возрождающийся марксизм стоит перед проблемой всего прошлого развития человечества, включая и свое собственное прошлое. Это означает, что перед ним стоит задача критического освоения, осмысления и теоретического разрешения этой проблемы, которая как гиря на ногах, не дает ему ныне шагнуть в будущее. По сути, перед ним стоит задача критического теоретического разрешения того противоречия или совокупности противоречий, которые, как и во всяком процессе, содержались и в нем самом. Как тех, что имелись с самого момента его возникновения, так и тех, что возникли по ходу и в результате его развития, в первую очередь явившихся отражением или выражением противоречий, возникших в результате развития человечества.

Было бы несерьезно пытаться набросать хотя бы в общих чертах, в тезисах, все эти противоречия в одной работе, тем более, ограниченного объема. Поэтому остановимся на нескольких противоречиях, связанных с идеей (и проблемой) революции как она понималась и может пониматься теперь марксизмом, используя в качестве примера или предмета революцию 1905 г. в России, в том числе, в свете современной ситуации в России и в мире. Внешне эти противоречия проявляются, выступают и могут быть сформулированы как проблемы марксизма как теории, а их разрешение — как задачи обновления марксизма.

Проблема не критичности марксизма (проблема самокритики). Один из аргументов, выдвигавшихся против марксизма, состоял в справедливом указании на определенную не критичность марксистов по отношению к самим себе и своей теории. Эта не критичность, в частности, состояла в том, что марксисты не приняли во внимание то объективное обстоятельство, что действительное изменение их собственного положения, в том числе разный *интерес* разных марксистов в разных обществах и в разных социально-политических условиях и ситуациях в одном и том же обществе по-разному влияет на их теорию. Они не смогли также критически (именно с марксистской точки зрения) отнестись к своей собственной теории как ко всем другим, исследовать ее так же критически, как и все остальные, в том числе враждебные.

Проблема научности марксизма. Чем гордились марксисты в начале XX века, по крайней мере, в России, и, отчасти, не без основания? Прежде всего, тем, что марксизм есть не просто политическая или философская доктрина, но подлинно *научная* теория. В этом, в первую очередь, они видели силу и теоретического и практического движения марксизма. Надо ли напоминать почти заезженное от цитирования: «учение Маркса всемерно, потому что оно верно»? Иначе говоря, марксизм — первое в истории социально-политическое движение, в основе деятельности которого — не стихия, не рассудок («здравый смысл») и не один лишь критически не изученный интерес, а наука, прежде всего, — наука, хотя и связанная с интересом и вырастающая из него. По крайней мере, такова была заявка. В интересе как таковом, кстати, нет ничего плохого: и советские официальные, и буржуазные теоретики

справедливо указывали, что без интереса (заказов *практики*) не было бы никогда никакой серьезной науки, включая естествознание.

Именно поэтому антикоммунизм, будь то антикоммунизм западный или наш отечественный, доморощенный, в особенности времен перестройки и постперестроечный, в первую очередь, стремился свалить марксизм именно с этого, научного его пьедестала, всегда и неустанно утверждая, что теория марксизма - это не теория, а утопия, сказка, зловредный миф. Поэтому антикоммунисты особенно старательно упирали на то, что марксизм не смог правильно предсказать будущее, что все прогностические выводы марксизма лишь несбывшиеся пророчества.

Другими словами проблема научности марксизма, в том числе и для самого марксизма, состояла и состоит в том, действительно ли теория марксизма объясняла и объясняет реальность, происходящее, и, если все же объясняла и объясняет, то — что именно, как именно и насколько. В том числе и феномен революции. Иначе говоря, способна ли теория марксизма объяснить то историческое развитие, ту социально-политическую, экономическую и культурную эволюцию, через которую прошло человечество с момента формирования марксизма по сегодняшний день, включая феномен СССР и других, примыкавших к нему стран? Способна ли теория марксизма, в процессе осмысления и объяснения бытия XX века и других столетий, подняться до саморефлексии? Т. е., осмыслить самое себя, марксизм, как часть этого бытия, этой эмпирии и, в частности, как социально-политическое движение в России во всем его спектре - от раскола РСДРП на (б) и (м) до троцкистов и современных крайних левых радикалов? При этом осмыслить тот объективный раскол в самом бытии, лежавший и лежащий в основе раскола марксизма. То есть, способна ли теория марксизма объяснить рефлексию по поводу рефлексии — свою собственную эволюцию, историю теории марксизма во всех ее плюсах и минусах, достижениях и просчетах?

Если марксизм все еще является теорией, от него объективно требуется ответить на следующие три вопроса:

а) есть ли в современном бытии основа для марксизма или ее нет? Иначе говоря, какова главная проблема бытия как итога исторического развития в XX в.? Этот вопрос может быть выражен в виде ряда частных вопросов, например: является ли частная собственность оковами для развития производительных сил, приведет ли образование всемирного рынка к всемирному катаклизму и/или всемирной революции?

б) каково теперь соотношение эмпирии и теории, в т.ч. *практики* марксизма и *теории* марксизма? Например, справедливо ли и теперь известное выражение «и идеи становятся материальной силой, если они овладевают массами»?

в) чья теперь теория марксизма - рабочего класса (как бы его ни понимали), его "представителей", некой новой социальной силы XIX в., всего человечества? В частности, может ли теперь теория марксизма оставаться только теорией «класса», идеологической теорией, или она - теория всех, *всего лишь* научная теория социально-экономическо-политической (политэкономической) деятельности или/и одновременно, «всеобщая идеология»?

Фактически все эти вопросы являются напрямую вопросами о революции. Ибо все они, в конце концов, сводятся к вопросу о том, является ли (объективно) марксизм все еще *революцией*? Революцией в теории, то есть теорией революции и революционной теорией, и революцией на практике, то есть руководством к действию, и руководством к действию революционному? Ответ на этот вопрос о революции, как и раньше, зависит во многом от того, сможет ли марксизм вобрать в себя и критически переработать знание "всех тех богатств, которые выработало человечество" на сегодняшний день. Критическое переосмысление этих богатств марксизмом предполагает, повторимся, и переосмысление своей собственной теории и методологии. Что это означает?

Во-первых, марксизм должен посмотреть на себя *исторически*, то есть с точки зрения того, по каким причинам и в каких исторических условиях он возник, как и при каких условиях развивался, как эти причины и условия повлияли на его развитие, а его развитие, в свою очередь, на условия и причины его развития. В частности, идеологии и теорий какого класса (классов, социальных групп) он в *действительности* был и почему, а каких и почему не был. Как менялось исторически его теоретическое и практическое содержание, его

структура и методология, его основной вопрос?

Во-вторых, марксизм должен посмотреть на себя *логически*, то есть с точки зрения того, каким образом связаны в теории марксизма ее априорные и апостериорные предпосылки и основы, как сам предмет теории и метод определяют ее содержание. Какова была и могла быть не историческая канва, а сама *логика* развития теории, внутреннего ядра, *сущности* марксизма, и какова (неизменна или нет) сама эта сущность. Наконец, каково было изначально *соотношение* исторического и логического в марксизме и его изменение в ходе истории.

В-третьих, марксизм должен посмотреть на себя *диалектически*, то есть, с точки зрения того развития, движущей силой которого является *противоречие*, закон единства и борьбы противоположностей. Требуется определить, в чем изначально было сущностное противоречие марксизма, движущая теоретическая, идейная его сила. Какие внутренние противоположности он в себе содержал, и как они развивались по мере логического и исторического развития внутреннего противоречия марксизма? Наконец, каков может и должен быть «итог» этого развития, то есть, в чем должно состоять *снятие* этих противоположностей, каким должен быть «новый синтез» в марксизме как теории?

Только разрешив эту триединую задачу, только подвергнув марксизм как предмет исследования марксизму как самому этому критическому исследованию, пропустив марксизм через творческую лабораторию его собственной диалектической мысли, можно будет говорить о подлинном, настоящем обновлении, «ренессансе» марксизма. И только в таком качестве, после такого обновления, такого *катарсиса* он снова сможет стать не историческим курьезом, не замшелой догмой, а подлинной теорией, действительным революционным руководством к действию.

Революция как объективное явления развития человечества, его социальной и культурной эволюции и марксистского осмысления этого явления есть неотъемлемая и неизбежная часть такого обновления марксизма через марксизм.

Имея в виду целый сонм «прозревших», «независимых» и прочих новоиспекшихся (по меркам исторического времени) «критиков» марксизма, часто повторяющих «зады» и ошибки его стародавних «критиков», вынуждены напомнить, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин с Троцкий не изобрели революцию. Она произошла не один раз задолго до начала их теоретической деятельности и даже задолго до их появления на свет. Опять же не ими было показано, что революция есть крайняя точка, апогей борьбы классов. Классики марксизма лишь показали, что революция есть крайнее проявление снятия того внутреннего — *сущностного* — противоречия, такого, от которого нигде не убежать, и которое нельзя обойти ни при каких уловках, которое присуще не обществу вообще, не любой его стадии, формации, а той или иной *исторически конкретной*, включая несколько стадий в развитии капитализма. Революции эпохи капитализма, в свою очередь, связаны с капиталистическим способом производства, им обусловлены и им порождены. Иначе говоря, капитализм не может разрешить собственное противоречие как-то по-другому, а лишь через революцию, означающую точку перехода в снятии этого противоречия и, соответственно, в трансформации капитализма, в том числе, в конечном итоге, в социализм и коммунизм.

Из того факта, что такой трансформации капитализма в коммунизм так и не произошло, делается простой и однозначный вывод о полной теоретической несостоятельности марксизма. Даются и разные объяснения тому, что случилось в действительности, два из которых как будто говорят в пользу «обществовизационного пути» или концепции модернизации. Первое: капитализм благополучно прошел точку революции без революции. Точнее, революции были, но все неудачные. Ведь даже удачные, как в России, в итоге тоже закончились неудачей — реставрацией капитализма (в России в 1991 г.). Второе: революции фактически не было. То есть она как будто была, но ни по содержанию, ни по итогам не оказалась социалистической. В обоих случаях ставится под сомнение сама концепция революции как необходимого и неизбежного разрешения внутреннего противоречия капитализма. В пользу такого сомнения говорит и то, что все *свершившиеся* революции, как их не называть, произошли в странах, стоявших скорее на пороге капитализма, чем социализма. И поскольку они, в конце концов, почти все завершились установлением капитализма (даже в Китае), то фактически это были так же *капиталистические* революции или рево-

люции модернизации.

Дело, однако, в том, что все эти революции не только происходили на границе, так сказать на разломе между капитализмом и не-капитализмом общего мирового социально-экономического поля. Они изменили капитализм. Следовательно, и содержание, и силы, и цели революции, и сам ее характер будет уже другой. Поэтому надо заново просмотреть всю цепочку логики классического марксизма с точки зрения изменений в самом капитализме, не-капитализме и в мире в целом. Надо заново осмыслить и логику изменений в человеке и в обществе, вызванную логикой изменений в технологии и последствиях для человека и общества. Если традиционный рабочий класс и капиталисты и в самом деле исчезают, то кто пришел им на смену, в чем их интерес, каково их соотношение и что это означает в смысле возможной (необходимой и неизбежной?) грядущей революции? Не обернется ли дальнейшая модернизация капитализма его фактическим и для очень многих неожиданным резким качественным изменением, то есть все той же, но уже новой революцией?

От того, какие ответы на эти вопросы даст история, то есть, совокупная деятельность людей, зависит будущая судьба как России, так и всего мира.

О.К. Цапиева

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ ИТОГОВ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Экономические реформы в России, судьбы ее экономики привлекали и еще долго будут привлекать, внимание широкого круга исследователей исторического пути России.

В современной российской экономической литературе представителями либеральных идей часто высказывается мысль об историческом провале, "черной дыре" в развитии России, т.е., о том, что страна потеряла семьдесят лет в результате коммунистического эксперимента (наиболее часто об этом говорит А.Илларионов), а теперь вступила на правильный путь свободной рыночной экономики, и надо только усиливать либеральные инструменты, чтобы добиться экономического роста. Из подобных утверждений можно сделать вывод, что, если бы не было Октябрьской революции, Россия, пройдя путь либеральной модернизации, давно достигла бы западного уровня жизни.

Действительно, на рубеже XX-XXI вв. Россия столкнулась с проблемами необходимости модернизации (перехода к современному обществу), которые стояли перед ней на рубеже XIX-XX вв. Тогда проблема формирования индустриального общества в России была решена на основе незападной коммунистической модернизации в процессе "догоняющей индустриализации". Могла ли она быть решена иначе? Ответ на этот вопрос лежит в сфере предположений, а рассуждать о том, что не осуществилось - неплюдотворно. Произошло то, что произошло.

Вместе с тем, мы привержены мысли о том, что историческая судьба страны не может быть следствием действия случайных обстоятельств. Они должны закономерно внутренне существовать и ждать повода для проявления действием. Нелишне напомнить, что большинство граждан современной России, в силу малой исторической образованности, не знают, что демократическая буржуазия находилась у власти в России с февраля по октябрь 1917 года, но проявила такое неумение организовать хоть сколько-нибудь приемлемый для населения порядок в политике, экономике, военном деле, что через восемь месяцев, практически без кровопролития и сопротивления, к власти пришли большевики.

Поскольку, в настоящее время в России также решаются вопросы модернизации, можно попытаться оценить последствия капиталистического пути экономического развития с точки зрения уже осуществленных реально шагов, провести анализ последствий уже проводимых более десятилетия либеральных реформ и, вместе с тем, по аналогии, поразмышлять о

неизбежности или случайности перехода России начала XX века к коммунистическому варианту модернизации.

Теоретический и практический интерес к рассматриваемым проблемам определяется также тем, что знакомство с анализом хода российской экономической реформы в определенной мере может служить иллюстрацией теоретических представлений современной экономической науки о возможностях трансформации страны с традиционным обществом.

Поскольку реально используемой в современной России идеологией является либерализм, мы анализировали практику осуществления наиболее фундаментальных идей либерализма. Рассматривая либеральную трактовку целей, содержания реформ и процессов экономической трансформации в России, следует обратить внимание на следующие аргументы:

1. Сторонники неоклассической теории рассматривают рынок как главный (если не единственный) способ координации различных форм деятельности, выступая за минимизацию участия государства в экономике и за скорейшее и полное разрушение социалистических форм организации.

2. Неоклассики считают главной целью экономической политики сокращение денежной массы и дефицита госбюджета. Стратегия перехода к рыночной экономике, по их мнению, должна быть направлена, прежде всего, на стабилизацию денежной системы и внедрение рыночных инноваций, поскольку рынок априори играет конструктивную роль.

3. Сторонники неоклассической теории полагают, что процесс реформ может считаться завершенным только тогда, когда структура экономики реформируемых стран будет подобна структуре наиболее развитых стран Запада. В начале реформ они считали, что на это потребуется не более десяти лет, а успех будет зависеть от того, насколько последовательно реформаторы будут следовать советам западных экономистов.

Таким образом, согласно весьма распространенной либеральной точке зрения, сущность реформы экономики России сводится к преобразованию централизованной плановой экономики в рыночную с помощью триады: либерализация, макроэкономическая стабилизация, приватизация. Именно эта программа, предложенная западными экономистами и международными кредитными организациями ("Вашингтонский консенсус"), явившаяся, по определению самих американских специалистов, крайней формой неолиберализма, была взята на вооружение правительством Е.Гайдара в начале рыночных реформ в России.

По его схеме элементами трансформации в рыночную экономику являются либерализация цен, ведущая к установлению свободного определения цен спросом и предложением, жесткие бюджетные ограничения с целью установления финансовой ответственности предприятий, приватизация, необходимая для принятия экономических решений частными хозяйствующими субъектами. Таким образом, суть реформы фактически сводилась к инструментальным целям стимулирования экономического роста, выработанным международными финансовыми организациями для стран с развивающимися рынками.

"Шоковая терапия" стала своеобразным "моментом истины" в позициях либеральных экономистов. В качестве основных аргументов для этого использовалась мысль о нестабильности политического режима и необходимости быстрых преобразований. Либералы указывали на опасность рыночным реформам в России со стороны "рентоориентированного" поведения населения.

Для ликвидации угрозы гиперинфляции предлагались меры монетаристского характера, направленные, прежде всего, на сокращение бюджетных расходов и ведущих к ослаблению системы государственного регулирования и контроля.

Приватизация (имеется в виду ее первый этап) должна была создать основу для формирования нового среднего класса и класса предпринимателей, а также для реальной структурной перестройки многих предприятий. В первоначальном плане реформ присутствовал ряд важных элементов, в том числе правовая реформа, которая не была реализована.

Однако с самого начала провозглашения реформ стало видно, что пропагандируемые идеи о главных факторах успешности реформ — "быстрота и последовательность в осуществлении" — основываются не только на экономических, но, прежде всего, на политических соображениях. Одно направление, одна мысль всячески внедрялась в сознание российских граждан — демонтируйте инструменты коммунистического контроля и регулирования, приватизируйте предприятия, стабилизируйте финансы, уберите с дороги правительство и

наблюдайте, как рыночная экономика вырастет из пепла.

В данном случае встает важнейший теоретический вопрос, затрагивающий стратегию трансформации - о темпах и способах реформ. Коренная проблема состоит в том, можно ли построить волевым путем сверху альтернативную экономическую систему или переход совершается путем общественной самоорганизации на основе исторически сложившихся социально-экономических реалий, с учетом институциональной и социальной инфраструктуры.

Рассматривая способы, которыми пользовались либералы, также нельзя не обратить внимание на то, что разрушение созданной большевиками экономической системы осуществлялось большевистскими же методами. Сторонники безудержной либерализации и тотальной приватизации оказались хоть и антиподами, но очень напоминающими по своим методам сторонников в высшей степени централизованного планирования и тотального огосударствления. Сходство с большевистскими методами заключалось также в подчинении реформы собственности политическим идеям, в страхе перед постепенными переменами, в нетерпимости и одержимости быстротой преобразований.

В результате, единственным положительным моментом "шоковой терапии" даже зарубежные экономисты - теоретики, не говоря о не ангажированных представителях российской экономической науки, признают, что она обеспечила лишь невозможность возврата к старой экономической системе. В то же время, успешная реализация даже ограниченных инструментальных задач¹, которые составляли сущность трансформации согласно концепции "Вашингтонского консенсуса" и радикальных реформаторов, сейчас может быть поставлена под большое сомнение.

Среди всего комплекса проблем транзитивной экономики реформа собственности вызывает, пожалуй, наибольший интерес, т.к. именно изменения собственности вызывают все последующие экономические изменения.

Одним из главных аргументов либералов в пользу ускоренной приватизации служило утверждение, что частные предприятия всегда более эффективны, чем государственные, следовательно, приватизация должна явиться важнейшим средством перераспределения ресурсов, улучшения управления и общего повышения эффективности экономики. В современной России в условиях нехватки частного капитала выбор сводился к: а) нахождению формы перераспределения государственной собственности между гражданами; б) выбору немногих владельцев частного капитала (приобретенного зачастую незаконным путем); в) обращению к иностранному капиталу с учетом ограничительных мер.

В отборе вариантов победил второй, причем выбор был осуществлен сознательно и отнюдь не под влиянием экономических мотивов повышения эффективности производства, а под влиянием идеологического значения приватизации. Она была скорее ставкой в политической борьбе и средством реализации корпоративных интересов, чем реальным действием, направленным на создание рыночной структуры. Доказательством того, что в основе первого этапа приватизации - ваучеризации, лежали политические мотивы является ее результат - укрепление позиций некомпетентных (а зачастую и коррумпированных) менеджеров, подрыв потенциала долгосрочных инвестиций.

Россия служит примером провала стратегии ускоренной приватизации, где все характеристики этой стратегии проявились в крайней форме: навязанная стране приватизация в купе с массовыми манипуляциями при передаче собственности в руки менеджеров и приближенных чиновников. В этих условиях фактически произошло развитие абсурдной, извращенной и крайне несправедливой формы олигархического капитализма.

Приватизация, по мысли либералов, должна была создать многочисленный класс частных собственников, но вместо этого появились "богатейшие монстры", образовавшие союз с бюрократической номенклатурой. Права собственности были неформально перераспределены среди ограниченного круга институциональных субъектов. Непродуманная, не сформировавшая механизмы, гарантирующие недопущение концентрации акционерного капитала в руках богатейшего меньшинства, приватизация передала имущество, по сути, процветающей страны в руки коррумпированной политически мощной элиты.

Приватизированные монополии оказались хуже монополий, находящихся в собственности государства, поскольку они практически не подвержены эффективному государственному

регулированию (яркий пример этому - угрозы со стороны Украины: "снизьте цены или потеряете собственность" российские монополисты пролотили и подчинились, а в России их невозможно даже уговорить снизить темп роста цен при имеющихся сверхдоходах).

В ходе возникновения монополий, оказалось сложно предотвратить коррупцию и появление других проблем. Огромные рентные доходы, возникшие при приватизации, способствовали тому, что предприниматели стали предпочитать получать контроль над приватизируемыми предприятиями, а не инвестировать в создание своих собственных фирм.

В условиях России переход государственных предприятий (кроме мелкого производства и сферы услуг) в собственность "подлинных капиталистов", т.е., людей обладающих "капиталом", не решил и не мог решить одну из главных задач рыночной экономики - повышение эффективности экономики. Это произошло в силу того, что в среде капиталистов было инициировано подчеркнутое культивирование силовых методов ведения бизнеса, недобросовестная конкуренция, а стремление к присвоению капитала во что бы то ни стало свело проблему усиления эффективности экономики к решению единственной задачи - задаче личного обогащения. Характер присвоения собственности стал таков, что *нарушился фундаментальный принцип эффективной экономики - взаимосвязь между эффектом и затратами*. Приватизация резко снизила эффективность использования ресурсов по сравнению с экономикой дореформенного периода.

На наш взгляд, именно *характер приватизации* является причиной существенного снижения инвестиционного уровня экономики. Не инвестируют в технические инновации не потому, что нет денег, а потому, что *нет связи между инвестициями и результатами производства*.

Частнособственнические интересы привели к ослаблению государства и разрушению общественного порядка посредством коррупции. Как тут не вспомнить о "фуриях частного интереса", о которых когда-то писал К. Маркс. Силовое и идеологическое давление, пропаганда всего негосударственного привели к тому, что государство потеряло экономические рычаги даже там, где оно должно было владеть ситуацией. В отраслях высокой технологии и тяжелой промышленности, где необходимость и целесообразность приватизации должна была определяться направлениями государственной научно-технической политики, спецификой производства, решением вопросов военно-политического и стратегического характера, государство, по существу, утратило рычаги управления и регулирования.

Экстремистская экономическая политика вызвала ответную политическую реакцию того же плана, что свело практически на нет, результат всей реформы. Вместо открытой и последовательной реорганизации наиболее эффективных предприятий, государственные органы повсеместно были вынуждены продолжать субсидирование, чтобы предотвратить экономический крах. Вместо взращивания финансовой системы, способной обслуживать сбережения и инвестиции, служить посредником в движении средств между семейными бюджетами, общественным сектором, сферой производства, власти санкционировали неограниченные финансовые спекуляции, финансовые пирамиды типа МММ, а затем и сами устроили "пирамиду ГКО", которая разорила миллионы вкладчиков, но не дала ничего для накопления капитала.

Провал приватизации как основы создания рыночной экономики был не случайным, а предсказуемым следствием с точки зрения способа ее проведения.

Обратимся к другой основе неолиберализма - стабилизации денежной системы. В результате осуществления политики сокращения денежной массы и дефицита госбюджета резкое уменьшение доходов госбюджета и вынужденное урезание расходов подрывали способность властей проводить реформы. Именно пример России показал, что сочетание стойкого бюджетного дефицита и медленных структурных реформ делает невозможной устойчивую стабилизацию. Прежде всего, это относится к спонтанной либерализации цен и мерам монетарной политики, направленной на подавление инфляции.

Опасной ошибкой явилась вера в то, что монетарная стабильность представляет собой достаточное условие для оживления производства, перестройки промышленности и достижения необходимой концентрации ресурсов.

Политика реформ, проводившаяся в жизнь, не соответствовала уже достигнутому достаточно высокому уровню индустриального развития России. Конкретно это выра-

зилось в том, что "шоковая терапия" была чрезмерно инфляционной, вызвала стагнацию или коллапс производства и деиндустриализацию значительной ее части. Сокращение инфляции, если и дает, то очень незначительный выигрыш в производительности и экономическом росте, в то время как издержки таких действий весьма велики. Чрезмерное ужесточение кредитно-денежной политики послужило одной из причин увеличения неплатежей и бартерного обмена, которые бывают для ценовой системы гораздо разрушительнее, чем инфляция.

"Монетаристская догма", согласно которой увеличение денежной массы всегда ведет к инфляции, несостоятельна. Погашение задолженности по заработной плате и пенсиям, а также по платежам поставщикам, и возможность финансирования этих расходов за счет увеличения денежной массы должны привести к росту выпуска товаров и, следовательно, повышают совокупный спрос, который всегда ведет к росту экономики. В противоположность этому стратегии "шоковой терапии", чреватая депрессией совокупного спроса, оказывает дестимулирующее воздействие на потенциальных предпринимателей и инвесторов.

Основные элементы реформы – стабилизация, либерализация, приватизация дали результаты, сильно отличающиеся от тех, на которые рассчитывали инициаторы либеральной политики. Макроэкономическая стабилизация привела к сочетанию спада промышленного производства и инфляции, обесценения рубля и долларизации экономики. Инфляция уничтожила сбережения и не дала возможности подняться среднему классу. Истощение инвестиций с вытекающей отсюда эрозией основного капитала и бегством накоплений намного превысили по своим объемам помощь, полученную Россией от Запада. Либерализация цен привела к тому, что в российской действительности цены, вопреки теории, устанавливаются не столько рынками, сколько монополиями, мафиозными группировками и коррумпированными чиновниками.

Рыночный фундаментализм, взятый на вооружение архитекторами трансформации, однозначно рассматривавшими наследие социализма в виде чистого пассива и отвергавшими его целиком по идеологическим соображениям, имеет результатом примитивный капиталистический эксперимент из времен XVIII в.: постсоветскую экономическую систему как индустриальный феодализм, напоминающий экономические отношения в средневековой Западной Европе (с присущими ей в то время дезинтеграцией государства, обособленностью хозяйств и регионов, фрагментарной структурой рынков, неопределенностью прав собственности, ролью личностных связей и др.) на современной технологической базе.

Эффективная экономическая политика предполагает учет и использование национального исторического опыта развития страны. В пользу такого подхода, с точки зрения западной модернизации, можно выдвинуть следующие аргументы: 1) преемственность принципов регулирования и постепенность их замены ставят перед необходимостью считаться с историческим наследием предшествующего периода; 2) поскольку реакция людей на новые и непредвиденные события основывается на их прошлом опыте, следует не разрушать все старые формы организации, а использовать их как основу для формирования нового поведения и новых способов регулирования; 3) в истории развития западного капитализма изменения происходили не путем полного уничтожения старого порядка, а на основе постепенной трансформации некоторых его институтов, которым придавались новые функции. И это – минимальные требования учета исторического опыта, касающиеся нормативной экономики.

Россия же страна с традиционными отношениями. Поэтому узость подхода, игнорирующего важность культурных, этических, нравственных, национальных и других предпосылок для правильного определения задач реформирования экономики и путей их решения, для российского общества оказалась неприемлемой. Тотальный отказ от социалистической экономики, учитывающей традиционность устремлений к социальной справедливости российского народа, от достигнутых социальных завоеваний, сопровождаемый бюджетным кризисом и сокращением государственных расходов на здравоохранение, образование, научные исследования, оказался неприемлемым для населения России.

Россия всегда исторически традиционно имела глубокие корни государственного регу-

лирования экономики. Попытка полного отказа от этого привела к торжеству бесконтрольного присвоения созданного не одним поколением россиян национального богатства. При этом, не лишне отметить, что принцип, отвергающий вмешательство государства в рыночные процессы и провозглашающий энергичное осуществление внутренней и внешнеторговой либерализации, не находит исторического подтверждения. Ни одной экономике не удалось достичь в таком режиме устойчивого роста производства.

"Шоковая терапия" фактически была осуществлена за счет основной массы общества, в ущерб его благосостоянию. Об этом свидетельствуют такие явления, как падение реальной заработной платы и уровня жизни, сокращение средней продолжительности жизни, деградация общей массы населения по основным вопросам жизнедеятельности: уменьшение продолжительности жизни, повышение смертности, деградация медицинского обслуживания, понижение уровня общего и высшего образования до такой степени, что скоро в управление экономикой вступит "поколение неграмотных", пограние национальных традиций русской культуры.

Между тем важность для России социального и культурного аспектов в целях достижения конечных результатов модернизации не вызывает сомнений. Быстрое возникновение крайне неравномерного распределения доходов и имущества в России никогда не было приемлемым для общественного сознания. Примечательной чертой успешно развивающихся стран Азии (традиционных обществ) является достижение ими показателей относительно справедливого распределения доходов и имущества.

Думается, что альтернатив "блага народа - высшая цель" и "суров закон, но он закон" в современной России просто не существует: в силу господства вседозволенности денежного капитала российское общество еще не скоро сможет договориться о выработке человекомерных законов и их всеобщем исполнении. В таких условиях трудно надеяться на и осуществление целей формирования человека как личности, сознательно несущей ответственность за свои действия, обладающей богатым духовным миром, способностью формулировать общественные идеалы, в том числе и правовые, способные организовывать производительные силы для поступательного развития российского общества.

Именно к осуществлению таких целей призывал Г.В. Плеханов в своих работах, особенно периода 1909-1918 гг. И именно этого не смогла бы обеспечить российскому народу демократическая буржуазия в начале XX века. Думается, инстинктивно народ это понял, поэтому, в итоге, поддержал большевиков.

Исторический опыт России на протяжении всего XX века показал всему миру, что игнорирование гуманистических и традиционно-культурных основ экономических отношений не только не может привести к успеху, но и разрушает общество.

1 На деле набор необходимых инструментов и целей развития должен быть значительно шире того, что предлагалось "Вашингтонским консенсусом": целями развития не может не быть повышение уровня жизни населения, в том числе улучшение систем здравоохранения и образования, сохранение природных ресурсов и окружающей среды, развитие демократии и участия в процессе принятия решений.

Е.А.Козлов

100-ЛЕТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОШЛОГО.

1. Столетие спустя после событий Первой русской революции оппозиционная и проправительственная печать современной России вновь полна предсказаний, прогнозов и опровержений по поводу новой общедемократической революции, способной устранить существующий авторитарный режим. Дискуссии касаются вопросов возможности повторения в России "оранжевой" и других "цветочных" революций, прокатившихся в последние годы по ближайшему зарубежью, влияния Запада на эти события, спорят о характере возможной будущей революции и ее движущих силах. Прямые призывы к свержению

"президентского самодержавия" в России, к организации российского "майдана незапечетности", к сплочению широкой антипрезидентской коалиции раздаются на акциях части радикальной российской оппозиции. С другой стороны, угрозы падения существующего режима и пророчества новой революции при продолжении нынешнего социально-экономического курса разделили со стороны таких авторитетных государственных мужей, как С. Миронов и Ю. Лужков. О катастрофических последствиях возможного раскола российской элиты предупреждал в своем недавнем интервью глава президентской администрации.

2. Как и в прошлом, широкое распространение разговоров о революции является важнейшей психологической предпосылкой ее начала. Усиление революционных настроений в последнее время было связано с январско-февральскими выступлениями ветеранов и пенсионеров против вступления в силу печально известного Федерального закона № 122. И хотя власть сумела нейтрализовать протест, широко развернувшийся в начале 2005 года по регионам России, эти события не только показали неустойчивость правящего режима, но и возможность вырвать у этой власти серьезные уступки под давлением народных выступлений. И хотя, с точки зрения обывателей, ситуация в России стабильная, и большинство ее граждан не разделяют революционных устремлений, в лучшем случае, выражая настроения оппозиционные, опыт событий последних месяцев в ближайшем зарубежье показал российским трудящимся, что вопрос о власти может быть решен не без их активного участия. Напомним в этой связи, что в событиях народной революции 1905-07 гг., по подсчетам историков, участвовало не более 6-7% населения.

В то же время, столетний опыт революций в России и других стран учит, что трудно, почти невозможно предсказать их начало. Как известно, не только либерал Витте, но и революционер Ленин, буквально за несколько месяцев до начала первой и второй революции в России давали неверный прогноз о сроках ее начала: Январские события 2005 г., связанные со стихийными выступлениями против "монетизации льгот", - самые крупные антиправительственные выступления за последние 10-12 лет - также оказались неожиданными как для сторонников, так и для противников существующего режима. Как и сто лет назад, эти события свидетельствовали, что дистанция "от любви до ненависти" к правительству, грубо поправшему человеческое достоинство тех, кто недавно еще разделял верноподданнические чувства к нему, в накаленной обстановке уличной борьбы преодолевается в течение нескольких дней. Характерно и то, что среди спецслужб нынешнего режима, как в свое время среди царских охранных служб, широко распространено мнение, что в основе январских событий 1905 и 2005 года лежит заговор либералов (тогда - группировавшихся вокруг Витте, теперь - вокруг Березовского).

3. Очевидно, что без раскола правящей элиты, без поддержки либералами сначала Гапон, а затем всероссийских политических стачек лета и осени 1905 года, без дворцового заговора 1916 года и выступления Госдумы против императора в феврале 1917 года массовые революционные выступления были бы невозможны. Недаром В.И. Ленин относил кризис верхов, создающий трещину, в которую прорывается недовольство угнетенных классов, к абсолютно необходимому элементу революционной ситуации. Значительное повышение активности масс порождается при этом не только обстановкой кризиса, но и самими верхами, привлекающими их к самостоятельному историческому выступлению.

Раскол в "верхах" нынешнего российского общества носит еще скрытый, подспудный характер, выражается в конкурентной борьбе различных группировок в президентском окружении. Открыто он может заявить себя в связи с президентскими выборами 2008 года, при этом активность масс будет канализирована в привычное русло избирательной борьбы за фигуру преемника Путина. В то же время не исключено, что в обстановке, когда демократический вариант президентских выборов будет заблокирован, значительная часть буржуазных слоев, находящихся в оппозиции к "силовикам" из президентского окружения в связи с делом Ходорковского и происходящим переделом собственности и сфер влияния, может призвать широкие массы и к внепарламентским методам борьбы. Тогда возможно повторение событий 1905 года, когда фабриканты и заводчики оглачивали забастовки на своих предприятиях, способствуя их организации. О подобном варианте развития событий также не следует забывать.

4. Независимо от степени вероятности осуществления революционного пути дальней-

шего развития современной России, как и сто лет назад, на авансцену российской политической жизни снова выдвинулся вопрос об отношении пролетарских, народных низов к либералам, о характере и движущих силах возможной революции.

Если оставить за скобками тех левых теоретиков, которые мыслят только категориями социалистической революции и надеются, что временная победа буржуазной контрреволюции рано или поздно сменится возвратом к социалистическому прошлому СССР, то ныне дискуссия идет между сторонниками и противниками совместных действий с буржуазной оппозицией авторитарным тенденциям современного режима. При этом спор идет не о блоке с теми представителями олигархических правых сил, которые несут ответственность и за грабительскую приватизацию и за установление антидемократического режима власти. В отношении этих политических банкротов, чья антинародная сущность ясна любому представителю трудящихся, разногласий нет.

Речь идет о допустимости параллельных или союзнических действий с демократическими партиями, выражающими интересы и настроения средних городских слоев, малых и средних предпринимателей. Вместо объективного анализа того, насколько их интересы совпадают с интересами широких народных слоев на современном этапе, иные сторонники коммунистической гегемонии на всех этапах предстоящей революционной борьбы исходят в своих оценках из враждебного отношения представителей этих партий к данной идее. При этом, нередко, всех представителей буржуазной демократической оппозиции сторонники чистоты коммунистических одежд зачисляют в ряды компрадорской, прозападной буржуазии, отказываясь строить отношения с ними даже по ленинской формуле "Врозь идти - вместе бить!"

В наиболее одиозном виде эту точку зрения выражают некоторые представители государственно-патриотического направления в левой среде, призывающие поддержать нынешнего президента, поскольку он ведет борьбу с компрадорской частью российской буржуазии, инспирирующей его свержение методами "оранжевой революции". Основываясь на той очевидной истине, что события в Киргизии, Украине, Грузии действительно показывают, как часть правящей элиты вовлекает широкие слои населения в борьбу за свои групповые интересы, используя при этом и националистические, антироссийские мотивы, представители данной точки зрения отказываются не только от задачи использовать противоречия внутри правящего класса в интересах масс, но фактически отказываются вообще от революционной борьбы, откладывая ее до отдаленных социалистических календ.

5. Столетняя история революций в России и во всем мире показала, что чистых социалистических революций не бывает, все прошедшие социалистические революции вырастали из революций национально-освободительных, антифашистских, общедемократических. Чтобы наложить на эти демократические революции "пролетарский отпечаток" и парализовать неустойчивость либерально-буржуазных сил необходимо иметь революционную программу общедемократических преобразований, способную привлечь на свою сторону большинство народа. Как и во времена Плеханова и Ленина недостаточно разоблачать эгоистические устремления буржуазной оппозиции, необходимо выдвинуть такие радикальные лозунги, которые указывали бы реальный выход из существующих противоречий, осуществить который буржуазные партии будут неспособны.

В отличие от событий 1905 года, которые начались с всеобщей стачки рабочих Санкт-Петербурга, рабочий класс современной России не имеет ни политического опыта, ни самостоятельных организаций (Советов, профсоюзов, левых партий), способных претворить в жизнь его самостоятельное классовое влияние, тем более - руководящую роль в революционных событиях, если они развернутся в России. Все эти предпосылки будут разворачиваться уже по ходу революции, как уже было в ходе январских событий 2005 года, когда потребности борьбы вызвали к жизни такие формы самоорганизации граждан как городские Советы общественной солидарности, Центры протестных действий, координационные комитеты и т.п.

Главную роль в революционных преобразованиях будущего первоначально будут играть не классовые, а общегражданские движения, отражающие общедемократический протест против бюрократических проявлений современного российского государства, против

произвола чиновников. Создание авторитетных общественных центров влияния социально-протестного движения, способных контролировать деятельность органов государственной власти и выражать общую волю широких слоев населения, является необходимой предпосылкой двоевластия, той альтернативности общественного развития, без которой, как показал опыт революций 1905 и 1917 гг., не бывает победы народа над существующей властью.

6. Современной России предстоит пройти этап общедемократической трансформации, направленной на устранение причин кризиса современного российского общества и обеспечение его модернизации. Деприватизация ключевых отраслей экономики не выведет эти преобразования за рамки капиталистических отношений.

Период постепенных революционных преобразований может начаться только через реализацию следующих условий:

1. Установление в России парламентской республики, т.е. верховенства представительных органов власти над исполнительными.
2. Введения прогрессивного налогообложения и национализации природной ренты.
3. Повышения в три-четыре раза уровня реальной зарплаты и пенсий.
4. Создания органов народного контроля за работой государственных органов власти.
5. Демократизацию СМИ и обеспечение равного доступа всех парламентских партий к телевидению.

Эта программа-минимум может быть поддержана 9/10 населения России, включая значительную часть демократической буржуазной оппозиции.

Отношение к этой программе будет наиболее действенным фактором разоблачения политической неустойчивости либеральных деятелей и партий. Борьба за реализацию этих условий является единственной реальной альтернативой против вовлечения трудящихся в конкурентную борьбу между различными представителями правящих кругов на предстоящих выборах.

Борозняк Александр Иванович – д-р ист. наук, проф., зав. Кафедрой социальной и духовной культуры Липецкого государственного педагогического университета, чл. Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, Липецк E-mail: bor@lspu.lipetsk.ru

Вапилин Евгений Геннадьевич – д-р ист. наук, доц. Михайловской военной артиллерийской академии, Санкт-Петербург

Вашкау Нина Эмильевна – д-р ист. наук, проф. Волгоградского государственного университета, Волгоград. E-mail: vaschkau@mail.ru

Волгирева Галина Павловна – канд. ист. наук, доц. Кафедры новейшей истории России Пермского государственного университета, Пермь. E-mail: modrus@psu.ru

Волков Валерий Степанович – д-р ист. наук, проф. Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (РГПУ), Санкт-Петербург

Казарова Нина Акоповна – д-р ист. наук, проф. Кафедры отечественной истории Ростовского государственного педагогического университета, Ростов – на – Дону E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Калашников Владимир Валерьевич – д-р ист. наук, проф., зав. Кафедрой истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, Санкт-Петербург. E-mail: vvk2@mail.ru

Кашавцева Ольга Сергеевна – ведущий специалист Избирательной комиссии Орловской области, Орел. E-mail: okash@inbox.ru

Кнорринг Вера Вадимовна – канд. ист. наук, сотр. Отдела обработки и каталогов Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург. E-mail: supkno@yandex.ru

Козлов Евгений Александрович – канд. ист. наук, доц. Кафедры истории и права Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии им. С. М. Кирова, Санкт-Петербург. E-mail: Eak@dom.len.ru

Колганов Андрей Иванович – д-р экон. наук, ведущий. науч. сотр. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. E-mail: alternativ@tochka.ru

Конашев Михаил Борисович – канд. биол. наук, зам. директора СПб отделения Института истории естествознания и техники РАН, Санкт-Петербург. E-mail: mbk@iatp36.spb.org

Косолапов Николай Алексеевич – канд. ист. наук, зав. отделом международных политических проблем Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва. E-mail: kosolap@imemo.ru

Кравчук Валерий Романович – ст. преп. Михайловской военной артиллерийской академии, Санкт-Петербург

Куреньшев Андрей Александрович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Государственного исторического музея (ГИМ), Москва. E-mail: kure-andrej@yandex.ru

Латышева Виктория Александровна – аспирант Института истории Национальной Академии наук Беларуси, Минск. E-mail: sidorvn@bsu.by

Любин Валерий Петрович – канд. ист. наук, ведущий науч. сотр. ИНИОН РАН, проф. Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), Москва. E-mail: vpljubin@mtu-net.ru

Милов Леонид Васильевич – акад., зав. кафедрой МГУ им. М.В. Ломоносова, предс. Научного совета РАН по проблемам аграрной истории, Москва

Миронов Борис Николаевич – д-р ист. наук, проф. СПбГУ, гл. науч. сотр. Санкт-Петербургского Института истории РАН, Санкт-Петербург. bmironov@nevsky.net

Папулов Константин Львович – науч. сотр. ГИАИМЗ "Парк Монрепо", Санкт-Петербург. E-mail: kst61@km.ru

Peter Hartmut Rydiger – Ph. D, Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg Institut für Geschichte, Halle. E-mail: @geschichte.uni-halle.de

Петренко Елена Леонидовна – д-р филос. наук, проф. Дипломатической академии МИД РФ, Москва. E-mail: philosophia@kafedra.dipacademy.ru

Пронина Марина Васильевна – канд. ист. наук, науч. сотр. Сектора Дом Плеханова

Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург.

Пушкарева Ирина Михайловна – д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотр. ИРИ РАН, Москва

E-mail: pushkarev@mail.ru

Розина Елена Кимовна – аспирант Волгоградского государственного университета, Волгоград

Sakamoto Hiroshi – Associated professor, Hosei University, Tokyo. E-mail: sakamoto252@yahoo.co.jp

Свалов Александр Николаевич – канд. ист. наук, проф. Российского государственного социального университета (РГСУ), ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Москва. E-mail: dtou@mgsu.info

Смирнова Тамара Михайловна – д-р ист. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета авиационного приборостроения, Санкт-Петербург. E-mail: mokva@aanet.ru

Тютюкин Станислав Васильевич – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. ИРИ РАН, гл. ред. журн. "Отечественная история", Москва. E-mail: otech.ist@mail.ru

Филимонова Татьяна Ивановна – канд. ист. наук, зав. Сектором Дом Плеханова Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург. E-mail: domplekh@nlr.ru

Филиппов Василий Рудольфович – д-р ист. наук, зав. Сектором этнической регионалистики Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва. E-mail: fvrdr@rambler.ru

Хабенская Елена Олеговна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Сектора этнической регионалистики Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва. E-mail: eoh@rambler.ru

Hedeler Wladislaw – Ph. D, Berlin. E-mail: liebigt@debitel.net

Цапиева Ольга Константиновна – д-р экон. наук, проф., зам. директора по науч. работе Института социально-экон. исследований Дагестанского научного центра РАН (ИСЭИ ДНЦ РАН), Махачкала. E-mail: t-ok@rambler.ru

Чернобаев Анатолий Александрович – д-р ист. наук, проф. Российской академии государственной службы при Президенте РФ, гл. ред. журн. "Исторический архив", Москва. E-mail: alexch@caravan.ru

Чернышева Елена Викторовна – канд. ист. наук, доц. Кафедры историографии, методологии и теории истории Курганского государственного университета, Курган. E-mail: scify@rambler.ru

Шатохин Иван Тихонович – канд. ист. наук, доц. Кафедры российской истории Белгородского государственного университета, Белгород. E-mail: Shatohin@bsu.edu.ru

Элез Андрей Иовович – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. Сектора этнической регионалистики Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва. E-mail: ajelez@online.ru

05-7399 1

РНБ Русский фонд

2006-3

3476-2

-065739

Из фондов Российской национальной библиотеки